

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

КУШНИР Ирина Владимировна

**ДИСБАЛАНС ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор,
Почётный работник высшего
профессионального образования
Российской Федерации, Заслуженный
юрист Российской Федерации
И.Н. Сенякин

Саратов – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
 ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОГО ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	24
 ГЛАВА 2. ДИСБАЛАНС ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	41
2.1. Методологические основания исследования феномена дисбаланса юридической ответственности.....	41
2.2. Понятие, причины и формы проявления дисбаланса юридической ответственности.....	61
2.3. Дисбаланс и дисфункция юридической ответственности в механизме правового регулирования.....	102
2.4. Дисбаланс юридической ответственности и проблемы наказания в правоприменительной практике.....	121
 ГЛАВА 3. СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ДИСБАЛАНСА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	134
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	158
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	163

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современные реалии российской правовой действительности свидетельствуют о росте общего количества запретов и мер ответственности за их нарушение. Отмеченная тенденция имеет как положительные, так и негативные последствия для качества правового регулирования общественных отношений. При этом актуализируется проблема сбалансированного установления в российском законодательстве и практического применения правовых запретов и средств юридической ответственности. Дисбаланс же в законодательной регламентации запретов и ответственности чреват весьма существенными негативными последствиями как для функционирования самой правовой системы, так и для развития общества в целом.

Охранительные нормативные правовые предписания в системе российского законодательства, бесспорно, играют ведущую роль в соблюдении режима законности и обеспечении правопорядка в обществе. От качества и эффективности действия охранительных мер права во многом зависит как безопасность отдельной личности, так и всего государства в целом. При этом важнейшей качественной характеристикой и одновременно принципом-требованием к организации мер юридической ответственности выступает их системность. Напротив, несистемное закрепление охранительных предписаний права и содержащихся в них мер правового воздействия за совершение различного рода правонарушений существенно снижает эффективность подобных правовых средств либо вовсе делает их недейственными, неэффективными. Как следствие, для юридической науки и практики весьма актуальной представляется проблема дисбаланса юридической ответственности как различного рода системное нарушение в ее установлении и практической реализации.

Принципиальным представляется учет в процессе законодательной трансформации института ответственности баланса между такими

тенденциями как: стабильность и изменчивость законодательства; унификация и специализация в нормативной регламентации юридической ответственности; гуманизация и ужесточение наказания за различного рода правонарушения; криминализация и декриминализация деяний; межотраслевая интеграция и отраслевая дифференциация мер охранительного воздействия.

Востребованность данного юридического инструментария в политике государства не остается без внимания исследователей. Однако вопросы баланса и дисбаланса запретов и ответственности в праве остаются по-прежнему недостаточно проработанными как на уровне общей теории права, так и на уровне отраслевых правовых исследований. Категориальная пара «баланс – дисбаланс» обладает значительным эвристическим потенциалом в познании качественного состояния охранительной подсистемы законодательства.

Злободневность исследования проблем сбалансированности правового регулирования в целом особо выделяет Н.А. Власенко, обоснованно утверждая о необходимости специального познания сбалансированности права сквозь призму таких его характеристик, как «достаточность права» и «агрессивность юридических предписаний»: «Ситуация во многом парадоксальная — современному российскому обществу, с одной стороны, явно «не хватает права», и в части оптимальности и баланса правового регулирования наша страна отстает от многих стран Европы и США. С другой стороны, отдельные стороны социальной жизни либо не нуждаются в праворегулировании, либо «устают» от интенсивности изменений и дополнений правовых регуляторов»¹.

Представляется, что подобная оценка распространяется и на институт юридической ответственности, который требует внимания со стороны

¹ Власенко Н.А. Проблема достаточности и агрессивности правового регулирования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 46.

юридической науки на предмет изучения его достаточности, соразмерности, пропорциональности и сбалансированности.

Юридическая ответственность, как межотраслевой институт российского законодательства, содержательно представляет собой весьма внушительный пласт охранительных норм, включая предписания конституционного, уголовного, административного, гражданского, трудового, налогового и ряда иных отраслей права. Он характеризуется сложной внутренней структурой, пронизанной многообразными системными связями, что позволяет рассматривать его в качестве единого целостного нормативного образования в системе законодательства. Однако многие нормы, устанавливающие юридическую ответственность, далеки от состояния равновесия, устойчивости и сбалансированности, о чем свидетельствуют непрекращающиеся законодательные поправки, вносимые в КоАП РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ и иные нормативные правовые акты охранительной направленности. Массированное изменение, порой ускоренная «перенастройка» института юридической ответственности в целях совершенствования, напротив, на практике в настоящее время не способствует укреплению системности и единства в его содержании.

Многочисленные дефекты нормативного установления и практического применения мер юридической ответственности нередко становятся предметом научных изысканий со стороны отечественных правоведов. Для этой цели они используют весьма обширный понятийный «арсенал», оперируя, к примеру, следующими терминами: «коллизия», «дефект», «ошибка», «дисбаланс», «противоречие», «проблемы» и иные.

Вышеобозначенные обстоятельства вызывают настоятельную потребность в проведении комплексного фундаментального исследования, посвященного формированию категории «дисбаланс юридической ответственности», выяснению основных форм проявления разбалансированности института юридической ответственности,

определению средств и способов предотвращения и минимизации негативных последствий такого вида дисбаланса в механизме правового регулирования. Таким образом, требуется разработка общетеоретической концепции дисбаланса юридической ответственности. Фактически общее учение о юридической ответственности нуждается в значимом дополнении знаниями о закономерностях детерминации дисбаланса норм института ответственности в российском законодательстве и средствах его предотвращения.

Степень научной разработанности темы. Вопросы понятия, принципов, видов и функций юридической ответственности достаточно обстоятельно раскрываются как в общей теории права, так и в рамках специальных отраслевых юридических наук.

Ряд значимых положений о понятии, природе и функциональной характеристике юридической ответственности был сформулирован в общетеоретических и специально-отраслевых работах таких авторов, как: С.С. Алексеева, М.И. Байтина, В.М. Баранова, С.Н. Братуся, Д.Н. Бахраха, Н.В. Витрука, И.А. Галагана, Т.Д. Зражевской, Т.И. Илларионовой, О.С. Иоффе, А.В. Краснова, В.Н. Кудрявцева, О.Э. Лейста, Р.З. Лившица, Д.А. Липинского, Н.А. Лопашенко, И.В. Максимова, Н.И. Малеина, П.Е. Недбайло, И.С. Ноя, П.П. Осипова, И.С. Самощенко, И.Н. Сенякина, Э.А. Сатина, М.Х. Фарукшина, Р.Л. Хачатурова, М.Д. Шаргородского, Н.Н. Черногора, Е.В. Черных и др.

Вопросы баланса и дисбаланса ответственности в праве раскрываются в отечественной юридической литературе преимущественно в ходе освещения смежных проблем в виде правовых коллизий, дефектов права и юридической техники, ошибок законодателя и ряда иных. Одной из немногих работ, напрямую увязанных с теоретическим осмыслением феномена дисбаланса юридической ответственности, можно выделить статью И.Н. Сенякина, в которой постановочно рассматривается общая

характеристика данного вида дисбаланса, раскрываются его причины, приводятся отдельные примеры из законодательства¹.

Проблема сбалансированности и дисбаланса юридической ответственности самым тесным образом увязана с уже установленными или впервые вводимыми в законодательстве запрещающими нормативными предписаниями. Эпизодически в литературе исследователи обращаются и к тематике избыточности, дублирования, коллизионности и технико-юридического несовершенства запретов в праве и законодательстве. В.В. Толмачев провел специальное исследование технико-юридических требований, предъявляемых к установлению и применению правовых запретов, обозначил наиболее типичные ошибки, допускаемые в отношении текстуального закрепления их в законодательстве².

В более широком контексте оперирует терминами «баланс» и «дисбаланс» в своих работах С.А. Белоусов. Им ставится проблема дисбаланса всей системы законодательства, предлагается комплексное рассмотрение его понятия, причин, форм проявления и мер предотвращения³.

С позиций философии права и синергетического подхода М.В. Шугуров обосновывает перспективность использования категорий баланса и дисбаланса в оценке правовой реальности в целом. Согласно мнению упомянутого автора, дисбаланс присущ не только законодательству, но и праву, правовой системе общества и многим другим юридическим явлениям⁴.

В плане же исследования вопросов разбалансированности юридической ответственности следует отдельно выделить работу

¹ См.: *Сенякин И.Н.* Дисбаланс юридической ответственности в российском законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). С. 127 – 138.

² См.: *Толмачев В.В.* Техничко-юридические средства установления и реализации запретов в российском праве. Дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2014.

³ См.: *Белоусов С.А.* Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика). Дис. ...докт. юрид. наук. Саратов, 2015.

⁴ См.: *Шугуров М.В.* Баланс и дисбаланс как категории правовой реальности: системно-синергетический подход // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1(6). С. 87 – 98.

А.Р. Лаврентьева, который практически вплотную приблизился к постановке проблемы системного видения дефектов института юридической ответственности на примере коллизий¹.

Кроме того, в современной юридической литературе имеется ряд публикаций, обращающих внимание на отдельные аспекты отмеченной проблемы. Описываются преимущественно фрагменты, конкретные проявления разбалансированности юридической ответственности отраслевого характера, без использования общетеоретического и системного подходов в ее изучении. Так, например, исследователи оперируют терминами «противоречие», «коллизия», «несогласованность», «асимметрия», «недостаток», «изъян» в оценке дефектов законодательной регламентации института юридической ответственности². Между тем накоплен достаточный теоретический и практический материал для осуществления общетеоретического осмысления проблемы дисбаланса юридической ответственности не как отдельного дефекта, а как системного нарушения ее системообразующих связей и элементов, вызывающего существенное снижение эффективности действия или вовсе сводящего ее охранительное воздействие к нулевой отметке.

¹ См.: *Лаврентьев А.Р.* Коллизии института юридической ответственности в России. Дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 23 – 24 и др.

² См.: *Александров А.А.* Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // *Уголовное право*. 2011. № 1. С. 54–57; *Борков В.Н.* Закономерности формирования и дисбаланс системы уголовно-правовых запретов на совершение должностных преступлений // *Административное и муниципальное право*. 2008. № 3. С. 9–15; *Дзиконская С.Г.* К вопросу о соблюдении принципа равенства в условиях системы уголовно-правовых норм гендерной асимметрии // *Уголовное судопроизводство*. 2009. № 3. С. 7–10; *Липинский Д.А.* Несогласованность Кодекса об административных правонарушениях // *Юрист*. 2003. № 7. С. 30–34; *Проценко С.В.* О противоречии действующего института освобождения от уголовной ответственности основным положениям Конституции РФ // *Российский следователь*. 2010. № 19. С. 22–26; *Рябинина Т.К., Козявин А.А.* Системные противоречия процессуальной формы предварительного расследования и пути их разрешения // *Российский следователь*. 2009. № 21. С. 10–13; *Тасалов Ф.А.* УК гуманизируется, дисбаланс остается // *ЭЖ-Юрист*. 2011. № 26. С. 1–3; *Широков В.А.* Противоречие законов как серьезное препятствие в борьбе со взяточничеством // *Современное право*. 2005. № 4. С. 39–41 и др.

Объектом исследования является юридическая ответственность как межотраслевой институт российского законодательства.

Предметом исследования выступают имеющиеся в юридической науке представления о юридической ответственности, понятие «дисбаланс юридической ответственности», основные формы проявления разбалансированности института ответственности в праве, наиболее общие закономерности детерминации дисбаланса юридической ответственности.

Целью исследования является разработка основ общетеоретической концепции дисбаланса института юридической ответственности в российском законодательстве, комплексно отражающих его понятие, природу, формы проявления и средства предотвращения.

Исходя из поставленной цели, **основными задачами исследования** выступают:

- уточнение основных тенденций развития института ответственности в современном российском законодательстве;
- формирование авторского понятия «дисбаланс юридической ответственности» и выделение его характерных признаков;
- выявление причин и факторов, детерминирующих возникновение дисбаланса запретов и ответственности в российском законодательстве;
- предложение авторской классификации основных форм проявления (видов) дисбаланса юридической ответственности;
- отграничение понятия дисбаланса юридической ответственности от смежных юридических категорий;
- рассмотрение дисфункции юридической ответственности как значимого последствия ее дисбаланса;
- выявление основных форм воздействия дисбаланса юридической ответственности на механизм правового регулирования;
- определение дисфункции юридической ответственности;

- выявление особенностей дублирования наказания и иных мер в качестве особой формы проявления дисбаланса юридической ответственности;

- обоснование ряда направлений дальнейшего совершенствования правотворческой практики по предотвращению формирования дисбаланса института юридической ответственности в российском законодательстве и по минимизации его возможных негативных последствий.

Методологическая основа исследования. Мировоззренческую основу познания феномена дисбаланса юридической ответственности составила материалистическая диалектика, посредством которой были раскрыты противоположные тенденции в развитии института ответственности в праве, продемонстрирована их диалектическая взаимосвязь и роль в процессе детерминации разбалансированности норм, составляющих содержание данного института. Основные положения и выводы в работе были сформулированы исходя из следующих отправных методологических установок: социально-экономической обусловленности развития института юридической ответственности; соразмерности правонарушения и применяемого за его совершение наказания; диалектической связи частных и публичных начал в системе юридической ответственности; перехода количественных изменений в качественные в ходе формирования и разрастания дисбаланса института ответственности в российском законодательстве.

В диссертации нашли применение такие общенаучные методы исследования, как: исторический, логический, системный и структурно-функциональный. Системный подход позволил уточнить вопросы о нарушениях системных связей в структуре и содержании института юридической ответственности в качестве одной из форм проявления его дисбаланса. Благодаря функциональному методу обоснована необходимость внедрения в понятийный аппарат юриспруденции категории «дисфункция юридической ответственности». В числе частноправовых методов

использованы формально-юридический и сравнительно-правовой. Формально-юридический метод позволил проанализировать ряд нормативных правовых актов, устанавливающих меры юридической ответственности. Сравнительно-правовой метод послужил средством сопоставления различных видов юридической ответственности на предмет их межотраслевого дисбаланса, а также инструментом отграничения дисбаланса от схожих правовых феноменов.

Теоретическую основу исследования составили фундаментальные труды по общей теории права и государства, а также в области специально-отраслевых юридических наук, затрагивающих прямо или косвенно вопросы понятия, содержания и структуры юридической ответственности как межотраслевого института российского законодательства. Основные положения и выводы в работе сделаны посредством обобщения накопленного теоретического знания в рамках таких наук, как конституционное, уголовное, административное, гражданское, трудовое, налоговое, уголовно-процессуальное право и др.

Нормативную и эмпирическую базу исследования образуют следующие источники: Конституция Российской Федерации; федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты, устанавливающие нормы института юридической ответственности. Ряд выводов в работе сделан с опорой на изучение и обобщение материалов правоинтерпретационной и правоприменительной практики, связанных с толкованием и реализацией норм юридической ответственности и преодолением состояния их коллизионности и дисбаланса.

Научная новизна исследования определяется, прежде всего, авторским подходом к рассмотрению природы и форм проявления дисбаланса юридической ответственности. Предлагаются системно изложенные основы общетеоретической концепции дисбаланса юридической ответственности как сложного и преимущественно негативного феномена правовой действительности, обладающего дисфункциональным действием в

механизме правового регулирования и существенно снижающего эффективность охранительного действия всей системы права. Такой концептуальный подход позволил определить общие закономерности детерминации дисбаланса юридической ответственности, выявить основные причины и условия его формирования.

В работе представлены авторские дефиниции понятий «дисбаланс юридической ответственности», «избыточность запретов в праве», «специализация института юридической ответственности», «унификация юридической ответственности», «дефект юридической ответственности», «дисфункция юридической ответственности» и ряда других. Дано соотношение понятия дисбаланса юридической ответственности со смежными понятиями и категориями правоведения.

В инновационном ключе раскрывается проблема риска излишнего ограничения прав и свобод человека и гражданина в процессе установления и применения института юридической ответственности государством. Уточняются общетеоретические вопросы понятия и виды функций юридической ответственности. Отстаивается позиция о необходимости выделения у юридической ответственности ограничительной функции. Раскрывается содержание принципа соразмерности в отношении юридической ответственности как межотраслевого института законодательства. Нарушение принципа соразмерности ответственности в праве предлагается трактовать в качестве ее дисфункции.

Отдельное внимание в диссертации уделено малоизученным на уровне общей теории государства и права вопросам специализации и унификации юридической ответственности в качестве основных способов предотвращения ее дисбаланса.

В диссертационном исследовании не представлялось возможным рассмотрение всех без исключения видов и форм проявлений дисбаланса института юридической ответственности в российском законодательстве. Исходя из этого и с учетом общетеоретической направленности работы

усилия были сконцентрированы на выявлении лишь наиболее общих закономерностей детерминации и развития рассматриваемого правового феномена, а также на установлении наиболее типичных его форм существования.

На защиту выносятся следующие **основные положения**.

1. В качестве основных тенденций развития института юридической ответственности в системе современного российского законодательства выделяются следующие:

- сочетание двух противоречивых направлений развития ответственности в виде ее ужесточения и либерализации по отдельным направлениям;

- перетекание юридической ответственности из одной сферы правового регулирования в другую (замена и вытеснение одного отраслевого вида юридической ответственности другим) и появление новых видов юридической ответственности;

- возрастание избыточности правового запрета и излишнего ограничительного воздействия со стороны института юридической ответственности в ряде сфер правового регулирования;

- усложнение процессов дифференциации мер юридической ответственности и одновременно снижение качества унификации ее общих начал;

- усиление дисбаланса в системе юридической ответственности.

2. Делается вывод о том, что баланс в системе запретов и юридической ответственности должен быть обеспечен соблюдением принципов-требований по соразмерности целей и применяемых в рамках данного института охранительных средств. Важнейшими целями юридической ответственности являются обеспечение справедливости, баланса частных и публичных интересов в ходе ее установления и практической реализации. Соразмерность же устанавливаемого в норме права запрета и мер ответственности за его нарушение составляет лишь необходимое условие,

инструмент по достижению целей юридической ответственности в виде общей и частной превенции, перевоспитания правонарушителя и достижения справедливости, а также сбалансированности частных и публичных интересов в праве.

Доказывается, что в теории права идею баланса юридической ответственности необходимо рассматривать посредством ее конкретизации в четырех основополагающих принципах, взятых в единстве и взаимообусловленности: справедливости, соразмерности, экономии правовых репрессий и обеспечения сбалансированности частных и публичных интересов в праве.

3. Из всего множества трактовок юридической ответственности обосновывается выбор ее понимания в качестве межотраслевого института российского права, характеризующегося признаками единства и системности нормативных правовых предписаний, предусматривающих запреты и меры наказания, а также иного охранительного воздействия за их несоблюдение. При этом дисбаланс юридической ответственности становится возможным рассматривать в теории права в качестве подвида межотраслевого законодательного дисбаланса.

4. Формулируется авторское определение понятия дисбаланса юридической ответственности как обусловленного объективными, а так и субъективными факторами, состояния рассогласованности нормативных предписаний, их несоответствия системным принципам формирования института ответственности, неравнозначности и несоразмерности законодательно установленных мер ответственности правонарушениям, диспропорции между тенденциями интеграции и унификации данного межотраслевого института законодательства, нарушения внутри него генетических, иерархических и координационных связей, вызывающего в итоге существенное снижение эффективности охранительного действия права.

5. В качестве наиболее общих причин и условий формирования дисбаланса института юридической ответственности выделяются следующие:

- несоответствие правового регулирования в сфере ответственности уровню развития охраняемых общественных отношений;
- нарушение правил юридической техники и методики использования ее средств, а также несовершенство самой юридической техники, что может выражаться в несоблюдении принципа системности при подготовке законопроекта в области ответственности, неоправданном наличии оценочных понятий, юридической (правовой) инфляции, коллизий и пробелов в праве, слабой экспертизе законопроектов, нарушении логических связей между структурными элементами охранительных норм права и т.п.;
- негативно сказывающийся субъективный фактор, который выражается в политизированности некоторых нормативно-правовых актов, устанавливающих меры ответственности, низком уровне правовой культуры законодателя и его непрофессионализме, низком уровне правовой грамотности правоприменителей и в слабом контроле за реализацией мер юридической ответственности;
- недостаточная унификация общих норм и принципов института юридической ответственности;
- излишняя дифференциация нормативных предписаний в системе юридической ответственности;
- нарушение основополагающих принципов системы юридической ответственности, включая начала равенства и справедливости в установлении вида и меры ответственности в отношении определенных групп субъектов в целях учета их возрастных и функциональных особенностей, а также социального положения;
- избыточность запретов в праве.

6. Выделяется ряд характерных черт, позволяющих отграничивать дисбаланс юридической ответственности от статичных, «локализованных» дефектов рассматриваемого института:

- важнейшим признаком и одновременно внешним проявлением дисбаланса юридической ответственности следует признавать присутствие диспропорции, несоразмерности в противоположных тенденциях развития данного института (это не только рассогласование между унификацией и специализацией норм об ответственности, но и расхождение между тенденциями криминализации и декриминализации деяний, несогласованность действий законодателя по ужесточению и, напротив, гуманизации наказания, нарушение баланса публичных и частных интересов, несоразмерность темпов развития материальной и процессуальной составляющих института ответственности);

- формирование угрозы в отношении утраты целостности системы юридической ответственности, что проявляется в нарушении ее основополагающих принципов (справедливости, законности, неотвратимости, соразмерности запрещенного деяния и последующего за его совершение наказания, виновности, индивидуализации мер ответственности, недопустимости удвоения ответственности, гуманизма) и одновременно в разрушении ее генетических, предметных и функциональных связей;

- дисбаланс юридической ответственности представляет собой системное нарушение ее связей, принципов, что в интегрированном виде есть не просто отдельно взятый в статике дефект, а развивающийся во времени динамический процесс разбалансированности нормативных правовых предписаний, усугубляющийся до тех пор, пока не будет комплексно разрешен посредством соответствующей правотворческой деятельности;

- дефект юридической ответственности преимущественно носит достаточно локализованный характер, например, в виде конкретной коллизии двух норм, что в итоге позволяет обнаружить его четко выраженные внешние признаки в законодательстве, дисбаланс же в системе юридической

ответственности характеризуется отсутствием строго определенных параметров в содержательном и структурном плане, определяется лишь в ходе системного толкования и применения нормативной правовой основы ответственности;

- установление возможного дисбаланса функциональных межотраслевых связей в системе юридической ответственности зачастую сопряжено с проведением целого ряда специализированных исследований, а отдельные дефекты нормативной основы ответственности выявляются посредством совершения существенно меньшего числа операций, а также, как правило, не требуют комплекса мер по их устранению;

- между дефектом в системе юридической ответственности и ее дисбалансом существует диалектическая связь, которая выражается в возможности их взаимного порождения (однако далеко не всякий дефект ответственности вызывает устойчивый процесс ее разбалансированности, как правило, лишь совместное негативное действие ряда дефектов законодательства способно продуцировать дисбаланс, который, безусловно, становится разрушительно опасным для функционирования всего пораженного им института).

7. Выявляется ряд основных форм проявления (видов) дисбаланса юридической ответственности как межотраслевого комплексного института российского законодательства:

- дисбаланс между юридической ответственностью личности с одной стороны, и ответственность государства перед личностью с другой;

- рассогласование общих и специальных норм в содержании института юридической ответственности;

- несоразмерность правонарушений и установленных мер ответственности в праве за их совершение;

- избыточность правовых запретов;

- межотраслевые коллизии в институте юридической ответственности, разрушающие его системное единство;

- дисбаланс федерального и регионального законодательства в сфере ответственности;
- разбалансированность материальных норм института ответственности и процессуальных нормативных предписаний, обеспечивающих их реализацию;
- дублирование правовых наказаний, поскольку это нарушает основополагающие принципы юридической ответственности.

8. Избыточность запретов в праве определяется как наличие в его содержании излишних, дублирующих и не соответствующих уровню социально-экономического и политического развития общества запрещающих нормативных правовых предписаний, порождающих коллизионность охранительных норм права и состояние дисбаланса в системе юридической ответственности, в том числе выражающееся в нарушении таких ее базовых принципов, как справедливость наказания, соразмерность правонарушения и ответственности за него, виновности и др. Отдельные же технико-юридические дефекты законодательного установления запретов в российском праве, включая и их избыточность, характеризуют уровень разбалансированности межотраслевого института юридической ответственности, сигнализируют о необходимости их предотвращения и исправления. В противном случае, их накопление с течением времени может приводить к системному нарушению предметных и функциональных связей нормативных запрещающих предписаний, что и составляет одну из форм проявления дисбаланса юридической ответственности.

9. Аргументируется позиция, согласно которой юридическая ответственность, как важнейшая составляющая системы права, обладает функциональным и дисфункциональным действием в отношении общественных отношений, правопорядка и режима законности в обществе. Следует учитывать и то обстоятельство, что при существенном дисбалансе норм внутри института юридической ответственности и их внешней

разбалансированности со сложившейся системой охраняемых правом общественных отношений возможно «пробуждение» к жизни феномена замещения его основных функций дисфункциями со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями вплоть до формирования состояния так называемой «юридической безответственности». Одновременно обосновывается выделение детерминационной цепочки в виде «дисбаланс системы юридической ответственности как межотраслевого комплексного института российского законодательства – дисфункция(и) юридической ответственности – юридическая безответственность как негативное явление социально-правовой действительности».

10. Доказывается необходимость дополнения общего учения о юридической ответственности понятием «дисфункция», направленным на выявление неосновных, нетипичных, порой латентных и имеющих, как правило, негативный результат действия функций рассматриваемого института, обнаружение которых также связано с актуализацией проблемы выявления источников, причин их возникновения, измерения суммарного воздействия функций и дисфункций ответственности на общественные отношения в целях уточнения научно-практической модели определения ее эффективности.

Предлагается авторская дефиниция дисфункции юридической ответственности как неосновного негативного направления воздействия предписаний системы юридической ответственности, несогласующееся с основными целями и принципом соразмерности наказания и совершенного противоправного деяния, влекущее за собой дисбаланс частных и публичных интересов.

11. Обосновывается тезис о том, что соответствие мер юридической ответственности в деле ограничения прав и свобод публичным целям выступает достаточно четким критерием допустимости (пределом действия) ограничительной функции правового наказания, выходя за который оно должно оцениваться в качестве произвола государства и нарушения общих

начал права. Различного рода отклонения, отступления от действия принципа соразмерности юридической ответственности предлагается рассматривать в теории в качестве одной из важнейших предпосылок формирования дисфункции и формы проявления дисбаланса рассматриваемого института.

Применительно к институту юридической ответственности принцип соразмерности призван обеспечить надлежащую реализацию ее ограничительной функции, не допустив при этом ее превращения, трансформации в собственный антипод в виде своеобразной дисфункции по чрезмерному ограничению прав и свобод граждан, злоупотребления властью лицами, устанавливающими и применяющими меры юридической ответственности на практике.

12. Делается вывод о том, что общетеоретическое исследование диалектически взаимосвязанных процессов интеграции и дифференциации внутри системы юридической ответственности, специализации и унификации оформляющих ее нормативных правовых актов позволяет точнее отразить в теории права наиболее общие закономерности функционирования и развития охранительной подсистемы права. На практике надлежащим образом закрепленная дифференциация мер юридической ответственности в законодательстве посредством специализации соответствующих нормативных правовых актов и их четкой структурной организации существенно снижает риск формирования такого явления как дисбаланс юридической ответственности. Обосновывается необходимость учета объективных закономерностей интеграции и дифференциации нормативных предписаний в системе юридической ответственности, что одновременно должно составлять одно из значимых требований юридической техники при разработке проектов нормативных правовых актов, предусматривающих нормы ответственности в той или иной сфере правового регулирования.

В качестве основных способов предотвращения дисбаланса института юридической ответственности выделяются унификация и специализация его

нормативных предписаний, которые включают в себя целый ряд средств и правил технико-юридического характера.

13. Обосновывается в качестве значимого средства устранения дисбаланса юридической ответственности в отношении ее структурной организации активное надлежащее использование юридических конструкций законодателем. Их использование в деле предотвращения дисбаланса ответственности должно опираться на три группы правил:

- языковые требования, к формированию юридических конструкций в системе юридической ответственности, сводимые к ясности, точности и по возможности лаконичности изложения охранительных нормативных правовых предписаний;

- гносеологические правила, определяющие порядок и саму необходимость установления мер ответственности за определенные варианты социально вредного или общественно-опасного поведения;

- правила логического построения конструкций, связанные с логической структурой нормы права, определения структуры и элементов составов правонарушений, выбора форм вины в отношении отдельных видов правонарушений, четкого отражения в нормативном предписании запрета благодаря его типовой юридической конструкции и др.

Одновременно аргументируется на основе обобщения отраслевого юридического знания тезис о том, что в деле предотвращения дисбаланса юридической ответственности особое место должно отводиться трем юридическим конструкциям: структуре охранительных норм права, составу правонарушения и структурно-организованной модели правового запрета.

Научно-теоретическое и практическое значение работы. Изучение феномена дисбаланса юридической ответственности проведено в целях содействия дальнейшему развитию знаний науки теории государства и права, а также в целях совершенствования практики в области законодательного установления и последующего применения наиболее сбалансированной системы норм юридической ответственности. В работе были выявлены и

учтены основные современные тенденции развития рассматриваемого межотраслевого института российского законодательства. Содержащиеся в диссертации выводы и положения непосредственно направлены на уточнение и дополнение следующих разделов общей теории права: юридическая ответственность; юридическая техника; охранительная функция права; специализация и унификация законодательства; механизм правового регулирования.

Одновременно результаты общетеоретического исследования проблемы дисбаланса юридической ответственности и средств его предупреждения могут быть востребованы в ряде специально-отраслевых юридических наук в ходе осмысления проблем отраслевых видов ответственности в праве. Отдельные положения диссертации можно предложить использовать в ходе преподавания учебных дисциплин «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права», «Юридическая техника».

В целях совершенствования правотворческой практики предлагается ряд направлений и мер по расширению использования способов и средств специализации и унификации нормативных правовых актов, регламентирующих различные виды юридической ответственности.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и выводы диссертации докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Соискатель по проблемным аспектам темы принимал участие в различных научных и научно-практических мероприятиях, среди которых можно назвать X Международную научно-практическую конференцию «Наука XXI века: актуальные направления развития» (г. Самара, ФГОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», 10 февраля 2021 года) и Всероссийскую научно-практическую конференцию «I Гореликовские чтения: современные проблемы юридической науки, образования и

практики» (12 апреля 2021 года). Наиболее значимые теоретические выводы и обобщения изложены в авторских трудах, опубликованных в изданиях, включенных в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой исследования и включает в себя введение, три главы, подразделенные на четыре параграфа, заключение и список используемой литературы.

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОГО ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В современном развитом обществе проблема юридической ответственности остается по-прежнему актуальной. Если в прошлом ее решение в юриспруденции носило прикладной характер, то на текущем этапе развития общества она приобрела методологическое значение, более того, в теории права стала мировоззренческой, что в свою очередь, предопределяет новые направления в познании юридической ответственности.

В советский период развития отечественной юридической науки обстоятельному рассмотрению подверглись понятие, основания, видовая и функциональная характеристики юридической ответственности. Детальный анализ обозначенных вопросов позволил заложить фундамент для становления и последующего развития общего учения о данном правовом феномене. Одновременно в рамках специально-отраслевых юридических наук также продолжали накапливаться системные знания об отдельных видах ответственности в праве.

Значительный вклад в формирование общетеоретического понятия юридической ответственности внесли труды О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородского. Правоведам удалось обобщить наличествующие на тот момент отраслевые знания и предложить достаточно полное его определение: «Юридическую ответственность следует определять как меру государственного принуждения, основанную на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установленных для него определенных отрицательных последствиях в форме ограничений личного или имущественного характера»¹.

¹ *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 14; *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. С. 317 – 318.

При этом правоведы стремились привести к единому знаменателю общее понятие ответственности с дефинициями ее отраслевых разновидностей. К примеру, гражданско-правовая ответственность трактовалась как «санкция за правонарушение, последствия, установленные в законе на случай его совершения». Содержание ответственности раскрывали посредством указания на применение мер принуждения к правонарушителю, поэтому элемент принуждения выступал в качестве неотъемлемого свойства как гражданско-правовой ответственности, так и юридической ответственности в целом.

Аналогичной позиции придерживался в 70-х годах прошлого века И.А. Галаган: «Под ответственностью следует понимать конкретные меры государственного принуждения, применяемые уполномоченными на то органами государства и должностными лицами, содержащие государственное осуждение противоправных действий и выражающиеся в отрицательных для правонарушителя последствиях»¹.

Именно в 50-60 годы XX века советские правоведы увязали в единое учение вопросы государственного принуждения, ответственности и санкций правовых норм. В дальнейшем учение о юридической ответственности было дополнено и уточнено в трудах О.Э. Лейста, Н.С. Малеина, И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшина и др.

Особо следует выделить работы О.Э. Лейста, поскольку известному правоведу удалось в наиболее полном виде изложить концепцию юридической ответственности с опорой на предшественников. В частности, исследователь внес в общую теорию ответственности в праве ряд существенных уточнений, которые в последующем легли в основу современного понимания анализируемого правового феномена.

К примеру заслуживает особого внимания следующий вывод О.Э. Лейста: «Широко распространено определение юридической

¹ Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. С. 27.

ответственности как реализации санкций, однако понятие ответственности по своему объему шире понятия «применение санкций», поскольку включает такие проблемы, как квалификация правонарушения, гарантии достижения объективной истины по делу, применение мер пресечения (обеспечения) права лица, обвиняемого в совершении правонарушения, основания освобождения от ответственности, «состояние наказанности» при реализации штрафных, карательных санкций и ряд других». Одновременно автор справедливо указывал и на то обстоятельство, что ответственность предстает и как «нормативное определение мер государственного принуждения, применяемых в случае правонарушения и содержащих его итоговую правовую оценку»¹.

Отмеченные идеи были восприняты исследователями и в отраслевых правовых науках. Так, Л.Л. Кругликов и А.В. Василевский предложили определять уголовную ответственность как «претерпевание лицом, совершившим преступление, мер принуждения в виде лишений и правоограничений как последствий этого преступления со стороны государства в лице его правомочных органов в рамках штрафной санкции уголовного закона»².

В последнем определении авторы увязывают основное содержание ответственности с применением мер принуждения в отношении виновного лица, что фактически сближает данную позицию с точкой зрения, согласно которой юридическая ответственность есть реализация санкции правовой нормы. Наряду с этим в отмеченных подходах прослеживается тесная связь ответственности и наказания в праве, что порой приводит к их неоправданному отождествлению.

Отдельные исследователи критикуют видение юридической ответственности в качестве своеобразного процесса реализации санкции

¹ *Лейст О.Э.* Санкции в советском праве. М.: Изд-во «Юрид. лит-ра», 1962. С. 91-92.

² *Кругликов Л.Л., Василевский А.В.* Дифференциация ответственности в уголовном праве СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). С. 24.

нормы права, ссылаясь на то обстоятельство, что реализация не всякого вида санкции в праве составляет содержание юридической ответственности.

К примеру, Д.А. Липинский полагает, что ответственность не следует сводить исключительно к наказанию или же к процессу реализации санкции. Более точным, по мнению автора, представляется раскрывать в теории права диалектическую взаимосвязь рассматриваемых правовых явлений, поскольку наказание, как и процесс реализации санкции нормы права, основаны, в первую очередь, на институте ответственности и их существование вне последней невозможно. В результате напрашивается вывод о соотношении юридической ответственности и наказания как целого и части, а, следовательно, содержание категории ответственности значительно шире понятий наказания и санкции правовой нормы¹.

Таким образом, в отечественной юридической литературе к настоящему моменту сложились различные концепции и трактовки юридической ответственности, в каждой из которых акцент делается на каком-то элементе, определяющем, по мнению ее авторов, сущность ответственности. В частности, юридическую ответственность представляют как:

- 1) наказание (Н.С. Малеин);
- 2) реализацию санкции (Л.С. Явич, О.Э. Лейст);
- 3) меру государственного принуждения (И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин);
- 4) реакцию общества на правонарушение (Р.З. Лившиц);
- 5) обязанность претерпеть лишения (Т.Д. Зражевская, Г.К. Сухоруков, С.Л. Кондратьева);
- 6) принудительно исполняемую обязанность (С.Н. Братусь);
- 7) обязанность дать отчет (В.А. Рыбаков, В.А. Тархов);

¹ Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности / Под ред. Р.Л.Хачатурова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юрид.центр «Пресс», 2004.

8) правоотношение охранительного содержания (А.С. Булатов, Н.И. Загородников, И.Н. Сенякин, В.И. Попов, И.А. Галаган);

9) оценку или осуждение (Ю.А. Демидов, Н.А. Огурцов)¹.

Наличие широкого разброса мнений в отношении центрального вопроса общего учения об юридической ответственности свидетельствует о сложности и многогранности изучаемого явления, а также об особой дискуссионности проблемы понятия и содержания института ответственности в правоведении.

В литературе также представлена точка зрения, согласно которой институт юридической ответственности имманентно присущ любой отрасли права, выступает критерием ее самостоятельности и зрелости, и даже обладает важными интеграционными свойствами для соответствующей отрасли.

В любом случае нам представляется бесспорным утверждение об объективном характере института юридической ответственности, его выражении в нормативно-правовой форме, благодаря которой он выступает важнейшим охранительным средством правового регулирования.

В нормативном измерении юридическая ответственность являет собой сложный (межотраслевой) охранительный институт российского законодательства, объединяющий в себя нормы, закрепляющие различные виды и меры ответственности, включая как карательные, так и правовосстановительные, применяемые ввиду совершения правонарушений в целях обеспечения должного функционирования охраняемых правом общественных отношений, установления социальной справедливости.

Сам факт нормативного закрепления норм юридической ответственности предшествует процессу реализации санкций норм права. Общей же предпосылкой и важнейшей причиной формирования института ответственности в праве выступает объективная потребность общества в

¹ См.: *Липинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности / Под ред. д-ра юрид. Наук, проф. Р.Л. Хачатурова. 2-е изд., перераб. И доп. СПб., 2004. С. 40-54.

охране от противоправных посягательств определенных видов особо значимых общественных отношений. В отличие от иных видов социальной ответственности она непосредственно связана с деятельностью государства, поскольку косвенно или напрямую нормы юридической ответственности санкционируются со стороны органов государственной власти. Кроме того, реализация большинства мер юридической ответственности напрямую сопряжена с механизмом государственного принуждения, обеспечивающего неотвратимость применения ответственности за совершение правонарушения. Одновременно важно обратить внимание на формально-определенный характер норм, предусматривающих юридическую ответственность, закрепляемых в строго определенных официальных формах – в законе, подзаконном акте, договоре и иных. Последний момент позволяет рассматривать юридическую ответственность в качестве определенной единой системы норм права, содержащихся в различных отраслях российского законодательства, трактуемого нами в его наиболее широком понимании. В итоге юридическая ответственность можно рассматривать как комплексный межотраслевой институт законодательства.

В качестве наиболее существенных признаков ответственности в качестве института российского законодательства представляется необходимым выделить следующие черты:

- 1) системность образующих его норм и структурно-организационная их упорядоченность;
- 2) относительная обособленность от иных институтов законодательства;
- 3) преобладание в его содержании императивных норм, что не исключает определенной диспозитивности ряда предписаний, например, в отношении гражданско-правовой ответственности;
- 4) наличие значительного числа межотраслевых связей в его содержании и структуре, поскольку он объединяет нормы конституционного,

административного, уголовного, финансового, гражданского, трудового и иных отраслей законодательства;

5) единство материальных норм, предусматривающих непосредственно вид и меру ответственности за совершение того или иного правонарушения, и процессуальных норм, обеспечивающих назначение и реализацию соответствующего наказания или иной меры ответственности;

6) полифункциональный характер, поскольку юридическая ответственность выполняет ряд таких функций, как: ограничительная, превентивная, восстановительная, гарантирующая и воспитательная.

Ввиду того факта, что институт юридической ответственности является одним из наиболее динамичных институтов современного российского законодательства, он подвержен постоянной трансформации и смене основных тенденций в его развитии.

В настоящий момент, на наш взгляд, для него характерны следующие *тенденции*, которые мы постараемся осветить через примеры в данной главе работы.

1. *Ужесточение ответственности* (в большей степени в административном и уголовном праве) – детализация имеющихся и введение новых составов правонарушений¹. Как отмечает П.П. Серков «общий уровень административных правонарушений не снижается, в сфере административных правонарушений в области здравоохранения, миграции, природопользования и экологии, бюджетного, налогового и антимонопольного регулирования даже наблюдается его рост»².

Представляется возможным проследить тенденцию ужесточения налоговой и административной ответственности. В течение 2016 года происходило постоянное и последовательное введение новых видов штрафов за те или иные нарушения налогового и административного законодательства

¹ Селезнев В.А. Спорные вопросы законодательства об административной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. № 11. С. 123.

² Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: Монография. М.: Норма; Инфра-М, 2012. С.3.

или имело место повышение размера уже установленных. В соответствии с п.1 ст. 129.1 Налогового кодекса РФ, установлена налоговая ответственность за непредставление сведений в рамках КНП в случае, если налогоплательщик подает в налоговую инспекцию уточненную налоговую декларацию в порядке п.3 ст.88 Налогового кодекса РФ. Также необходимо отметить, что впервые законодатель вводит ответственность за «непредставление пояснений», т.к. ранее такой ответственности не было, а судебная практика исходила из того, что «представление пояснений», это именно право налогоплательщика, но не его обязанность (см., например, Постановление ФАС ВСО от 28.08.2012 по делу № А10-355/2012). Так же, говоря об усилении «наказательного» направления в государственной политике по отношению к бизнесу, нельзя не отметить и ужесточение наказания для работодателей. Так, пеня за задержку выплаты заработной платы увеличена до 1/150 ставки ЦБ, штраф за нарушение сроков выплаты заработной платы повышен для юридических лиц до 50000 рублей и т.д.

Введены дополнительные составы в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (чч. 2-3, 5 ст.5.27, ст.5.27.1, ст.14.55, ч.23 ст. 195 КоАП РФ), предусматривающие повышенные санкции. Так, ст.5.27.1 КоАП РФ устанавливает штрафы до 200000 рублей за нарушение требований охраны труда. Увеличился срок давности привлечения к административной ответственности за такие нарушения – с 2 месяцев (что позволяло избегать административной ответственности по большинству эпизодов) до 1 года. Расширяется практика мультипликации штрафов, когда по итогам одной проверки выносятся несколько постановлений о привлечении к административной ответственности (что раньше в практике государственных инспекций труда встречалось довольно редко). Правомерность такого подхода подтвердил Верховный Суд в ряде решений по конкретным делам (например, Постановление Верховного суда РФ от 15.08.2014 № 60-АД14-16). И инспекции труда теперь нередко штрафуют отдельно за каждое выявленное нарушение, даже если это выявилось в ходе

одной проверки. Можно получить штрафы за разные нарушения (например, штраф за отсутствие в трудовом договоре обязательных условий и штраф за несвоевременную выплату заработной платы), а можно – за однотипные нарушения применительно к каждому работнику, в отношении которого допущено нарушение (например, при отсутствии аттестации или специальной оценки условий труда на рабочем месте).

И еще один немаловажный факт. Центр стратегических разработок опубликовал исследование по законотворчеству в уголовном праве за 2016-2017 гг. Из 140 законопроектов – поправок в УК РФ 88% предлагали усиление уголовной ответственности, а смягчение – только 12%. Впрочем, из всех 237 проектов (не только в УК, но и в УПК) законами стали только 42. Как утверждают эксперты отсеивались проекты явно популистского характера и проекты любых радикальных преобразований. Но при этом смягчающие поправки имели вдвое больше шансов быть принятыми, чем ужесточающие. Правда, поскольку ужесточающих было в 7 раз больше, в конечном счете, их приняли больше (17 против 5)¹.

2. *Перетекание юридической ответственности из одной сферы правового регулирования в другую (замена и вытеснение одного отраслевого вида юридической ответственности другим).* При создании юридических лиц происходит перетекание ответственности за нарушения из сферы гражданского права в сферу административного и уголовного права. Еще М.И. Кулагин обратил внимание на эту особенность в зарубежном законодательстве². Теперь мы можем ее наблюдать в отечественном праве. Федеральный законодатель рассматривает нарушения при создании

¹ См.: Ведомости. 18.01.2017. URL.: <https://www.csr.ru/ru/news/tssr-proanaliziroval-zakonotvorchestvo-v-sfere-ugolovnogo-prava-za-poslednie-dva-goda/> (дата обращения 17 июня 2017 г.)

² Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд. М.: Статут, 2004. С.87

юридического лица не как гражданско-правовой поступок, а как общественно опасное деяние, посягающее на публично-правовые интересы¹.

Сохраняются и проблемы в связи с разграничением административной ответственности и налоговой, и бюджетной: они применяются наряду с административной ответственностью, хотя составы правонарушений в ряде случаев аналогичны.

Сравнительный анализ норм Кодекса РФ об административных правонарушениях и Бюджетного кодекса РФ позволяет констатировать определенный дисбаланс, сложившийся между данными нормативно-правовыми актами в количестве норм, налагающих юридическую ответственность за бюджетные правонарушения. Наибольшее количество составов правонарушений, совершаемых в бюджетной сфере, сформулировано в Кодексе РФ об административных правонарушениях (семь сегментов, среди которых порядок пользования бюджетными средствами; порядок предоставления внебюджетных трансфертов, бюджетных кредитов, инвестиций и субсидий; порядок предоставления бюджетной и платежной документации и представлений органа Федерального казначейства; порядок принятия бюджетных обязательств; порядок обслуживания государственного долга; порядок направления информации о рассмотрении дела в суде; порядок формирования государственного задания), а в Бюджетном кодексе РФ выделено два сегмента правоотношений (порядок пользования бюджетными средствами и порядок предоставления межбюджетных трансфертов, бюджетных кредитов, инвестиций и кредитов), составляющих объекты составов бюджетных правоотношений.

3. *Появление новых видов юридической ответственности.* Такая тенденция имеет место и начинается она с увеличения видов юридической ответственности (в частности, оставление процессуальных норм и санкций в

¹ См.: Габов А.В., Гасников К.Д., Емельянцев В.П. Юридические лица в российском гражданском праве: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц: в 3 т. / под общ. Ред. А.В. Габова. С.: Инфра-М, 2015.

налоговом законодательстве дает повод к увеличению видов юридической ответственности)¹.

В теории государства и права наличествует позиция, согласно которой в содержание межотраслевого института юридической ответственности включаются не только субинституты, но и такая отрасль российского права как уголовное право. Данный момент в понимании юридической ответственности в качестве межотраслевого института обладает наибольшей дискуссионностью. В литературе порой высказываются критические суждения на данный счет, поскольку уголовное право включает в себя наряду с нормами, устанавливающими уголовную ответственность, также и институты исключения ответственности, освобождения от нее, нормы, образующие институт принудительных мер медицинского характера и иные.

При этом отмечается тот факт, что основным содержанием и предназначением обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, является невозможность привлечения лица к любой разновидности юридической ответственности. Более того, и иные негативные правовые последствия (при применении мер защиты в праве), как правило, не могут следовать для лица, действовавшего правомерно в условиях обстоятельств, исключающих юридическую ответственность. Именно этот момент часто упускается в отраслевых исследованиях, в рамках методологии которых действительно сложно увидеть разницу в результатах, например, невиновного причинения вреда (ст. 28 Уголовного кодекса РФ) и необходимой обороны (ст. 37 Уголовного кодекса РФ). Однако такая разница становится очевидной при анализе соответствующих гражданско-правовых предписаний: если деяние, совершенное в пределах необходимой обороны, по-прежнему не влечет для лица негативных правовых последствий (ст. 1066 Гражданского кодекса РФ), то невиновное причинение вреда не всегда исключает применения праввосстановительных мер. Безусловно, не

¹ Лактев С.А. *Перижочина Ю.Д.* Дуализм административной ответственности за налоговые правонарушения // *Административное право и процесс*. 2016. № 9. С. 53.

исключает применения таких мер и малозначительность деяния (ст.14 Уголовного кодекса РФ), и добровольный отказ от преступления (ст. 31 Уголовного кодекса РФ), при которых также формально констатируется отсутствие состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24, п. 3. ч. 2 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса РФ). С другой стороны, отсутствие в деянии лица состава гражданского правонарушения, связанное, например, с непричинением вреда (убытков) другой стороне правоотношения¹, не является безусловным свидетельством отсутствия в таком деянии состава административного или уголовного правонарушения.

Наряду с «классическими» видами ответственности (уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной) практически в каждой отрасли права формируется свой особый вид. Это обусловлено не столько недостаточными возможностями «классических» мер ответственности, сколько, спецификой законодательной политики в России².

Еще одной характерной чертой современного этапа развития законодательства об административной ответственности является ужесточение «старых» наказаний и появление «якобы новых». Ужесточение санкций приводит к дисбалансу административно-деликтной политики. С одной стороны, незначительные суммы штрафов стимулируют нарушения: нередко проще заплатить штраф, чем оплатить государственную пошлину, скажем, за согласование перепланировки жилого помещения. С другой стороны, «драконовские» штрафы ставят ребром вопрос о степени общественной опасности одних правонарушений по сравнению с другими.

4. *Либерализация юридической ответственности.* Данную тенденцию проще отследить на примере уголовного законодательства. Основные черты либерализации уголовного законодательства – это

¹ См.: Кузнецова Л.В. Спорные вопросы деликтной ответственности // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: сб. ст. М.: Статут, 2010. С. 334-373.

² См.: Рыженков А. Правовая природа антимонопольной ответственности // Конкуренция и право. 2015. № 5. С. 53-58.

декриминализация отдельных менее опасных деяний (как правило, с переводом их в сферу административно-правовой юрисдикции) и расширение круга оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания. Например, декриминализированы клевета, оскорбление, лжепредпринимательство, заведомо ложная реклама, обман потребителей. Этот ряд канувших в лету составов будет, как можно предположить, дополняться. Параллельно идет процесс частичной декриминализации деяний – например, таких, как контрабанда, нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга. Уголовный кодекс РФ дополнен статьями 76 (освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности) и 82 (отсрочка отбывания наказания больными наркоманией), что также определенным образом сужает сферу уголовно-правовой юрисдикции. Сужает, но, конечно же, не устраняет ее полностью. Власть остается властью и ей не обойтись без опоры на достаточно жесткий уголовный закон, но она, вместе с тем, становится более восприимчивой к тому, что требует день сегодняшний, в том числе в части последовательного урегулирования сферы уголовно-правового реагирования¹.

5. *Усложнение процессов дифференциации мер юридической ответственности и одновременно снижение качества унификации ее общих начал.* В охранительной подсистеме российского права далеко нередко встречается ситуация, когда отсутствуют общие нормы, устанавливающие определенный вид юридической ответственности, что свидетельствует о недостаточной степени унификации предписаний определенной отрасли российского законодательства в сфере ответственности. Однако возможна и обратная ситуация, когда нормы ответственности недостаточно

¹ См.: Панченко П.Н. Динамика российского уголовного законодательства в XXI веке в контексте задач экономического и социального развития страны // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. №17 С. 213-218.

дифференцированы в отношении определенной категории лиц или по отношению к отдельным видам противоправных деяний, что позволяет вести речь об отставании процессов дифференциации института ответственности от насущных потребностей в охране общественных отношений. Наиболее наглядно подобная тенденция проявляет себя в ходе анализа диспозиций охранительных норм, регулирующих родственные или смежные общественные отношения¹.

В результате расхождения в интеграции и дифференциации норм ответственности наблюдаются негативные последствия в виде повышенной их коллизионности, неоправданной (избыточной) конкуренции охранительных нормативных предписаний, что в итоге затрудняет практику их применения, вызывает многочисленные правоприменительные ошибки. Одновременно возникает ситуации привлечения лица к «двойной» юридической ответственности, либо, напротив, не привлечения к ответственности вовсе из-за противоречивости норм ответственности.

Крайне актуальным является вопрос о дифференцированной административной ответственности для лиц, допустивших нарушения законодательства в сфере лицензирования. Например, за осуществление медицинской деятельности без лицензии, в том числе в виде отдельных работ и услуг, для юридических лиц предусмотрены следующие размеры административного штрафа:

- от 170 тыс. до 250 тыс. руб. в случае осуществления деятельности, не связанной с извлечением прибыли (ч. 1 ст. 19 КоАП РФ);
- от 40 тыс. до 50 тыс. рублей в случае осуществления предпринимательской деятельности (ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ).

В результате за одно и то же нарушение установлен минимальный штраф для «бюджетного» учреждения социального обслуживания населения, вынужденного держать в штате медицинского работника для оказания

¹ См.: Баймаханов М.Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата, 1972. С. 168.

медико-социальных услуг, он будет более чем в четыре раза больше, чем штраф для частной медицинской организации.

Кроме того, заслуживает внимания вопрос, связанный с административной ответственностью индивидуальных предпринимателей, допускающих нарушения законодательства в сфере лицензирования. В частности, речь идет о положениях п. 2 ст. 3, ч. 2 ст. 9 Федерального закона № 99-ФЗ, из которых следует, что вид деятельности, на осуществление которого предоставлена лицензия, может выполняться только получившим лицензию юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем. Аналогичная правовая позиция изложена в Определении Конституционного Суда РФ от 04 октября 2006 года № 441-О, согласно которому определенный вид деятельности обуславливает персонифицированный характер лицензии, означающий, что лицензируемая деятельность всегда должна выполняться только лицензиатом¹. В противном случае, а именно при передаче возникшего в силу лицензии права на осуществление конкретного вида деятельности другому лицу, утрачивается смысл лицензирования. Рассмотрим ситуацию, при которой индивидуальный предприниматель, получивший лицензию на осуществление фармацевтической деятельности, не осуществляет сам данную деятельность, но привлекает фармацевтических работников, не имеющих лицензии. Так как действие лицензии индивидуального предпринимателя распространяется только на него самого, то привлекаемые им лица фактически осуществляют деятельность без лицензии. Однако, если данная ситуация будет выявлена лицензирующим органом, то протокол об административном правонарушении по ст. 62 КоАП РФ будет составлен именно в отношении привлеченных фармацевтических работников. Сам же «виновник» не подпадает под действие

¹ Шишов М.А. Актуальные вопросы лицензирования отдельных видов деятельности // Административное право и процесс. 2013. № 8. С. 57-61.

соответствующих статей Кодекса РФ об административных правонарушениях (ст. 62, ст. 14.1, ст.19.20 КоАП РФ)¹.

6. *Усиление дисбаланса в системе юридической ответственности.* Дисбаланс может возникнуть на уровне санкций, точнее, их сочетания с диспозициями норм (ибо санкция без диспозиции «бессмысленна»). Особенно явно подобный дисбаланс проявляется в уголовно-правовых, а также административно-правовых нормах, которые, по идее, должны являть собой соразмерность между деянием и последствием. Уголовно-правовые и административно-правовые санкции должны быть соразмерны степени общественной опасности запрещенного законом деяния. Недопустима ситуация, когда менее опасные преступления влекут применения более тяжелых санкций и наоборот.

Например, явный дисбаланс между санкциями наблюдается в Уголовном кодексе РФ. В частности, между наказаниями за преступления против личности и преступления в сфере экономики. Так, абсурдным выглядит уравнивание по санкции (а значит, и по уровню общественной опасности) убийства матерью новорожденного ребенка и незаконного получения кредита (а также кражи, мошенничества) – за все эти преступления предусматривается до пяти лет лишения свободы). Также не совсем правильным и сбалансированным представляется оценка законодателем грабежа (максимальное наказание – до четырех лет лишения свободы) как более тяжкого преступления по сравнению с убийством в состоянии аффекта (возможный максимум – три года лишения свободы); хищение предметов, имеющих особенную ценность (до десяти лет лишения свободы), считается более опасным преступлением, чем похищение человека (до пяти лет лишения свободы) или доведение до самоубийства (до пяти лет лишения свободы)².

¹ Там же. С. 58 – 59.

² Подробнее об этом см.: Тасалов Ф.А. УК гуманизируется, дисбаланс остается // ЭЖ-Юрист. 2011. № 26. С. 3.

Устойчивой тенденцией уголовной политики современной России является ослабление репрессивного воздействия¹ на экономических преступников при одновременном ужесточении уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления против общественной безопасности. Наблюдаемый дисбаланс в расстановке приоритетов уголовной политики негативно сказывается на состоянии законности в экономической сфере и общем уровне правопорядка в обществе, препятствует эффективному расследованию экономических преступлений и укреплению международного сотрудничества в этой сфере².

Неоправданное усиление ответственности приводит к дисбалансу санкций. Разбой с применением оружия (ч. 2 ст. 162 Уголовного кодекса РФ), при принятии Уголовного кодекса РФ относившийся к особо тяжким преступлениям, стал ныне тяжким преступлением. Неоднократное внесение поправок в главу 22 Уголовного кодекса РФ свидетельствует об отсутствии у законодателя системного представления о должном содержании уголовного закона в этой части. Перечень таких примеров может быть продолжен, они создают угрозу принципу стабильности уголовного законодательства.

С учетом изложенного, следует признать, что одной из ключевых тенденцией развития института юридической ответственности российского законодательства на современном этапе является качественно и количественно усиливающийся его дисбаланс, понятие, природа и формы проявления которого мы проанализируем в следующих главах настоящей работы.

¹ *Волеводз А.Г.* Уголовная политика: многообразие проблем, требующих решения // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 2. С. 7-8.

² *Волеводз А.Г.* Уголовно-правовые препятствия международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 2. С. 164-172.

ГЛАВА 2. ДИСБАЛАНС ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Методологические основания исследования феномена дисбаланса юридической ответственности

Выбор методологического инструментария исследования проблем баланса и дисбаланса юридической ответственности и правовых запретов сопряжен с анализом опыта экономических наук, в которых накоплен достаточно обширный материал по использованию категориальной пары «баланс – дисбаланс» в отношении сложных экономических систем. В процессе изучения состояний сбалансированности и разбалансированности в экономике ученые пришли к убедительному выводу о невозможности достижения макроэкономического равновесия, состояния абсолютного баланса. Неравновесный характер экономических явлений и процессов выступает необходимым условием их дальнейшего развития. Однако надлежит учитывать и тот факт, что математические методы анализа количественных параметров экономических систем на предмет их сбалансированности не могут в полной мере заимствоваться юридическими науками для исследования правовых феноменов. В правоведении наиболее целесообразным представляется теоретическое отражение качественных показателей состояний баланса и дисбаланса в юридической ответственности, в праве и правовой системе общества.

Следовательно, теоретическая модель баланса и дисбаланса гипотетически может применяться в юриспруденции, но с определенными оговорками в силу ограниченных возможностей использования математических инструментов анализа в изучении государственно-правовых явлений. В данном случае согласимся с утверждением следующего характера: «Для нас важен сам факт и общий подход в формировании и

развитии категорий «баланс – дисбаланс» в гуманитарных науках. Положительный опыт изучения состояния сбалансированности или разбалансированности сложной социальной системы по возможности необходимо учитывать и в изысканиях в области юриспруденции»¹.

При этом обратим внимание еще на одно значимое обстоятельство методологического характера. Экономический дисбаланс представляет собой одну из причин порождения дисбаланса в правовой сфере жизни общества. Разбалансированность экономики с необходимостью отражается на системе права и механизме правового регулирования, вызывая в них аналогичные процессы по дезорганизации и нарушению системных связей. И, наоборот, дисбаланс в праве, в юридической ответственности, в правовом регулировании имущественных и иных экономических отношений влечет соответствующие последствия в экономике.

В методологическом плане представляют интерес выводы о системных свойствах дисбаланса экономических систем, что требует от науки и практики разработки комплексных мер и предложений по преодолению системных дисбалансов в экономике и иных сферах общественной жизни².

Сложная природа дисбаланса в социальных системах обуславливает двойственную роль в их развитии, поскольку он несет в себе как деструктивные, так и конструктивные начала, что привело в итоге к формированию альтернативы равновесного подхода в изучении экономических явлений в виде теории неравновесной рыночной экономики. Таким образом, в понятийный аппарат экономических наук были внедрены и получили широкую популярность в исследованиях категории «дисбаланса», «неравновесности», «неустойчивости»³.

¹ Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика). Дис. ...докт. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 40 – 41.

² См.: Бородушко Е.С. Дисбалансы экономических систем как угроза экономической безопасности государства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2012. С. 8–9.

³ См., подробнее об этом: Нусратуллин В.К. Неравновесная экономика. 2-е, изд. доп. М., 2006.

Повышенное внимание к проблеме разбалансированности функционирования и развития сложных систем наблюдается не только в экономических, но и иных науках. К примеру, в теоретической физике в исследовании схожих вопросов применяются понятия «симметрии» и «асимметрии»¹. В фундаментальных работах по биологии ученые весьма активно оперируют моделями симметрии и асимметрии в познании живых организмов, в установлении закономерностей возникновения и развития живой природы². Также исследователи при описании структурных связей прибегают к помощи понятий «пропорция - диспропорция».

Применительно к сфере государственно-правового знания обращение к парам понятий «симметрия - асимметрия», «пропорция - диспропорция» представляется не столь актуальным, поскольку они нацелены на изучение, в первую очередь, пространственной структуры и соответствующих параметров исследуемых объектов. К примеру, установление в системе ее симметрии или асимметрии предполагает определение оси симметрии, вокруг которой располагаются элементы структуры такой системы. Категории же «баланс» и «дисбаланс» имеют иную методологическую направленность, призваны отразить в теории не столько пространственные и количественные характеристики систем, сколько их качественное состояние, что и требуется в изучении государственно-правовых феноменов.

М.В. Шугуров, раскрывая в своей работе методологический потенциал парных категорий «баланс - дисбаланс» в отечественной юриспруденции, обоснованно обращает внимание на продуктивность их применения в следующем аспекте: «... концептуальное осмысление динамично развивающейся правовой реальности требует обновления категориального аппарата современной юридической науки и обоснования использования новых понятий. В качестве таковых можно предложить парные понятия

¹ См.: Вейль Г. Симметрия / Пер. с англ./ Под ред. Б.А. Розенфельда. М., 1968.

² См.: Чермит К.Д. Гармоническая пара «симметрия – асимметрия» в организме человека как фундаментальная основа адаптации: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Краснодар, 2004.

«баланс — дисбаланс», которые характеризуются значительной частотой использования в современном юридическом дискурсе. С нашей точки зрения, данные понятия должны рассматриваться как нечто большее, а именно: в качестве категорий правового мышления, юридической практики и, разумеется, категорий науки права, что, конечно же, требует своего методологического обоснования»¹.

Одновременно согласимся с тем, что обращение современного правоведения к категориям «баланс» и «дисбаланс» совпадает с наметившейся общенаучной тенденцией по проникновению методологии синергетической парадигмы в познание сложных неравновесных систем, отличающихся перманентным присутствием в них процессов разбалансированности, неустойчивости.

Общенаучные достижения в сфере изучения баланса и дисбаланса социальных систем ориентируют нас на учет следующих отправных методологических установок в познании проблем юридической ответственности:

- возникновение несогласованности, несоразмерности в процессе взаимодействия противоположных частей, сторон и тенденций в функционировании и развитии института юридической ответственности составляет внутреннюю причину его разбалансированности;

- внутренние противоречия в системе запретов и юридической ответственности делают ее чувствительной к негативному внешнему воздействию со стороны дисбаланса в экономике, в политике и в иных сферах жизни общества, что составляет внешнюю детерминанту;

- появление системных характеристик у дисбаланса правовых запретов и юридической ответственности способствует существенному снижению эффективности их действия, а также чревато угрозой разрушения целостности их системы;

¹ См.: *Шугуров М.В.* Баланс и дисбаланс как категории правовой реальности: системносинергетический подход // *Российский журнал правовых исследований.* 2016. № 1 (6). С. 87.

- дисбаланс юридической ответственности как межотраслевого института российского законодательства представляет собой скорее закономерное явление, нежели случайно возникающее состояние.

В юридической литературе наиболее число трудов по применению пары понятий «баланс - дисбаланс» мы обнаруживаем в области сопоставления частных и публичных интересов в праве. К примеру, предлагается дефиниция баланса частных и публичных интересов в правовой системе, согласно которой последний представляет собой «правовое состояние, в котором взаимные права и обязанности носителей публичных и частных интересов находятся в относительном равновесии, осуществляются соразмерными преследуемым целям средствам и способам в пределах, обеспечивающих устойчивость существования социальной общности»¹. Данное определение примечательно тем, что оно содержит указание на соразмерность правовых средств в качестве условия обеспечения баланса интересов. Думается, что данный тезис в общих чертах верен и в отношении установления баланса в системе юридической ответственности, поскольку и данный межотраслевой институт российского законодательства базируется на общеправовом принципе баланса частных и публичных начал.

Однако, на наш взгляд, не стоит отождествлять баланс в системе юридической ответственности исключительно с соразмерностью, устанавливаемых в ней правовых средств в виде соответствия запрещающих нормативных предписаний и мер наказания за их нарушение. Соразмерность есть лишь один из критериев обеспечения сбалансированности юридической ответственности.

Понятие соразмерности фигурирует и в работе А.Ф. Пьянковой, указывающей на соразмерность прав и обязанностей в процессе установления баланса интересов в гражданском праве². Наряду с этим в

¹ Даньков А.А. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в сфере правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 12.

² См.: Пьянкова А.Ф. Баланс интересов в гражданском праве России и его обеспечение в договорных отношениях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С.9.

судебной практике выработаны правовые позиции по толкованию баланса интересов как общеправового принципа, изложенные в актах Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ¹.

Точка зрения А.Ф. Пьянковой заслуживает особого внимания в виду того, что автор трактует баланс интересов не только в качестве общеправового принципа, но и в виде определенной цели правового регулирования. Одновременно исследователь отмечает, что общий принцип баланса интересов в праве получает свою конкретизацию в отраслевом принципе гражданского законодательства в виде соразмерности прав и обязанностей участников гражданских правоотношений².

Возвращаясь к проблеме сбалансированности именно юридической ответственности, следует подчеркнуть наличие специфики в понимании преломления принципов баланса интересов и соразмерности в ее структуре и содержании. В этой связи целесообразно более детально рассмотреть соотношение и взаимосвязь применительно к изучению юридической ответственности таких категорий, как: «баланс» и «дисбаланс»; «соразмерность»; «интерес»; «правовая экономия репрессий», «справедливость» и др.

Нарушение баланса частных и публичных интересов наблюдается не только в самом межотраслевом институте юридической ответственности, но и в ходе применения его норм на практике. Так, в юридической литературе отмечается регулярный характер возникновения подобного рода нарушений

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена» // Российская газета. 2014. 31 окт.; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. 2006. 20 дек.; Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» // Доступ справочно-правовая система «КонсультантПлюс» и др.

² См.: Пьянкова А.Ф. Указ. соч. С. 9 – 10.

в ходе применения судами мер юридической ответственности. В частности, В. Глазырин приводит пример нарушения баланса интересов в ходе квалификации судами нарушений в исполнении обязательств по договору с участием государственных предприятий и организаций. Суды фактически по-разному оценивают требования ст. 401 Гражданского кодекса РФ по отношению к государственным и негосударственным организациям.

Проблема сводится к тому, что в процессе привлечения к гражданско-правовой ответственности коммерческой организации, индивидуального предпринимателя в соответствии со ст. 395 Гражданского кодекса РФ неустойка (или проценты за пользование чужими денежными средствами) судами взыскиваются в «автоматическом» порядке, ссылаясь на достаточность лишь самого факта просрочки в исполнении обязательств по договору.

В отношении государственных предприятий и учреждений применяется иной порядок, согласно которому в большинстве случаев суды не применяют вовсе указанных мер ответственности по гражданскому законодательству, мотивируя свои решения тем, что отсутствует вина в действиях ответчика¹. Таким образом, в судебной практике по применению норм, устанавливающих юридическую ответственность, нарушается баланс частных и публичных интересов ввиду того, что суды отдают явный приоритет интересам государственных предприятий и учреждений, что ставит их в неравное положение с иными участниками гражданского оборота. В результате нарушения системообразующих начал института юридической ответственности создаются предпосылки для формирования дисбаланса всей его системы.

В качестве еще одного существенного момента в понимании проблемы сбалансированности и дисбаланса запретов и юридической ответственности выступает категория «правовой экономии», которая привлекла в последние

¹ См.: Глазырин В. Дисбаланс публичных и частных интересов // Российская юстиция. 2002. № 7.

годы внимание ряда ученых, в том числе в связи с рассмотрением вопроса о необходимости экономии репрессии в российском законодательстве¹.

В этой связи обратимся к позиции, изложенной Ф.Г. Кипарисовым, который обосновывает идею правовой экономии на примере принципа экономии уголовной и административной репрессий в праве². В данном случае состояние дисбаланса института юридической ответственности может порождать неоправданное и излишнее усиление мер уголовного или административно-карательного воздействия, несоразмерность наказания совершенному противоправному деянию. В результате нарушения принципа правовой экономии, начал соразмерности деяния и наказания, несоответствия частных и публичных интересов в реализации мер юридической ответственности складываются достаточные условия для возникновения феномена дисбаланса юридической ответственности.

Следует констатировать, что все обозначенные принципы взаимосвязаны между собой. Так, принцип правовой экономии с необходимостью подразумевает его соблюдение в виде соразмерности целей и средств охранительного правового регулирования. Одновременно прав автор и в утверждении о недопустимости излишне упрощенного понимания принципа соразмерности как линейной взаимосвязи виновного противоправного деяния и мер ответственности за его совершение.

На диалектическую связь идей соразмерности, сбалансированности интересов и экономии правовых средств обратил специальное внимание Конституционный Суд РФ, сформулировав следующую значимую правовую позицию для понимания баланса в праве на примере института

¹ См., например: Куликов Е.А. Категория меры в праве: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013; Куликов Е.А. Принцип правовой экономии как одно из ведущих проявлений категории «мера» в правовой системе общества // Правовая система общества: преемственность и модернизация: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 2013. С. 24–27; Кипарисов Ф.Г. Бланкетные юридические нормы в ракурсе принципа правовой экономии // Юридическая наука и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4(28). С. 251–255 и др.

² См.: Кипарисов Ф.Г. Указ. соч. С. 252.

собственности и мер его охраны: «В силу фундаментальных принципов верховенства права и юридического равенства вмешательство государства в отношения собственности, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность используемых средств и преследуемой цели, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению...»¹.

Отдельного рассмотрения заслуживает место и роль принципа справедливости в установлении баланса системы запретов и ответственности в праве. Идея справедливости пронизывает собой все институты российского права, но особое значение и преломление имеет по отношению к юридической ответственности. В сфере юридической ответственности справедливость предстает как основополагающий ее принцип и одновременно цель применения в виде ее восстановления посредством действия мер ответственности.

В деликтном праве, следуя общеправовому принципу справедливости, законодатель при установлении запрещающих предписаний и норм юридической ответственности обязан учитывать требования о необходимости обеспечения возможности применения конкретной меры наказания с учетом характера совершенного правонарушения, причиненных вредных последствий, субъективного отношения виновного лица к

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйслена» // Российская газета. 2014. 31 окт.

содеянному и наступившим последствиям, его имущественного положения и ряда других значимых обстоятельств¹.

Будучи обобщающим началом правовой регламентации ответственности в праве, справедливость предстает в качестве интегрирующего параметра всей системы ее норм, базовым началом в обеспечении баланса рассматриваемого института наряду с идеей единства частного и публичного интересов. Одновременно законодатель и правоприменитель учитывают и руководствуются в своей деятельности дуалистическим пониманием справедливости как взятых в единстве принципов равенства и соразмерности (пропорциональности)². В итоге сбалансированным можно признать в теории и на практике лишь ту систему запретов и ответственности в праве, которая отвечает критериям принципа справедливости, опять-таки связанного с соразмерностью и иными ранее уже упомянутыми нами отправными правовыми началами.

С учетом изложенных доводов, полагаем обоснованным сделать вывод о том, что баланс в системе запретов и юридической ответственности должен быть обеспечен соблюдением принципов-требований по соразмерности целей и применяемых в рамках данного института охранительных средств. При этом одними из важнейших целей юридической ответственности является обеспечение справедливости, баланса частных и публичных интересов в ходе ее установления и практической реализации. Соразмерность же устанавливаемого в норме права запрета и мер ответственности за его нарушение составляет лишь необходимое условие, инструмент по достижению целей юридической ответственности в виде общей и частной превенции, перевоспитания правонарушителя и достижения справедливости, а также сбалансированности частных и публичных интересов в праве.

¹ См. подробнее о связи принципов справедливости и соразмерности в институте юридической ответственности: *Максимова И.В.* Административные наказания. М.: Норма, 2009. С. 65 – 80.

² См.: *Галлиган Д., Полянский В.В., Стариков Ю.Н.* Административное право: история развития и основные современные концепции. М., 2002. С. 178 – 180.

Следовательно, в теории права идею баланса юридической ответственности необходимо рассматривать посредством ее конкретизации в четырех основополагающих принципах, взятых в единстве и взаимообусловленности: справедливости, соразмерности, экономии правовых репрессий и обеспечения сбалансированности частных и публичных интересов в праве.

Одновременно полагаем перспективным направлением в государственно-правовых исследованиях формирование и внедрение в понятийные ряды науки общей теории государства и права категорий «баланс запретов и юридической ответственности» и «дисбаланс юридической ответственности», что позволит с теоретико-методологических позиции более точно и полно раскрыть системное видение проблем данного межотраслевого института современного российского законодательства, учесть перманентный характер присутствия в нем состояний разбалансированности системных связей и нарушения его основополагающих принципов.

Важнейшим признаком и одновременно законодательным требованием (принципом) построения юридической ответственности выступает системность. Еще в советской юридической литературе неоднократно предпринимались попытки рассмотрения феномена ответственности в праве с позиции системного и структурно-функционального подходов. При этом были достигнуты определенные результаты в виде определения понятия системы юридической ответственности, раскрытия в общих чертах ее структурной организации, обозначения ее функциональной роли, а также разграничения с иными смежными системными образованиями в праве и правовом регулировании¹.

¹ См., например о системном подходе в исследовании юридической ответственности: *Зражевская Т.Д.* Ответственность по советскому государственному праву // Правоведение. 1975. № 3. С. 80 – 86; *Илларионова Т.И.* Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск, 1982; *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций: аксиологические аспекты. Л., 1976 и др.

В 90-е годы российские правоведы не утратили интереса к обозначенным фундаментальным проблемам учения о юридической ответственности, но сконцентрировались преимущественно на уточнении отдельных деталей в ее системном понимании, либо, напротив, предлагали кардинально пересмотреть ее системно-структурную организацию, настаивая на включение так называемой «позитивной» ответственности. Подобная тенденция в исследовании юридической ответственности наблюдается и по настоящий момент. Не стоит отрицать того факта, что отдельные исследователи внесли значимый вклад в развитие и дополнение доктринальной концепции юридической ответственности.

Однако нельзя не заметить и ряда проблем в современном состоянии государственно-правовых исследований в рассматриваемом направлении отечественной юриспруденции. В данном отношении следует признать справедливой оценку Н.Н. Черногора, согласно которой учение о юридической ответственности в России переживает не лучшие времена. Продолжая свою мысль, автор выделяет две негативные тенденции: «... во-первых, несмотря на существующий интерес к проблемам юридической ответственности, наблюдается некоторый застой в развитии ее общей теории; во-вторых, достижения общей теории юридической ответственности крайне неумело используются в отраслевых исследованиях, что приводит к появлению множества заблуждений по поводу сущности юридической ответственности, ее основаниях, закономерностях развития, реализации и т.п.»¹.

В современных условиях мы наблюдаем не только отдельные проявления разбалансированности юридической ответственности как межотраслевого нормативного образования в системе российского законодательства, но и самих доктринальных взглядов на ее понятие, сущность, видовой состав и функциональную характеристику. Н.Н. Черногор

¹ Черногор Н.Н. О Теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 108 – 109.

еще в 2006 году небезосновательно высказывал серьезную озабоченность в отношении возникновения ситуации, когда учение о юридической ответственности само утрачивает системные начала: «Тревогу вызывает не только отсутствие системности в понятийном ряду, но и откровенная подмена понятий, которую авторы нередко допускают в своих исследованиях, что в свою очередь разрушает основы общей теории правонарушения и юридической ответственности»¹. Полагаем, что за последние 15 лет отмеченные кризисные тенденции в изучении рассматриваемого раздела науки общей теории государства и права все же не были устранены в полной мере предпринимаемыми усилиями отечественных правоведов.

Ввиду вышеизложенного, нам представляется актуальным и научно-теоретически значимым продолжение изысканий в отношении перспектив применения системного метода к фундаментальным вопросам учения о юридической ответственности. По-прежнему остро стоит проблема о понятии системы юридической ответственности, ее структурной организации, функциональной природе и нормативной форме выражения. В данном случае чего только стоит одна научная «баталия» вокруг признания или отрицания существования «позитивной юридической ответственности», но не она является предметом нашего интереса. В современных условиях необходимо дальнейшее развитие именно системного видения феномена юридической ответственности, а не подмена его простой формально-логической операцией в виде очередной версии классификации юридической ответственности по тем или иным основаниям, введением еще одного «нового» ее вида. Справедливости ради стоит отметить, что и подобная научная работа порой оправданна и приносит в отдельных случаях положительный результат, но классификация не является равноценным методологическим средством в сравнении с системным подходом.

¹ Там же. С. 108.

Потребность в системном анализе кроется еще и в том, что современное российское законодательство все чаще страдает такими «недугами», как коллизии, избыточность нормативного регулирования в отдельных сферах общественных отношений, пробельность, дефектность структурной организации отдельных институтов и даже целых отраслей. К числу подобных недостатков системы отечественного законодательства следует отнести и дисбаланс института юридической ответственности как нарушение системных принципов его построения, рассогласование его основных субинститутов, диспропорцию между интеграцией и дифференциацией составляющих его предписаний, асимметрию между его материальной и процессуальной подсистемами. Особенностью же дисбаланса юридической ответственности выступает то обстоятельство, что он сопряжен именно с нарушением системных параметров юридической ответственности, основных принципов ее построения и разрушением структурно-функциональных связей.

В современной юридической литературе имеется ряд публикаций, обращающих внимание на отдельные аспекты отмеченной проблемы. Описываются преимущественно фрагменты, конкретные проявления разбалансированности юридической ответственности отраслевого характера, без использования общетеоретического и системного подходов в ее изучении. Так, например, исследователи оперируют терминами «противоречие», «коллизия», «несогласованность», «асимметрия», «недостаток», «изъян» в оценке дефектов законодательной регламентации института юридической ответственности¹. Между тем, на наш взгляд,

¹ См.: *Александров А.А.* Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // *Уголовное право.* 2011. № 1. С. 54–57; *Борков В.Н.* Закономерности формирования и дисбаланс системы уголовно-правовых запретов на совершение должностных преступлений // *Административное и муниципальное право.* 2008. № 3. С. 9–15; *Дзиковская С.Г.* К вопросу о соблюдении принципа равенства в условиях системы уголовно-правовых норм гендерной асимметрии // *Уголовное судопроизводство.* 2009. № 3. С. 7–10; *Липинский Д.А.* Несогласованность Кодекса об административных правонарушениях // *Юрист.* 2003. № 7. С. 30–34; *Проценко С.В.* О противоречии

накоплен достаточный теоретический и практический материал для осуществления общетеоретического осмысления проблемы дисбаланса юридической ответственности не как отдельного дефекта, а как системного нарушения ее системообразующих связей и элементов, вызывающего существенное снижение эффективности действия или вовсе сводящего ее охранительное воздействие к нулевой отметке.

Вернемся, собственно, к системному подходу как методологическому ресурсу исследования юридической ответственности и состояния ее дисбаланса. В современной юридической литературе можно обнаружить ряд работ, которые специально затрагивают вопросы системной организации юридической ответственности. Значительная часть исследователей склоняются к точке зрения, согласно которой система юридической ответственности предстает в качестве сложного межотраслевого института российского права¹. Подобный взгляд на проблему заслуживает пристального внимания и дальнейшего развития, поскольку позволяет в теории права раскрывать нормативное измерение системной организации юридической ответственности. Следует все же заметить, что у юридической ответственности имеются и иные стороны и формы проявления, в числе которых ее воплощение в охранительных правоотношениях, в субъектах ее реализующих, в индивидуальных актах применения мер ответственности в отношении правонарушителей и др. Однако нам интересен именно

действующего института освобождения от уголовной ответственности основным положениям Конституции РФ // Российский следователь. 2010. № 19. С. 22–26; Рябинина Т.К., Козявин А.А. Системные противоречия процессуальной формы предварительного расследования и пути их разрешения // Российский следователь. 2009. № 21. С. 10–13; Тасалов Ф.А. УК гуманизируется, дисбаланс остается // ЭЖ-Юрист. 2011. № 26. С. 1–3; Широков В.А. Противоречие законов как серьезное препятствие в борьбе со взяточничеством // Современное право. 2005. № 4. С. 39–41 и др.

¹ См., например: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: Монография. М.: Изд-во РАП, 2008; Липинский Д.А. О функциональных связях института юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 38 – 41; Он же. Макроуровень института юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. №1. С. 25–44; Ягудина В.М. Пределы подразделения системы юридической ответственности на виды // Юридический мир. 2009. № 4. С. 75–80 и др.

нормативный срез в понимании системы юридической ответственности, поскольку через него мы можем выйти на более широкую проблему законодательного дисбаланса в целом.

С позиции трактовки юридической ответственности в качестве межотраслевого института российского права ее дисбаланс можно рассматривать как одну из разновидностей законодательного дисбаланса.

Изначально необходимо определиться с ответом на вопрос о том, каково же собственно системное содержание института юридической ответственности. По данной проблеме нам в наибольшей степени импонирует концептуальная идея о единстве материальной и процессуальной составляющей юридической ответственности, весьма обстоятельно разработанная в работе С.Л. Кондратьевой. Следуя установкам системного метода, автор обоснованно и аргументированно представила в теории юридическую ответственность в виде взаимосвязи «процессуальных правовых форм, направленных на достижение материально обусловленного процессуального результата по разрешению конкретного дела, а именно: на реализацию меры юридической ответственности или признанию того факта, что юридическая ответственность в данном случае не имеет места»¹.

Юридическая ответственность составляет диалектическое единство материального содержания и процессуальной формы. Только при таком подходе становится возможным отразить в теории права целостность юридической ответственности, не удаляя из нее процессуальные нормативные предписания по ее фактической реализации. В итоге становится возможным отражение в юридической доктрине обеспечение динамики материального охранительного правоотношения в рамках юридической ответственности процессуальными отношениями, направленными на достижение определенного материального результата, образ которого заложен законодателем в целях юридической ответственности. Кроме того,

¹ Кондратьева С.Л. Юридическая ответственность: соотношение норм материального и процессуального права: Автореф. дис.канд. юрид. наук. М., 1998. С. 13 – 14.

данная методологическая установка позволяет примирить и синтезировать два противоположных понимания юридической ответственности, доминирующих в отечественном правоведении: как материально выраженной обязанности субъекта претерпевать неблагоприятные последствия за совершенное им правонарушение и как охранительного правоотношения, сопряженного с возложением на нарушителя правового предписания соответствующей дополнительной обязанности и реализацией конкретных мер ответственности.

Вслед за С.Л. Кондратьевой мы склонны трактовать юридическую ответственность в нормативном измерении в качестве комплексного межотраслевого нормативного образования системы российского законодательства, диалектически объединяющего в себе нормы материального и процессуального права¹.

В плане же исследования вопросов разбалансированности юридической ответственности можно отдельно выделить работу А.Р. Лаврентьева, который практически вплотную приблизился к постановке проблемы системного видения дефектов института юридической ответственности. Он также рассматривает последнюю в качестве относительно самостоятельного комплексного института права, но не включает, к сожалению, в него процессуальную составляющую. На наш же взгляд, диалектику материальной и процессуальной составляющих в нормативном измерении юридической ответственности сложно и вряд ли возможно отрицать. Достоинством предложенной А.Р. Лаврентьевым концепции является активное внедрение в понимание юридической ответственности структурно-функционального подхода², что нам импонирует, поскольку позволяет непосредственно выйти на проблему дисбаланса структурно-функциональных связей юридической

¹ См.: Кондратьева С.Л. Указ. соч. С. 14.

² См.: Лаврентьев А.Р. Коллизии института юридической ответственности в России. Дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 23 – 24 и др.

ответственности, а не только служит надежным методологическим инструментом по выявлению в последней юридических коллизий.

Одновременно полагаем целесообразным отметить, что коллизии есть лишь одна из форм проявления дисбаланса института юридической ответственности в российском законодательстве. Кроме того, не всякая коллизия может приводить к разбалансированности рассматриваемого института, а лишь та, которая непосредственно затрагивает системообразующие принципы и структурно-функциональные связи в институте юридической ответственности.

А.Р. Ларентьев, обобщая и творчески развивая накопленные еще в советской юридической науке знания о юридической ответственности, детально раскрывает ведущие связи в ее системе – генетические, связи координации и субординации. Наряду с этим, исследователь указывает и на наличие единых межотраслевых и общеправовых понятий в сфере юридической ответственности, что также подтверждает ее единство и системность в нормативном измерении¹. Можно лишь добавить, что нарушение же единства в терминологии, недостаточная унификация терминов в системе юридической ответственности как относительно обособленном нормативном образовании российского законодательства может и зачастую вызывает на практике состояние ее дисбаланса.

Еще больший интерес вызывает выделение упомянутым автором так называемых «аномальных коллизий», которые, по нашему мнению, и есть дисбаланс юридической ответственности в нормативном его измерении. Так, автор пишет: «Аномальные коллизии возникают в ситуации, когда нормативные акты или вся система законодательства находятся в деформированном состоянии: нарушение иерархии, пробельность, несвоевременное совершенствование нормативных актов и др. Коллизии этого вида могут проявляться очевидно или в скрытой форме»². Думается,

¹ См.: Лаврентьев А.Р. Указ. соч. С. 29.

² Там же. С. 90.

что критическая масса подобных коллизий вызывает более сложное и опасное для системы российского законодательства явление как дисбаланс юридической ответственности.

В деле выбора методологических установок исследования состояния разбалансированности ответственности в российском законодательстве нельзя обойти вниманием и монографическое исследование законодательного дисбаланса в целом, проведенного сравнительно недавно С.А. Белоусовым, поскольку дисбаланс юридической ответственности есть лишь одна из его разновидностей. Следовательно, общие черты и закономерности законодательного дисбаланса присущи и состоянию разбалансированности юридической ответственности как комплексному межотраслевому институту российского законодательства.

В этой связи особенно ценными представляются суждения С.А. Белоусова о понятии законодательного дисбаланса, формах его проявления и соотношении со смежными понятийными конструкциями отечественного правоведения. В частности, методологическое значение имеют выделенные автором характерные черты законодательного дисбаланса:

- его объективная обусловленность уровнем и условиями развития общества;
- основную форму его выражения составляют несогласованность, диспропорция в тенденциях развития, а также несоответствие образующих структуру и содержание законодательства элементов и подсистем между собой, включая отрасли и институты;
- затрагивает системообразующие принципы законодательства и разрушает его структурные и функциональные связи;

- служит существенным препятствием в правовом регулировании общественных отношений и снижает эффективность всей системы законодательства¹.

В отношении юридической ответственности концепция законодательного дисбаланса применима с учетом классификации последнего в зависимости от горизонтального уровня на внутриотраслевой и межотраслевой. Если внутриотраслевой дисбаланс сопряжен с нарушениями внутри отдельно взятой отрасли законодательства, то межотраслевой законодательный дисбаланс предстает уже как дисбаланс более высокого уровня, когда нарушение связей, принципов и несоразмерность нормативных предписаний одновременно поражает не менее двух отраслей российского законодательства². Исходя из данной градации, дисбаланс юридической ответственности вполне правомерно можно отнести к межотраслевому виду законодательного дисбаланса, поскольку институт юридической ответственности составляют нормы целого ряда отраслей, а состояние его разбалансированности, в первую очередь, вызывается нарушением системных межотраслевых связей. Однако это не исключает и отраслевого дисбаланса института юридической ответственности, в случае если им охвачена лишь одна из разновидностей ответственности – будь это конституционная, уголовная, административная, гражданско-правовая, дисциплинарная либо иная.

В настоящем параграфе нами предпринята лишь предварительная попытка обоснования выбора исходных теоретико-методологических ориентиров по формированию в дальнейшем основ общетеоретической концепции дисбаланса юридической ответственности в его нормативном измерении, которая должна включать в себя в развернутом виде определение его природы, причинной обусловленности, форм и уровней проявления, а

¹ См.: Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика). Дис. докт. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 22.

² См.: Там же. С. 22 – 23.

также комплекс мер по его предотвращению и (или) минимизации негативных последствий.

2.2. Понятие, причины и формы проявления дисбаланса юридической ответственности

Дальнейшее развитие института юридической ответственности сопряжено с повышенной динамикой в трансформации, охраняемых им общественных отношений¹. Усложнение и увеличение разнообразия социальных связей в современном обществе с необходимостью предопределяет изменение содержания и структуры института юридической ответственности, что требует со стороны юридической науки и практики повышенного внимания к вопросу о причинно-следственных закономерностях подобного рода процессов.

Термин «дисбаланс» в правовой литературе получил распространение относительно недавно, в контексте дисбаланса в законодательстве и дисбаланса в праве. Одновременно во многих правовых научных источниках встречаются синонимичные терминологические конструкции по отношению к термину «дисбаланс». Речь идет о таких понятиях, как: «дефекты права», «коллизии в праве», «противоречия в законе», «юридические ошибки», «асимметрия в праве» и многие др. Дисбалансу юридической ответственности же не уделено должного внимания. Отраслевой анализ правовых изъянов ставят вопрос о необходимости проведения изысканий – формированию и обоснованию существования сферы дисбаланса юридической ответственности. В юриспруденции не только отсутствует единство взглядов относительно терминологического обозначения такого феномена как дисбаланс юридической ответственности, но и отсутствует, как ранее мы уже отмечали, единое понимание самой юридической

¹ См.: *Шугуров М.В.* Баланс и дисбаланс как категории правовой реальности: системносинергетический подход // *Российский журнал правовых исследований*. 2016. № 1 (6). С. 87–98.

ответственности, что существенно осложняет задачу по формированию соответствующего общетеоретического понятия.

В этой связи достаточно непростым видится путь установления существенных признаков дисбаланса юридической ответственности, формулирования на основе этого дефиниции его понятия, поиск критериев для классификации форм его проявления и нахождения средств и способов преодоления и предупреждения. Так, нередко дисбаланс характеризуют в одном ряду с правовыми дефектами, юридическими препятствиями, дефектологией, нейтрализацией права и иными явлениями, негативно влияющими на эффективность правового регулирования. Термин «дисбаланс» характеризуется такими категориями, как «нарушение уравновешенности», «диссонанс», «несогласованность», «асимметричность», «дефект», «противоречивость», «дебаланс» и так далее. Применение всех вышеназванных терминов для раскрытия сущности такого сложного явления как дисбаланс юридической ответственности явно недостаточно. Для более подробной характеристики данного явления следует более детально остановиться на признаках такого глобального явления, а затем выявить причины его возникновения.

Для недопущения на практике системного рассогласования норм юридической ответственности полагаем целесообразным и даже необходимым разработку в юридической доктрине понятия «дисбаланс юридической ответственности», которое позволило бы описать в теории ряд значимых «пороговых» нарушений в формировании нормативной основы данного института, которые представляют прямую угрозу для его системной организации. Одним из первых с подобным предложением о внедрении понятийной конструкции «дисбаланс юридической ответственности» выступил И.Н. Сенякин, не обозначив ее дефиницию напрямую, но инициировав ее понимание через понятие «законодательный дисбаланс», которое понимается автором в виде «обусловленной практикой общественного развития рассогласованности в системе действующего

законодательства, выражающейся в различного рода расхождениях и коллизиях как в его содержании, так и форме, создающих затруднения в правовом урегулировании общественных отношений»¹.

Наряду с общетеоретическим определением категории «законодательный дисбаланс» и приведением ряда примеров из действующего российского законодательства, ярко свидетельствующих о разбалансированности института юридической ответственности в содержательном и структурном аспектах, И.Н. Сенякин также обозначает и целый ряд общих причин возникновения подобного состояния. В их числе автор называет: диспропорцию в виде преобладания процессов дифференциации норм об ответственности над противоположной тенденцией по их унификации; нарушение принципов системности в установлении норм об ответственности в законопроектной деятельности; наличие пробелов и коллизий в праве; политическую предвзятость законодателя; дефекты юридической техники; игнорирование принципа соразмерности запрещаемого деяния и устанавливаемых за его совершение мер юридической ответственности; неэффективность экспертизы законопроектов об ответственности².

В целом соглашаясь с представленной И.Н. Сенякиным теоретической моделью детерминации дисбаланса юридической ответственности, отметим, что действительно ряд дефектов нормативных правовых актов порождает состояние разбалансированности юридической ответственности как сложного межотраслевого института российского законодательства. Однако далеко не все дефекты в виде противоречия, пробелов или несоблюдения правил юридической техники с неизбежностью вызывают дисбаланс юридической ответственности, что делает, на наш взгляд, проблему

¹ Сенякин И.Н. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). С. 128 – 129; Он же. Дисбаланс юридической ответственности (технико-культурная детерминация и причины) // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 276.

² См.: Сенякин И.Н. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации... С. 138.

соотношения дефекта и дисбаланса нормативного выражения ответственности достаточно актуальной и научно-практически значимой.

В этой связи представляется уместным предложить следующее собственное определение дисбаланса юридической ответственности как обусловленное объективными, а отчасти и субъективными факторами, состояние рассогласованности нормативных предписаний, их несоответствия системным принципам формирования института ответственности, неравнозначности и несоразмерности законодательно установленных мер ответственности правонарушениям, диспропорции между тенденциями интеграции и унификации данного межотраслевого института законодательства, нарушения внутри него генетических, иерархических и координационных связей, вызывающего в итоге существенное снижение эффективности охранительного действия права.

Для более детального понимания сути представленной выше дефиниции определим ряд исходных моментов в понимании дисбаланса юридической ответственности, которые также будут способствовать, на наш взгляд, отграничению его от статичных, «локализованных» дефектов рассматриваемого института.

1. Важнейшим признаком и одновременно внешним проявлением дисбаланса юридической ответственности следует признавать присутствие диспропорции, несоразмерности в противоположных тенденциях развития данного института. Это не только рассогласование между унификацией и специализацией норм об ответственности, но и расхождение между тенденциями криминализации и декриминализации деяний, несогласованность действий законодателя по ужесточению и гуманизации наказания, нарушение баланса публичных и частных интересов, несоразмерность темпов развития материальной и процессуальной составляющих института ответственности.

2. Формирование угрозы в отношении утраты целостности системы юридической ответственности, что проявляется в нарушении ее

основополагающих принципов (справедливости, законности, неотвратимости, соразмерности запрещенного деяния и последующего за его совершение наказания, виновности, индивидуализации мер ответственности, недопустимости удвоения ответственности, гуманизма) и одновременно в разрушении ее генетических, предметных и функциональных связей.

3. Дисбаланс юридической ответственности представляет собой системное нарушение ее связей, принципов, что в интегрированном виде есть не просто отдельно взятый в статике дефект, а развивающийся во времени динамический процесс разбалансированности нормативных правовых предписаний, усугубляющийся до тех пор, пока не будет комплексно разрешен посредством соответствующей правотворческой деятельности. При этом дефект юридической ответственности преимущественно носит достаточно локализованный характер, например, в виде конкретной коллизии двух норм, что в итоге позволяет обнаружить его четко выраженные внешние признаки в законодательстве¹. Дисбаланс же в системе юридической ответственности характеризуется отсутствием строго определенных параметров в содержательном и структурном плане, определяется лишь в ходе системного толкования и применения нормативной правовой основы ответственности.

К примеру, ранее обозначенная проблема по введению в систему уголовной ответственности понятия «уголовный проступок» не имеет локализованного характера, обнаруживает себя лишь в ходе системного сопоставления значительного числа норм Уголовного кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, Уголовно-исполнительного кодекса РФ, а также соотнесения данной законодательной новеллы с рядом предписаний КоАП РФ. Установление возможного дисбаланса функциональных межотраслевых связей в системе юридической ответственности зачастую

¹ См. о коллизиях и иных дефектах в праве и юридической ответственности подробнее: *Власенко Н.А.* Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. № 3. С. 21 – 26; *Лаврентьев А.Р.* Коллизии института юридической ответственности в России. Дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999.

сопряжено с проведением целого ряда специализированных исследований¹. Отдельные же дефекты нормативной основы ответственности устанавливаются посредством совершения существенно меньшего числа операций, а также, как правило, не требуют комплекса мер по их устранению.

4. Между дефектом в системе юридической ответственности и ее дисбалансом существует диалектическая связь, которая выражается в возможности их взаимного порождения. Так, накапливаясь в рамках института ответственности, коллизии, пробелы и иные дефекты способны запустить процесс его разбалансированности. В свою очередь, уже существующий дисбаланс в виде нарушения системности, целостности юридической ответственности нередко служит «питательной почвой» для появления все новых и новых дефектов в последующей правотворческой практике, поскольку вносить в системно дезорганизованный межотраслевой институт права законодательные изменения уже достаточно непросто и чревато новыми правотворческими ошибками. При этом еще раз подчеркнем, что далеко не всякий дефект ответственности вызывает устойчивый процесс ее разбалансированности. Как правило, лишь совместное негативное действие ряда дефектов законодательства способно продуцировать дисбаланс, который, безусловно, становится разрушительно опасным для функционирования всего пораженного им института. В этом смысле дисбаланс юридической ответственности есть феномен потенциально способный полностью или в существенной части нейтрализовать охранительное действие права в целом.

Таковым нам представляется в самом общем виде соотношение понятий «дефект» и «дисбаланс» в изучении проблем современного состояния юридической ответственности как сложноорганизованного

¹ Аналогичного подхода в более широком ракурсе придерживается С.А. Белоусов в описании проблем понимания законодательного дисбаланса в целом. См. подробнее об этом: *Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика). Дис. докт. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 55 – 61.*

межотраслевого института современного российского законодательства. С учетом непрекращающегося усложнения нормативно-правовой основы юридической ответственности, ее количественного и качественного роста, думается, что со временем проблема ее дисбаланса будет лишь еще больше актуализироваться.

Причины дисбаланса юридической ответственности могут быть разделены на объективные и субъективные. При этом к объективным причинам следует относить только те факторы, которые реально не могут быть обусловлены поведением людей, ответственных за правотворческий и правоприменительный процесс, - социальные, экономические, исторические, внешнеполитические. К субъективным причинам следует отнести те факторы, которые зависят в полной мере от людей и их поведения в целом, несоблюдение процедур принятия нормативно-правовых актов, недобросовестность разработчиков проектов нормативных актов, недостаточный уровень правовой грамотности субъектов правотворчества и правоприменения, игнорирование научных принципов нормотворчества. В качестве *наиболее общих причин дисбаланса юридической ответственности* следует выделить:

1. существенные нарушения требований юридической техники в ходе установления или изменения норм в сфере ответственности, а также изъяны самих средств и правил юридической техники, вызывающие системные нарушения в содержании института юридической ответственности, что проявляется, например, в неоправданном наличии оценочных понятий, в юридической (правовой) инфляции, возникновении коллизий и пробелов в праве, в некачественной экспертизе законопроектов, в нарушении логических связей между структурными элементами норм права и т.п.;

2. несоответствие правового регулирования в сфере ответственности уровню развития охраняемых общественных отношений;

3. негативно сказывающийся субъективный фактор, который выражается в политизированности некоторых нормативно-правовых актов,

устанавливающих меры ответственности, низком уровне правовой культуры законодателя и его непрофессионализме, низком уровне правовой грамотности правоприменителей и слабом уровне контроля за реализацией мер юридической ответственности;

4. излишняя дифференциация нормативных предписаний в системе юридической ответственности;

5. нарушение основополагающих принципов системы юридической ответственности, включая начала равенства и справедливости в установлении вида и меры ответственности в отношении определенных категорий правонарушителей, а также несоблюдение требований по надлежащей дифференциации ответственности в процессе учета личностных, социальных и иных характеристик виновных лиц;

6. избыточность запретов в праве.

Считаем целесообразным далее подробнее остановиться на каждой из указанных причин.

1. Нарушение правил юридической техники и методики использования ее средств, а также несовершенство самой юридической техники, что может выражаться в несоблюдении принципа системности при подготовке законопроекта в области ответственности, неоправданном наличии оценочных понятий, юридической (правовой) инфляции, коллизий и пробелов в праве, слабой экспертизе законопроектов, нарушении логических связей между структурными элементами норм права и т.п.;

Прежде чем разбираться в изъянах законодательства, нужно обратить внимание и на работы, специально посвященные проблемам качества законов. Так, С.В. Поленина, автор общетеоретической монографии о качестве законов, считает, что качество закона напрямую связано с его способностью корреспондировать потребностям социума, регулируя общественные отношения соответственно с поставленными целями¹.

¹ См.: Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993.

В.В. Игнатенко полагает, что качество законов – категория стадийная и должна охватывать научное познание нуждающихся в правовой регламентации социальных процессов, выработку законодательной стратегии и разработку конкретных нормативных правовых актов¹. При этом исследователь обоснованно увязывает понятие качества законов с проблемой выделения критериев для его определения. В частности, автор называет три основные группы подобных критериев:

- 1) показатели легальности, включающие компетенционный, содержательно-правовой, процедурный моменты;
- 2) инструментально-юридические требования к полноте, точности и логической непротиворечивости изложения нормативно-правового содержания;
- 3) степень выполнения требований, касающихся структурного построения закона, соблюдения логических и языковых правил в его содержании².

Одним из аспектов проблемы правового регулирования юридической ответственности является определенная некорректность изложения нормативного материала и несовершенство самой юридической техники. Достаточно актуальным средством юридической техники в современных условиях развития российского законодательства в сфере ответственности выступает терминология. Зачастую решение проблемы с качеством института юридической ответственности законодатель связывает с уточнением того или иного термина, используемого в нормативном правовом акте.

¹ См.: *Игнатенко В.В.* Правовое качество законов об административных правонарушениях. Иркутск, 1998. С. 20-21; *Игнатенко В.В.* Правовое качество законов об административных правонарушениях: Теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 14.

² См.: *Игнатенко В.В.* Правовое качество законов об административных правонарушениях: Теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 16.

Например, понятия «признание недействующим» и «признание недействительным» выражают одно и то же явление при их рассмотрении в процессуально-правовом и материально-правовом аспектах. Различная терминология, а именно «признание недействительным», «признание недействующим», «признание незаконным», обусловлена только причинами исторического свойства и несовершенством юридической техники¹.

Если обратиться к судебной практике, то ее анализ показал, что значительная часть судебных споров связана с неправомерным привлечением к ответственности, с неправильным толкованием некоторых положений закона, а также с отсутствием четкого и последовательного разграничения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Основными причинами данных споров являются несовершенство юридической техники закона, коллизии правовых норм, а также пробелы в правовом регулировании. Эти недостатки вызывают значительные трудности в правоприменении.

Зачастую недостаточное качество юридической техники влечет за собой коллизию двух положений в рамках, в том числе даже и одного закона, усложняющуюся наличием в таких положениях отсылок к федеральным законам, которые могут быть истолкованы как отсылки друг к другу. Необходимо заметить, что коллизия норм права имеет место в следующих случаях:

- нормы права, которые рассматриваются как фактически действующие, то есть в результате правотворческой деятельности получили закрепление в действующем законодательстве;
- противоречащие правовые нормы направлены на упорядочение одной и той же группы общественных отношений, но расходятся в части метода

¹ См.: Рипинский С.Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С.194.

правового регулирования, в содержании правового воздействия на них или на субъектов права и в иных аспектах¹.

Так, в юридической литературе неоднократно писалось об имеющейся коллизии в административном праве (между ст. 14.1.2 КоАП РФ и примечанием к данной статье). В тексте статьи указаны конкретные штрафы за осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта без лицензии для индивидуальных предпринимателей, а также и для юридических лиц. К примеру, ч.1 ст. 14.1.2 упомянутого закона устанавливает следующие размеры штрафов: для индивидуального предпринимателя – 100 тысяч рублей; для организаций – 400 тысяч рублей. При этом в примечании к статье говорится о том, что за административные правонарушения, предусмотренные ст. 14.1.2, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как юридические лица.

В оценке рассматриваемой ситуации следует согласиться с позицией А. Блинова, который обоснованно указывает: «И вот тут возникает когнитивный диссонанс. Индивидуальные предприниматели. Глаза вверх, на норму — штраф 100 тысяч. Глаза вниз, на примечание — несут ответственность как юридические лица, то есть 400 тыс. руб. Вверх — вниз, вверх — вниз. И так несколько раз подряд... Вопрос о том, какой же в сложившейся «правовой коллизии» должен быть размер штрафа для индивидуальных предпринимателей, даже не хочется особо обсуждать. Ясно одно: новую ст. 14.1.2 КоАП РФ нужно исправлять. И чем скорее, тем лучше»².

Расхождение содержания норм права, регулирующих отношения применения государственного принуждения является одной из особенностей коллизий института юридической ответственности. Прямые противоречия в нормативных предписаниях, предусматривающих тот или иной вид юридической ответственности, при их накоплении и системном характере

¹ См.: *Власенко Н.А.* Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. С. 98.

² *Блинов А.* Работа над ошибками // *эж-Юрист*. 2012. № 35. С. 5.

зачастую влекут за собой возникновение явления дисбаланса юридической ответственности. Подобная ситуация формируется, когда две или более нормы института юридической ответственности прямо противоречат друг другу, то есть за совершение одного и того же правонарушения предусматривается применение различных видов или мер ответственности¹. В правоприменительной практике зачастую возникает дилемма в виде неоднозначного выбора одной из противоборствующих норм.

Разрешение анализируемых ситуаций далеко не всегда разрешается должным образом в ходе толкования, так как каждая норма института юридической ответственности требует своего применения независимо от наличия иной (иных) нормы, регламентирующей ответственность за однородное правонарушение. Одновременное применение двух видов ответственности за совершение одного и того же правонарушения следует признавать недопустимым в силу действия общего принципа юридической ответственности о запрете повторного наказания за одно и тоже противоправное деяние².

Увеличение числа подобного рода коллизий в содержании института юридической ответственности может привести к системным сбоям в практике его применения и в итоге к дисбалансу соответствующей подсистемы российского законодательства.

Весьма показателен в этом плане следующий пример. Кодекс об административных правонарушениях РФ устанавливает в ст. 6.1.1. понятие побоев³. Однако и в ст. 116 Уголовного кодекса РФ содержится данный термин с весьма схожим содержанием. На практике наблюдаются сложности в правильном определении нормы, подлежащей применению в ситуации побоев. Для разрешения коллизии необходимо изучить все фактические

¹ См.: *Лаврентьев А.Р.* Коллизии института юридической ответственности в России: дис. ...канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1999. С. 70.

² См.: Там же.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 2001. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5114.

обстоятельства, осуществить доскональную оценку, которые дадут возможность установить, являются ли данные побои административным проступком или преступлением.

Однако не всякое столкновение норм об ответственности следует расценивать в качестве коллизии и потенциального источника дисбаланса. Например, следует вести речь о конкуренции норм Уголовного кодекса РФ в ст. 166 (неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения) и в ст. 158 (тайное хищение чужого имущества)¹. В этой связи обратимся к имеющейся судебной практике. Гражданин, проходя мимо заброшенного дома, увидел одиноко стоящий самокат и, воспользовавшись ситуацией, уехал на нем. В результате был привлечен к уголовной ответственности. Изучив Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения", где говорится, что «под иными транспортными средствами, за угон которых без цели хищения предусмотрена уголовная ответственность по ст. 166 УК РФ, следует понимать транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации предоставляется специальное право (автобусы, троллейбусы, трамваи, мотоциклы, мопеды, трактора и другие самоходные машины, иные транспортные средства с двигателем внутреннего сгорания или электрическим двигателем, а также маломерные катера, моторные лодки и иные суда, угон которых не содержит признаков преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ). Не являются предметом данного преступления велосипеды, гребные лодки, гужевой транспорт и т.п.»².

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2021. № 27 (ч.1). Ст. 5751.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного

Законодательство становится с каждым годом все более громоздким, разрешение дисбаланса юридической ответственности требует больших усилий (начиная от добросовестного изучения законодательства, заканчивая повышением уровня правовой культуры и грамотности правоприменителей).

Подводя промежуточный итог, обратим внимание на то, что на современном этапе в российском законодательстве особенно важно минимизировать возникающий дисбаланс и заложить в законодательстве механизмы его преодоления.

Проблема несовершенства юридической техники актов законодательства существует, как уже было сказано ранее, в различных отраслях законодательства, например, В.Д. Зорькин приходит к важному заключению: «Расплывчатость налоговой нормы может привести к не согласующемуся с принципом правового государства произвольному и дискриминационному ее применению государственными органами и должностными лицами в их отношениях с налогоплательщиками и тем самым – к нарушению принципа юридического равенства и вытекающего из него требования равенства налогообложения, закрепленного пунктом 1 статьи 3 Налогового кодекса РФ, а потому предусмотренный в дефектных с точки зрения требований юридической техники нормах налог не может считаться законно установленным в смысле ст. 57 Конституции РФ»¹.

Рассмотрим юридическую инфляцию как явление, предшествующее дисбалансу юридической ответственности, которая выражается в принятии большого количества «пустых», декларативных и фактически недействующих нормативных правовых актов. Основные элементы законодательной инфляции составляют системную взаимосвязь следующих элементов: «устойчивость», «тенденции роста», «общий уровень количества

движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Зорькин В.Д. Конституционно-правовые аспекты налогового права России и практика Конституционного Суда // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 3. С. 103.

всей совокупности нормативных правовых актов». Под «законодательной инфляцией» понимается устойчивая тенденция роста общего количества нормативных правовых актов. Основным содержанием понятия юридической инфляции составляет процесс обесценивания, утраты ценностного содержания тем или иным правовым явлением. В отношении института юридической ответственности установление заведомо неисполнимых норм в области наказания виновных в совершении правонарушений в популистских и иных целях с неизбежностью ведет к обесцениванию права в глазах населения, возникновению такой искаженной формы правосознания как правовой нигилизм, и, как следствие, несоблюдению законов, отрицанию юридической ответственности. Н.И. Матузов вполне уместно цитирует древнее изречение: «В наиболее испорченном государстве наибольшее количество законов».

Еще одним встречающимся в правовом регулировании ответственности противоречием является тождество правовых признаков общих и специальных составов. Например, за нарушение правил обращения с экологически опасными отходами, предусмотрены ст. 247 УК РФ (общий состав), и целый ряд специальных составов, предусматривающих ответственность за нарушение правил охраны отдельных видов природных объектов (например, порча земель, загрязнение вод и т.д.). Так, загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств, если эти деяния повлекли причинение существенного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству, предусмотрена ответственность по ст. 250 УК РФ. Можно смоделировать ситуацию, при которой загрязнение вод произошло вследствие сброса отходов в водный объект. Такое правонарушение подпадает одновременно и под признаки состава, предусмотренного ч. 1 ст. 247 УК РФ, максимальной мерой наказания для которого является лишение свободы на срок до двух

лет, и под признаки состава, предусмотренного ч. 1 ст. 250 УК РФ, максимальной мерой для которого является арест сроком до трех месяцев.

Конкуренция общих и специальных составов преодолевается признанием приоритета специального состава. При этом за формальные составы ответственность более строгая, чем за материальные. По ст. 347 УК РФ максимальное наказание – лишение свободы на срок до 2 лет, а по специальному составу (например, загрязнение водных объектов) – арест до 3 месяцев. Таким образом, наличие тождественных характеристик общих и специальных составов исключает применение ответственности по статье, предусматривающей общий состав. Данное противоречие является одной из основных причин неэффективного применения названной статьи.

Одним из проявлений недостаточного качества юридической техники является наличие оценочных понятий в санкциях статей или наличие оценочных понятий в условиях, влияющих на квалификацию деяния (одним из наиболее распространенных является «особая жестокость»). С.И. Вильнянский полагал, что оценочные понятия «дают суду возможность свободной оценки фактов и учета индивидуальных особенностей конкретного случая при обязательном в то же время применении закона»¹. Я.М. Брайнин также отмечал, что оценочные понятия – это дефиниции, не конкретизированные законодателем, а уточняемые органом, применяющим закон². А.Г. Диденко дает такое авторское определение: «Оценочным понятием является понятие, посредством которого законодатель предоставляет субъектам реализации правовых норм в процессе такой реализации (использовании, исполнении, соблюдении, применении норм права) самим определять меру, отделяющую одно правовое состояние от другого либо правовое состояние от неправового»³.

¹ Вильнянский С.И. Применение норм советского права // Учен. Зап. Харьк. Юрид. Ин-та. Харьков: Изд-во Харьк. Ун-та, 1956. Вып. 7. С. 14.

² См.: Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М.: Юрид. Лит., 1967. С. 27.

³ См.: Диденко А.Г. Оценочные понятия в гражданском законодательстве. Избранное (постсоветский период). Алматы: Казахстан, 2004. С. 26.

Следует обратить внимание и на позицию Т.В. Кашаниной в отношении причин применения законодателем оценочных понятий. По ее обоснованному мнению, к числу таковых следует относить объективные потребности общества, а не исключительно произвольное желание самого законодателя.

К числу основных социальных условий, детерминирующих использование оценочных понятий в качестве средств правотворческой техники относят:

- разнообразие регулируемых правом общественных отношений, которое не укладывается в излишне четкие и конкретные предписания закона;
- динамизм в развитии общественных отношений;
- необходимость обеспечения гармоничной взаимосвязи права и морали.

Субъективные факторы, влияющие на процесс использования в законодательстве оценочных понятий, составляют следующие обстоятельства:

- ошибки законодателя;
- несовершенство правил юридической техники в отношении оценочных понятий;
- недостаточный уровень развития юридической науки;
- несовершенство правоприменительной практики¹.

Оправданное и умелое применение в содержании нормативных правовых актов оценочных понятий все же следует признать объективно необходимым. Они делают содержание законодательства более гибким, позволяя одновременно избежать его излишней детализации и постоянного пересмотра ряда основных его положений, а также предоставляя правоприменителю определенную свободу усмотрения в принятии решений.

¹ См.: Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. С. 30-33.

Широкое содержание оценочного понятия не предполагает в большинстве случаев однозначного ответа, но ориентирует субъектов правоприменительной деятельности на творческий подход и самостоятельность в выборе конкретного варианта решения проблемы с учетом специфики собственного правосознания и уровня профессионализма¹.

На основании вышеизложенного попробуем выделить особенности применения юридической техники. Во-первых, следует выделить систематическое и планомерное воздействие на законотворческую деятельность, когда с ее помощью удастся тщательно и юридически корректно формировать новые нормативные правовые акты с соблюдением ее правил и требований. Во-вторых, юридическая техника оказывает влияние на правоприменительную и иную деятельность, способствует правильному пониманию смысла нормативного правового акта и содержания правовых норм. В-третьих, юридическая техника является важнейшим условием и средством предупреждения и исправления ошибок. В-четвертых, юридическая техника в некоторой степени выступает как средство международного обмена правовой информацией и как средство обучения основам правотворчества. И как результат, в-пятых, юридическая техника способствует овладению основами правовых знаний, с ее помощью специалист закладывает фундамент своего профессионального мастерства.

Юридическая техника служит важнейшим фактором внутреннего развития правовых актов и обретения ими официально признанных свойств. Ее значение, с одной стороны, нельзя переоценивать, а с другой - нельзя и умалять, поскольку оно возрастает в условиях стремительного законотворчества и правоприменения, развития законодательства. Недооценка юридической техники либо ее игнорирование способствуют допущению законотворческих ошибок, порождают коллизии между правовыми нормами, неверное понимание нормативных актов и их

¹ См.: *Смирнов Д.А.* Оценочные понятия и принципы налогового права: вопросы соотношения и правоприменения // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2. С. 85-101.

применение, в результате чего дестабилизируется правовая система, нарушается законодательство, возникают ошибки в правоприменении и, как следствие всего вышеназванного, - дисбаланс юридической ответственности. Дисбаланс юридической ответственности в первую очередь порождается дисбалансом в законодательстве. Таким образом, недостатки юридической техники являются ключевой причиной, способствующей появлению дисбаланса юридической ответственности.

2. Несоответствие правового регулирования в сфере ответственности уровню развития охраняемых общественных отношений.

В связи с динамичным развитием общественных отношений, ускоренным внедрением новых информационно-электронных технологий во все основные сферы человеческой жизнедеятельности существенно повысился риск возникновения на практике так называемого состояния правовой неопределенности, которая также может оцениваться в качестве одного из факторов, продуцирующих дисбаланс юридической ответственности.

Под правовой неопределенностью в юридической литературе предлагается понимать некое состояние правового регулирования, при котором возникают трудности в дальнейшем движении механизма правового регулирования ввиду неопределенности содержания нормативных правовых актов. Одновременно обратим внимание на то обстоятельство, что определенность правовых норм сама по себе представляет собой универсальное требование к качеству нормативной правовой материи и имеет различные параметры для ее измерения.

Возникновение же состояний неопределенности в содержании права, а в нашем случае, в содержании предписаний института юридической ответственности, нередко может приводить к системным нарушениям в правоприменительной практике, что можно расценивать как причину формирования соответствующего вида дисбаланса.

Принятие большого количества законов низкого качества, некоторые из которых дестабилизируют экономическую и политическую обстановку в стране, приводит к огромным незапланированным бюджетным расходам, делает проблемы мониторинга законов как на стадии их разработки и принятия, так и после вступления в силу.

Существующая регламентация законодательной деятельности порождает частое неоправданное изменение отдельных законодательных актов, нарушает один из основополагающих принципов правового государства – принцип стабильности законодательства.

В числе таких недостатков – нарушение процедур подготовки законопроектов, нарушения разумных процедур их рассмотрения и, наконец, отсутствие целостной системы контроля над их реализацией и актуализацией в связи с изменяемыми потребностями общества.

Акты, регулирующие порядок разработки, принятия и опубликования нормативно-правовых актов, касаются лишь некоторых процедур работы с нормативно-правовыми актами в цикле их подготовки и принятия, однако целостной системы для всего процесса создания нормативно-правовых актов разного уровня не выстраивают. Ряд действующих актов, устанавливающих процедуры разработки и принятия нормативно-правовых актов, противоречат друг другу¹.

В условиях стремительного развития законодательства еще более важное значение для повышения качества законов и правоприменительной практики имеет вопрос об организации и проведении мониторинга законотворческой деятельности и правоприменительной практики.

Системное и целенаправленное проведение этой работы призвано способствовать достижению таких важнейших задач, как снижение коллизииности и пробельности законодательства, повышению его стабильности и достижения баланса. Исключительно значимым в

¹ См.: Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014.

современный период в сфере законотворчества представляется переход от поспешно принимаемых законодательных решений к глубокому и системному подходу в подготовке законов на основе стратегического видения проблемы¹. Вместе с тем возможности мониторинга продолжают оставаться нереализованными. До настоящего времени не оптимизирован законодательный процесс, остаются проблемные вопросы по экспертно-аналитической оценке законопроектов, не соблюдается принцип системности при подготовке законопроекта.

3. *Негативно сказывающийся субъективный фактор*, одним из проявлений которого является политизированность некоторых нормативных правовых актов, устанавливающих меры ответственности, низком уровне правовой культуры законодателя и его непрофессионализме, низком уровне правовой грамотности правоприменителей и слабом уровне контроля за реализацией мер юридической ответственности. Политическая составляющая находит формальное выражение в некоторых решениях Конституционного Суда РФ, в частности, конкретизирующих положения Конституции РФ и развивающих ее отдельные предписания.

Наиболее явно политизированность в формировании и толковании права проявляется в ходе абстрактного или конкретного нормоконтроля, когда подлежат проверке нормативные правовые акты в ходе деятельности Конституционного Суда РФ. Политизация актов Конституционного Суда РФ объясняется особым значением данного органа государственной власти в системе сдержек и противовесов, а также политической значимостью оценки на соответствие Конституции РФ отдельных нормативных правовых актов.

Еще одним субъективным фактором, способствующим появлению феномена дисбаланса юридической ответственности выступает низкий уровень правовой культуры и непрофессионализм депутатов законодательных органов государственной власти.

¹ Носов С.И. О некоторых проблемах законотворчества в Российской Федерации // Юрист. 2016. № 21. С.36-40.

В России по настоящий момент не решена задача по специализированной подготовке юристов в области законотворческой деятельности. По справедливому мнению, высказанному И.Л. Бачило, современную правотворческую практику сопровождают такие негативные явления, как спешка, конкуренция лоббистских групп и как следствие некачественные результаты правотворческой деятельности, что в итоге влечет за собой необходимость постоянного исправления законотворческих ошибок посредством непрерывного изменения содержания нормативных правовых актов¹.

Некомпетентность и необдуманность действий законодателя могут вызывать весьма негативные последствия как для самой системы юридической ответственности, так и для охраняемых ее общественных отношений. В этой связи по-прежнему актуальным представляется суждение Г. Спенсера следующего содержания: «Из всех чудовищных заблуждений людей самое чудовищное заключается в том, что для того, чтобы овладеть каким-нибудь несложным ремеслом, например ремеслом сапожника, необходимо долго учиться, а единственное дело, которое не требует никакой подготовки, - это искусство создавать законы для целого народа»².

Также справедливо и утверждение Д.А. Керимова, согласно которому «создание содержательного, правильно оформленного и эффективно работающего закона равнозначно иному открытию в науке»³.

Как на федеральном, так и на региональном уровне лицам, осуществляющим правотворческую деятельность, недостает опыта и должного уровня образования в выборе стратегических направлений в развитии института юридической ответственности.

¹ См.: Бачило И.Л. Проблемы гармонизации в законодательстве // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 92.

² Спенсер Г. Грех законодателей // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 136.

³ См.: Керимов Д.А. Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 1997. С. 2.

Следует согласиться с мнением о том, что государство должно активнее прибегать в правотворческой деятельности к помощи экспертов из научного юридического сообщества, обращаясь с соответствующими заказами в крупные центры юридической науки в России, а иногда и за рубежом. Именно специализированные научные учреждения и крупнейшие вузы юридического профиля в состоянии обеспечить не только качественную экспертизу уже готовых проектов нормативных правовых актов, но и полную разработку подобных проектов с учетом новейших достижений науки в области юриспруденции. Однако, к сожалению, данный научно-практический потенциал исследовательских и образовательных учреждений в России по-прежнему остается недостаточно востребованным.¹

Помимо повышения уровня подготовки законодателей, для улучшения качества принимаемых законов необходимо ввести определенного рода негативные санкции. По мнению Маркунина Р.С., «низкий уровень культуры в поведении сегодняшних депутатов вызывает необходимость создания системы негативных санкций, наступающих за нарушение норм регламента органа представительной власти либо депутатской этики. Одновременно с этим представляется недопустимым применение к нарушителям мер ответственности, не предусмотренных в регламентах. Поэтому следует закрепить в регламентах палат дополнительные меры ответственности за нарушение норм. Диапазон может быть широк: лишение слова, выдворение из зала заседаний, временное ограничение размера денежного вознаграждения и т.п. Эффективно работающая система санкций в данной области будет способствовать повышению уважения представителей власти к своей работе и уровня культуры по отношению к коллегам»².

В вопросе, посвященном причинам дисбаланса юридической ответственности, вполне уместно будет говорить не только о

¹ См.: Законодательный дисбаланс / Под ред. И.Н. Сенякина. Саратов. 2013. С. 479.

² Маркунин Р.С. Юридическая ответственность депутатов и органов представительной власти: общетеоретический аспект: автореф. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 25.

некомпетентности законодательных органов, немаловажное значение имеют правоприменительные и контрольные органы. Кроме поднятого вопроса о грамотности и компетентности сотрудников в вышеназванных органах существует ряд других факторов, оказывающих влияние на развития дисбаланса ответственности. Например, пресловутый субъективный фактор проявляется в том, что судьи в процессе отправления правосудия также обладают достаточно широким усмотрением в принятии решения. Особенно данный тезис справедлив в отношении сложных категорий дел и в решении достаточно принципиальных вопросов права¹.

Следовательно, дополнительным фактором, продуцирующим состояние разбалансированности в реализации норм, предусматривающих меры ответственности, выступает недостаточный профессионализм правоприменителя, отсутствие должного опыта, ошибки, изъяны правосознания. К числу наиболее распространенных причин можно отнести недостаточную квалификацию лиц, применяющих нормы юридической ответственности. Кроме того, в ряде случаев правоприменитель вовсе не обладает определенными способностями и качествами, является профессионально непригодным к осуществлению определенного вида юридической деятельности².

Таким образом, процесс детерминации состояния дисбаланса юридической ответственности как межотраслевого института российского законодательства сопряжен как с объективными, так и субъективными факторами. При этом причин кроются не только в правотворческой, но и в правоприменительной деятельности тоже. Для предотвращения и преодоления ситуации дисбаланса юридической ответственности требуется

¹ См. *Верещагин А.Н., Каранетов А.Г., Тай Ю.В.* Пути совершенствования правотворческой деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ // Вестник ВАС РФ. 2013. № 6.

² *Хусаинова О.В.* Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования : теоретико-правовой аспект : диссертация ... кандидата юридических наук : - Казань, 2009. С. 89.

комплексная диагностика и установление всей совокупности факторов, вызывающих данное негативное правовое явление.

4. Излишняя дифференциация нормативных предписаний в системе юридической ответственности.

Причиной дисбаланса во многих случаях служит социально-экономическая, и, как следствие, правовая дифференциация. Нарушение пределов дифференциации нормативных предписаний в рамках института юридической ответственности влечет чрезмерную конкуренцию и повышенную коллизионность его норм, что чревато разрушением системных связей внутри данного института. Как следствие, утрачивается сбалансированность охранительного правового воздействия.

Наиболее ярко данную причину можно представить на примере уголовного права, а в частности, многообъектных убийств (ст. 277, 295, 317 УК РФ). Санкции этих норм на сегодняшний день являются одними из самых строгих в Особенной части УК РФ, предусматривают лишение свободы от 12 до 20 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет, либо пожизненное лишение свободы, либо смертную казнь. Для сравнения, за «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет с ограничением свободы до 2 лет, либо без такового¹. Сравнительный анализ перечисленных уголовно-правовых санкций приводит к выводу о том, что наблюдается существенная несоразмерность наказания и совершенного преступного деяния. Так, верхний предел наказания за совершение «простого» убийства составляет 11 лет и 3 месяца, что существенно ниже низшего предела наказания за покушение на убийство государственного (или общественного деятеля), который составляет 12 лет лишения свободы. Данный пример свидетельствует о существенном нарушении принципа соразмерности наказания и противоправного деяния. Как видим, имеет место

¹ Карабанова Е.Н. Учет многообъектности преступлений при формировании пенологической концепции российского уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4. С. 62-65.

дифференциация ответственности в зависимости от объекта преступного посягательства, что приводит к дисбалансу ответственности в части наказаний за преступления с равной долей достижения преступного результата (лишение жизни человека во всех случаях).

Небезынтересными представляются итоги исследования специалистов НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, которые были проведены еще в 2004 – 2009 годах. Может показаться, что с тех пор прошло уже более 10 лет и данные результаты неактуальны, но нам думается, что это не так, поскольку данная тенденция сохраняется и по настоящий момент.

Согласно проведенным исследованиям, такая мера наказания как пожизненное лишение свободы было назначено за совершение умышленного убийства лишь в диапазоне от 0,2 до 0,5 % от общего числа осужденных за данный вид преступлений. Максимальный же срок лишения свободы был назначен в разные годы от 3,2 до 4,6 % от общего числа лиц, совершивших убийства. Особенно примечателен тот факт, что значительное число лиц, отбывает наказание за совершение убийства с незначительным сроком лишения свободы, поскольку достаточно активно в отношении них применяется средство в виде условно досрочного освобождения от отбывания дальнейшего наказания в виде лишения свободы. Как свидетельствуют специалисты, реальный срок наказания нередко не превышает 3–4 лет, что явно не соответствует тяжести совершенного противоправного деяния, создает дисбаланс в системе юридической ответственности.

Не отличается сбалансированностью и практика применения наказания за нанесение тяжкого вреда здоровью. Так, например, в тот же период времени максимальный размер наказания в виде лишения свободы за совершение данного вида преступлений был назначен по отношению только к двум лицам из более чем 234 тысяч осужденных. Еще большее удивление вызывает тот факт, что треть преступников, совершивших подобное противоправное деяние, вовсе были приговорены к условному отбыванию

наказания¹. Данные статистические факты демонстрируют состояние разбалансированности в практике применения мер юридической ответственности, что требует, на наш взгляд, не только исправления на уровне правоприменения, но и существенной доработки нормативной основы уголовно-правовой ответственности. Кроме того, следует напомнить, что смертная казнь в России не применяется с 1996 года в силу моратория².

5. *Нарушение основополагающих принципов системы юридической ответственности*, включая начала равенства и справедливости в установлении вида и меры ответственности в отношении определенных категорий субъектов с учетом их психофизиологического состояния, социальных и функциональных характеристик.

Вышеуказанная причина находит свое отражение в различных отраслях права, например, ст. 337 УК РФ (самовольное оставление части или места службы). Требуется определенной коррективы нормы, неоправданно предусматривающие более суровое уголовное наказание для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, по сравнению с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, за самовольное оставление части или места службы, что объясняется действием общих правовых принципов обеспечения формального равенства и социальной справедливости. В данном примере мы также наблюдаем предпосылки для формирования дисбаланса в институте юридической ответственности, что, конечно же, требует своевременного исправления.

Указанная причина выражается также в наделении иммунитетами только определенных категорий лиц, занимающих определенные государственные должности. Речь идет о специфике юридической ответственности ряда должностных лиц в органах государственной власти.

¹ Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С. М. Иншакова. М., 2011. С. 689.

² О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы : указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 // Российская газета. — 1996. — 21 мая.

Баланс в вопросах взаимной ответственности государства и личности представляется особенно важным ввиду стремления России соответствовать основным канонам правового государства, о чем свидетельствует ряд норм Конституции РФ. В этой связи полагаем справедливым утверждение следующего содержания: «Ослабление функции контроля за деятельностью властных субъектов со стороны демократических институтов может создавать опасную ситуацию, которая негативно будет сказываться на эффективности работы публичной власти»¹.

Российское законодательство изобилует чрезмерным количеством иммунитетов и привилегий для целого ряда должностных лиц, осуществляющих государственно-властные полномочия, что выступает одним из факторов, детерминирующих состояние дисбаланса в системе юридической ответственности в целом.

Согласимся с точкой зрения, высказанной в свое время Н.И. Матузовым, согласно которой «действующее законодательство устанавливает обширный перечень иммунитетов, прав и свобод, который нельзя сравнить с несистематизированными обязанностями и мерами ответственности»².

Обращение же к опыту других стран в данном вопросе свидетельствует об избыточности целого ряда иммунитетов в отношении ответственности должностных лиц государства в России. Как отмечают специалисты, «по законодательству Швеции иммунитет члена представительного органа власти на многие случаи не распространяется, он только частично касается депутата в связи с его обычной деятельностью»³.

Сравнительный анализ показывает существенно меньший объем неприкосновенности государственных деятелей зарубежом по сравнению с

¹ Буравлев Ю.М. Юридическая ответственность государственных служащих, обусловленная оценкой эффективности служебной деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. М.: Юрист, 2012. № 4. С. 32-35.

² См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Саратов. Гос. Акад. Права, 2003.

³ См.: Могунова М.А. Государственное право Швеции. М.: Инфра-М, 2009. 383 с.

Российской Федерацией¹. В данном вопросе требуется более выверенный подход со стороны правовой политики государства, поскольку ситуация обладает двояким характером и для ее разрешения требуется соблюсти баланс между двумя противоположными задачами. «С одной стороны, наделение депутата определенными иммунитетами вполне оправдано ввиду обладания самыми сильными и опасными рычагами по управлению обществом, которыми стремятся воспользоваться и иные субъекты посредством оказания давления на парламентария в ходе осуществления им законотворческих полномочий. С другой стороны, наличие таких же определенных иммунитетов у таких субъектов, как органы прокуратуры и суда, вызывает большие сомнения ввиду недоверия к работе и уровню профессиональной подготовки самих органов власти, которые сами, в ходе осуществления своей деятельности изучают факты и привлекают лиц, совершивших различные правонарушения, к ответственности. Для гарантирования безопасности должностных лиц, обладающих иммунитетами, указанные иммунитеты начинают использоваться в качестве непреодолимого препятствия, что затрудняет работу органов власти по привлечению возможных правонарушителей к ответственности. Подобная ситуация лишь стимулирует вседозволенность должностных лиц и увеличивает уровень коррупционной составляющей в их работе»².

В системе юридической ответственности представляется недопустимым необоснованное выведение отдельных категорий лиц из-под действия общего режима неотвратимости наказания. Любые исключения в сфере юридической ответственности должны носить точечный, обоснованный и выверенный характер³. Чрезмерное увлечение законодателя установлением иммунитетов в отношении излишне широкого круга

¹ Доронина О.В. Депутатский иммунитет: некоторые вопросы теории и практики. Калуга: Изд-во научной литературы, 2009. С. 45.

² Маркунин Р.С. Субъект как элемент системы ответственности органов публичной власти. Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 2 (29). С. 51-54.

³ Дементьев И.Д. К вопросу о понятии уголовно-процессуальных иммунитетов // Российский следователь. 2008. № 10. С. 11-14.

должностных лиц с неизбежностью рано и ли поздно вызывает состояние разбалансированности всего института юридической ответственности, что влечет существенные негативные последствия для всего правоохранительного механизма, создает питательную почву для коррупции и массового нарушения режима законности и правопорядка.

В этой связи актуальным и обоснованным представляется суждение о том, что «действующие на данный момент разрозненные и весьма абстрактные нормы не позволяют выстроить единую систему ответственности органов публичной власти, наблюдается безответственность и вседозволенность вышеназванных субъектов»¹.

В системе публичной власти в государстве особое место отводится Президенту РФ. «Наличие и закрепление самого субъекта в законодательстве в качестве элемента системы ответственности не вызывает сомнений. Президент РФ выступает особым субъектом, имеющим свой уникальный правовой статус со свойственными ему иммунитетами и гарантиями, что в связи с занимаемой высокой должностью весьма обоснованно»².

Как полагает ряд исследователей, в настоящий момент в России система ответственности главы государства требует определенной коррективы. По их мнению, «особое положение главы государства и его центральное место в механизме власти обуславливает факт того, что на его систему ответственности ориентируются иные государственные органы и если система ответственности Президента будет закреплена лишь номинально, при этом обладая большим количеством пробелов и противоречий, то схожие недостатки будут свойственны и системам иных органов публичной власти»³. Однако нам представляется данная позиция

¹ См.: Маркунин Р.С. Указ. соч.

² Малько А.В., Маркунин Р.С. Ответственность Президента Российской Федерации в системе юридической ответственности органов публичной власти. Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 2 (29). С. 47-50.

³ С.: Малько А.В., Маркунин Р.С. Указ. соч.

излишне категоричной, несмотря на наличие отдельных недостатков в сфере ответственности органов публичной власти.

6. Значимым фактором, вызывающим явление дисбаланса юридической ответственности, выступают *законотворческие дефекты в виде избыточности правовых запретов и чрезмерности ограничительного воздействия юридической ответственности.*

При этом в литературе бытует мнение о том, что подобные дефекты в праве возникают не сами по себе, а выступают определенным следствием сложных и противоречивых феноменов правовой действительности, «преодоление которых представляет колоссальную по сложности научно-практическую задачу»¹. Так, Н.В. Суслова в своем специальном исследовании дефектов права приходит к выводу о том, что «правовой дефект прежде всего есть следствие дефектов мышления, так как текст любого источника права есть внешняя форма воплощения юридического мышления его создателя»².

Дефекты нормативно-правовых актов являются одной из основных причин и условий наступления такого комплексного многоэтапного явления как дисбаланс юридической ответственности, которые могут возникать вследствие многих причин, среди которых можно выделить:

- отсутствие или недостаточность требований юридической техники в отношении формы нормативных правовых актов. К примеру, в целом ряде случаев не предусмотрены четкие требования в отношении носителя, реквизитов и структуры определенного вида правового акта³;

¹См.: Чепенко А.Я. Конституционные пробелы и их категориальное обоснование в соотношении с правовой неопределенностью // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 17-21.

²См.: Суслова Н.В. Дефекты в российском праве: постановка проблемы, научные подходы, понятие // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 36.

³См.: Соколова М.А. Дефекты юридических документов: Монография. М.: Юриспруденция, 2016.

- пробелы в праве по вопросам установления последствий несоблюдения требований в отношении законности и действительности правовых актов;

- невысокий уровень правовую культуру отдельных категорий субъектов, участвующих в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Подводя промежуточный итог сказанному, представляется обоснованным и целесообразным в теории права выделить ряд следующих основных *форм проявления (видов) дисбаланса юридической ответственности как межотраслевого комплексного института российского законодательства:*

- дисбаланс между юридической ответственностью личности с одной стороны, и ответственность государства перед личностью с другой;

- рассогласование общих и специальных норм в содержании института юридической ответственности;

- несоразмерность правонарушений и установленных мер ответственности в праве за их совершение;

- избыточность правовых запретов;

- межотраслевые коллизии в институте юридической ответственности, разрушающие его системное единство;

- дисбаланс федерального и регионального законодательства в сфере ответственности;

- разбалансированность материальных норм института ответственности и процессуальных нормативных предписаний, обеспечивающих их реализацию;

- дублирование правовых наказаний, поскольку это нарушает основополагающие принципы юридической ответственности.

Отдельного внимания заслуживает проблема избыточности правовых запретов в качестве формы проявления дисбаланса юридической ответственности в российском законодательстве.

В механизме правовой регламентации общественных отношений особая роль наряду с дозволениями и обязанностями отводится запретам. Установление в праве запрещающих предписаний носит необходимый и в целом объективно обусловленный характер, поскольку они в купе с мерами юридической ответственности за их нарушение составляют важнейшую часть охранительной подсистемы права. Без правовых запретов немыслимы такие явления, как законность, правопорядок, защита прав и многие другие. Наличие позитивного значения для механизма правового регулирования запрещающих предписаний в целом неоспоримо. Однако запрет как инструмент правотворческой и правоприменительной практики может быть сопряжен и с рядом негативных, нежелательных последствий его использования. Необоснованное, излишнее и несоразмерное расширение предметного поля действия правовых запретов зачастую может повлечь за собой существенное снижение полезной социальной активности, ущемление прав граждан, а также вызвать к жизни такой феномен как дисбаланс юридической ответственности.

В этой связи полагаем справедливым утверждение А.В. Малько о двух противоположных сторонах (аспектах) рассмотрения запретов в качестве социально-правовой ценности в обществе. По его мнению, надлежит выделять и разграничивать «с одной стороны, обоснованное и оправданное увеличение запретов в законодательстве в интересах общества и личности (во многом для упрочнения порядка и дисциплины), с другой же стороны, их необоснованное и неоправданное увеличение, противоречащее интересам общества и личности, что превращает данные запреты, по сути, в неконституционные и неэффективные средства, в нарушения, ущемления, препятствия»¹.

В современной российской правовой действительности мы становимся свидетелями как положительного, так и отрицательного воздействия

¹ Малько А.В. О необходимости теории запретов в праве // Запреты в праве и правовой политике: общетеоретический и отраслевой аспекты: монография / Под ред. А.В. Малько. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. С. 8.

запретов на целый ряд общественных отношений. В настоящем исследовании позволим себе сосредоточиться на негативном аспекте законодательного установления и практического применения запретов как возможном факторе, продуцирующем феномен дисбаланса системы юридической ответственности в целом. Избыточные запреты в праве потенциально способны порождать необоснованные препятствия в реализации прав гражданами, предпринимателями и иными субъектами. В ряде случаев излишний запрет выступает коррупциогенным фактором, служит искусственным бюрократическим барьером в развитии социальных связей, препятствует расширению правомерной активности участников общественных отношений, создает дополнительные конфликтные ситуации.

Проблема избыточности запретов в российском праве напрямую связана с такими явлениями как излишнее нормативное правовое регулирование и его агрессивность, которые вполне обоснованно определяются Н.А. Власенко в качестве одних из сложившихся тенденций в развитии современного российского законодательства, что, в свою очередь, ставит перед юридической наукой задачу определения достаточности правового регулирования, границ его действия. Автор характеризует сложившуюся в правотворческой практике ситуацию следующим образом: «Активное использование права законодательной инициативы законодательной, исполнительной государственными ветвями власти нередко порождает так называемую законопроектную лихорадку, неоправданную тенденцию увеличения нормативно-правового массива, что приводит к противоположному эффекту — потере связи законодательства с реальной практикой. В законодательном комплексе нарастают признаки несистемности и разобщенности юридических норм; просматривается избыточность нормативного вмешательства государства в общественные

отношения; появляются законы невысокой общественной значимости и т.д.»¹.

На наш взгляд, поспешное и непродуманное введение в действие значительного числа правовых запретов предстает в качестве наглядного примера так называемого «агрессивного» правового регулирования. При этом одна часть подобных запретов оказываются дублирующими уже существующие, другая из-за спешки и иных обстоятельств не обеспечиваются должными мерами юридической ответственности за их нарушение, а ряд вновь вводимых запрещающих предписаний и вовсе нарушает основополагающие принципы юридической ответственности в виде соразмерности правонарушения и мер ответственности, презумпции невиновности, начал справедливости в праве.

В правотворческой практике весьма важной задачей выступает прогнозирование возможных последствий введения новых норм права, ограничивающих свободу. Одновременно на законодателя лежит обязанность по сопоставлению позитивных и негативных моментов потенциального воздействия на общественные отношения проектируемых нормативных установлений. В данном отношении прав Н.А. Власенко, ратующий за определение ограничений для самой правотворческой практики посредством выявления критериев «достаточности права для общества, ограничении правовых инициатив, в первую очередь законодательных»².

Известный правовед особо выделяет тенденцию в виде излишней активности правотворчества, граничащей с его спешностью, что в итоге зачастую перерастает в некую «правовую агрессивность». На наш взгляд, данная тенденция особенно нежелательна в деле законодательного установления запретов, поскольку напрямую влечет за собой существенное сужение поля свободы и требуемого уровня инициативы для дальнейшего развития отдельной личности и общества в целом.

¹ Власенко Н.А. Проблема достаточности и агрессивности правового регулирования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 42.

² Власенко Н.А. Указ. соч. С. 43.

Для демонстрации наглядности проблемы избыточности запретов для российской правотворческой практики обратимся вслед за Н.А. Власенко к проекту закона РФ «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 27 июня 2017 г. № П10-34006, внесенного в порядке законодательной инициативы депутатом В.В. Милоновым. Сразу же отметим, что Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ представил в свое время отрицательное заключение на данный законопроект в том числе и по причине излишнего числа, содержащихся в нем правовых запретов. Так, Н.А. Власенко, характеризуя существо анализируемого проекта закона, указывает на его преимущественно ограничительный и запретительный характер и одновременно отмечает, что в его 16 статьях содержится около 30 правовых запретов¹.

Тенденция по увеличению числа запретов наблюдается в конституционном, административном, финансовом, налоговом, экологическом праве и в иных отраслях. Однако не все вводимые правовые запреты следует оценивать как избыточные, но поспешность, непродуманность и необеспеченность целого ряда из них мерами юридической ответственности все же не может ни настораживать. Запреты и ответственность в праве предстают как диалектически связанные юридические инструменты. Нарушения их связи потенциально чреваты проявлениями дисбаланса в системе законодательства. Избыточность запретов в праве является одним из значимых факторов, продуцирующих дисбаланс в системе мер юридической ответственности, и, наоборот, необеспеченность правовых запретов средствами охраны права в виде того или иного наказания делает их существование фиктивным, нивелирует их значение для правового регулирования.

На негативное влияние феномена избыточности запрещающих предписаний на институт юридической ответственности в российской

¹ Там же. С. 46.

юридической практике неоднократно обращал внимание и Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин. Так, он представил в одной из своих публикаций следующую оценку сложившейся ситуации: «В последние годы в законодательной практике наблюдается тенденция к чрезмерному увлечению запретами, которые вводятся таким образом, что фактически приобретают характер «обратной силы» и нарушают принцип соразмерности вины и ответственности (поскольку не позволяют учитывать конкретные обстоятельства жизненной ситуации людей, подпавших под эти запреты, а также степень и тяжесть совершенного им правонарушения). Конституционный Суд РФ признал частично неконституционными подобные дополнения в трудовом законодательстве (запрет на занятие педагогической деятельностью лицам, когда-либо имевшим судимость или подвергавшимся уголовному преследованию), в законе о государственной службе (запрет на несение государственной службы лицами, не прошедшими военную службу), Семейном кодексе РФ (запрет на право быть усыновителем для лиц, имевших судимость, не связанную с тяжкими преступлениями и преступлениями против половой неприкосновенности) и т.д.»¹. Одновременно он подчеркнул недопустимость введения запретов, представляющих по своему содержанию лишение права вне рамок Уголовного кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях РФ.

Приведенные обстоятельства, на наш взгляд, лишний раз свидетельствуют о тесной взаимосвязи проблем запретов и ответственности в праве. Непонимание или искажение природы правовых запретов в практике их законодательного установления чревато существенными нарушениями прав граждан, предпринимателей, общественных организаций и иных субъектов. Одновременно с этим избыточность правовых запретов сопряжена с формированием дисбаланса в системе юридической

¹ Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 3.

ответственности. Следовательно, представляется назревшей необходимостью общетеоретического исследования проблемы избыточности запретов в праве в качестве одной из предпосылок формирования дисбаланса юридической ответственности и форм его проявления.

Для целей настоящей работы из всего множества трактовок юридической ответственности мы выбираем ее понимание в качестве межотраслевого института российского права, характеризующегося признаками единства и системности нормативных правовых предписаний, предусматривающих запреты и меры наказания за их несоблюдение. При этом дисбаланс юридической ответственности становится возможным рассматривать в теории в качестве подвида межотраслевого законодательного дисбаланса, о чем мы уже вели речь ранее.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает понятие «избыточности запретов в праве», а также его соотношение с категорией «дисбаланс юридической ответственности».

Явление избыточности запрещающих нормативных правовых предписаний во многом выступает следствием нарушения правотворческими субъектами правил и приемов юридической техники, а также отсутствия учета общественного мнения и выверенного прогноза в отношении возможных последствий установления новых правовых запретов¹.

Излишние запреты в праве устанавливаются в ходе несоблюдения следующих технико-юридических правил субъектами правотворчества:

- необходимости учета системного строения права и его межотраслевого института в виде юридической ответственности;
- обеспечения должной предметной дифференциации правовых запретов и недопущения замены запретов одной отрасли права на запрещающие предписания другой;

¹ См.: Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2001. С. 19 – 21.

- определения четких законодательных границ правоприменительного усмотрения в отношении правовых запретов;
- обеспечения устанавливаемых запретов соответствующими мерами юридической ответственности на случай различных вариантов их нарушения.

Выдающийся правовед В.Н. Кудрявцев особенно подчеркивал важность соблюдения юридической техники законодательного закрепления запретов в целях обеспечения единства системы уголовной ответственности и ее сбалансированности. Думается, что его выводы по данному вопросу имеют общетеоретическое значение и могут быть распространены по отношению к юридической ответственности в целом как межотраслевому институту права. В.Н. Кудрявцевым был выведен обязательный технико-юридический алгоритм действий правотворческого органа по введению нового запрета в содержание законодательства, включающий в себя последовательное выполнение ряда действий:

1) выяснение насущной потребности в установлении правового запрета в виде установления потенциальной устойчивости и повторяемости на практике запрещаемой модели поведения, определения ее общественной опасности или иного характера вредных последствий, обязательное подтверждение невозможности предотвращения запрещаемого деяния иными инструментами охраны или защиты права помимо мер юридической ответственности;

2) определение соответствия проектируемого запрещающего предписания нормам международного права, началам нравственности в обществе, потребностям экономического и политического развития;

3) комплексное исследование и оценка потенциальной возможности обеспечения соблюдения запрета на практике правоохранительными органами посредством имеющихся у них на момент принятия законодательного решения о его введении материальных, правовых и иных ресурсов;

4) установление допустимости и целесообразности нового правового запрета с учетом возможных негативных побочных эффектов его действия на экономику, политику, правосознание и правовую культуру общества¹.

Нарушение вышеназванных правил юридической техники по установления запретов в праве с определенной долей вероятности детерминирует рано или поздно формирование такого феномена как дисбаланс юридической ответственности. Конструирование запрещающих предписаний в праве, безусловно, должно отвечать требованиям системности, непротиворечивости и обоснованности введения новых запретов. Избыточность же правовых запретов определяется как в отношении их содержания, так и законодательной техники их оформления.

В ходе специального исследования В.В. Толмачевым были определены отдельные типичные ошибки законодателя, вызывающие избыточность запретов в праве. В их числе исследователь обоснованно указывает на следующие варианты:

- введение в содержание законодательства излишнего специального запрещающего нормативного предписания, дублирующего общий запрет, что составляет феномен излишней, неоправданной дифференциации запретов без соответствующей в ней потребности;
- дублирование запретов и как следствие удвоение наказания за одно и то же запрещаемое деяние, которое фиксируется в законодательстве в виде двух и более самостоятельных составов правонарушения;
- терминологическую коллизионность запрещающих норм;
- злоупотребление оценочными понятиями и признаками при конструировании состава запрещаемого деяния;
- нарушение системных межотраслевых связей между запретами различных отраслей права, подмена запрета одной отрасли права другой;

¹См.: Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / Под ред. Кудрявцева В.Н., Яковлева А.М. М., 1982. С. 217 – 219 и др.

- излишняя, неоправданная конкуренция специальных запрещающих нормативных предписаний, что особенно характерно для сферы уголовного законодательства¹.

Таким образом, представляется обоснованным и целесообразным трактовка соотношения избыточности запретов в праве и дисбаланса юридической ответственности как причины и следствия. Однако данным аспектом взаимосвязь рассматриваемых явлений не исчерпывается. Наряду с этим вызывает интерес и поддержку вывод С.А. Белоусова о наличии «прямой связи между избыточностью юридической информации в негативном ее понимании и процессом разбалансированности в законодательстве, где одно есть форма и часть проявления другого»². Фактически излишние запреты в праве в случае накопления их критической массы могут не только порождать явление разбалансированности в системе мер юридической ответственности, но и становиться неотъемлемой частью дисбаланса юридической ответственности как межотраслевого института российского права.

Избыточность запретов в праве можно определить как наличие в его содержании излишних, дублирующих и не соответствующих уровню социально-экономического и политического развития общества запрещающих предписаний, порождающих коллизионность охранительных норм права и состояние дисбаланса в системе юридической ответственности, в том числе выражающееся в нарушении таких ее базовых принципов, как справедливость наказания, соразмерность правонарушения и ответственности за него, виновности и др. Отдельные же технико-юридические дефекты законодательного установления запретов в российском праве, включая и их избыточность, характеризуют уровень

¹ См. подробнее об этом: *Толмачев В.В.* Техничко-юридические средства установления и реализации запретов в российском праве. Дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 55 – 58.

² *Белоусов С.А.* Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика). Дис. ...докт. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 21.

разбалансированности межотраслевого института юридической ответственности, сигнализируют о необходимости их предотвращения и исправления. В противном случае, их накопление с течением времени может привести к системному нарушению предметных и функциональных связей нормативных запрещающих предписаний, что и составляет одну из форм проявления дисбаланса юридической ответственности.

Иные формы проявления дисбаланса юридической ответственности будут раскрыты нами далее при освещении иных вопросов заявленной темы настоящей работы.

2.3. Дисбаланс и дисфункции юридической ответственности в механизме правового регулирования

Изначально обратим внимание на то обстоятельство, что в ходе изучения юридической ответственности и многих иных правовых явлений исследователи зачастую обращаются к функциональному подходу. Проблемы функционирования права, его норм, ответственности за их нарушение периодически подвергаются осмыслению как на уровне общей теории права, так и в рамках специально-отраслевых исследований. Как следствие, в юридической литературе весьма обстоятельно раскрываются различные функции права, нормативных предписаний, юридической ответственности. Однако вопросы нарушения реализации функции как самого права, так и его важнейшей части в виде института юридической ответственности, подвергаются анализу значительно реже. При этом недостаточное внимание в отечественном правоведении уделяется категории «дисфункции», которая обладает существенным теоретико-методологическим потенциалом в процессе познания юридических явлений. В рамках настоящего исследования представляется небезынтересным рассмотрение перспектив приложения категории «дисфункция» в изучении

юридической ответственности в качестве межотраслевого института современного российского законодательства.

В последние годы кризисные состояния и процессы, дефекты и отклонения в правовой системе и механизме государства все чаще становятся объектом теоретико-правового исследования. Правоведы, обращаясь к подобной тематике, стремятся найти новые теоретико-методологические подходы на стыке различных отраслей гуманитарного знания. Понятие «дисфункции» в ряде работ по юриспруденции рассматривается в качестве методологически действенного инструмента по теоретическому осмыслению негативных проявлений функционирования отдельных государственно-правовых феноменов, в числе которых правосознание, правовая идеология, правовая культура, государство, международное право, правовое регулирование и др.¹

¹ См., например: *Бочегуров А.И.* Системные дисфункции государственной службы // *Наука и современность*. 2010. № 3-3. С. 181-184; *Горбаль М.Н.* Коррупция как дисфункция органов государственного управления: криминологические предпосылки // *Новая наука: от идеи к результату*. 2017. Т. 1. № 2. С. 221-225; *Дамирли М.А.* Правовая дисфункция: понятие, вид, проявления, причины и пути преодоления. // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция*. 2013. № 2 (19). С. 14–17; *Лильеберг Р.Э.* Регулятивная дисфункция системы международного права в XXI веке – причины и последствия // *Научные труды Института непрерывного профессионального образования*. 2016. № 6 (6). С. 93-100; *Карнаушенко Л.В.* Дисфункции правовой идеологии: факторы, особенности, последствия // *Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике. Материалы Международной научно-практической конференции*. 2018. С. 118-125; *Карнаушенко Л.В.* Правовой нигилизм как дисфункция соционормативной системы трансформирующегося российского общества // *Общество и право*. 2016. № 4 (58). С. 197-200; *Клименко А.И.* Дисфункции правовой идеологии и их причины // *Вестник Московского университета МВД России*. 2015. № 12. С. 139-147; *Клименко А.И.* Представление о функции и дисфункции правового государства в контексте современной правовой идеологии // *Закон и право*. 2009. № 8. С. 18-21; *Клименко А.И.* Функции и дисфункции юридического права и формы правового регулирования общественных отношений // *Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики*. М., 2019. С. 18-27; *Комарова Я.Б.* Правовая дисфункция: к постановке проблемы // *Синергия Наук*. 2018. № 28. С. 798-803; *Петрова Я.Л.* Дисфункции юридической антикультуры // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 4-3 (10). С. 128-130; *Плотников В.В.* Проблема деструкции и дисфункции механизмов социальной регуляции в условиях развертывания чрезвычайных (экстремальных ситуаций) // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2016. № 4 (34). С. 149-152; *Уваров И.А.* Преступность осужденных как проявление социальной дисфункции пенитенциарной профилактики //

С опорой на труды преимущественно в области социологии и экономики правоведы предпринимают усилия по введению в понятийные ряды юридической науки терминологической конструкции «дисфункция», представляют достаточно развернутую аргументацию за необходимость и теоретико-методологическую продуктивность подобного шага в научном познании государственно-правовых явлений. В целом же проблема изучения дисфункций и дисфункциональности права, государства и иных явлений, включенных в объект правоведения, находится на начальном этапе ее исследования, для которого характерны как отдельные значимые достижения, так и не вполне проработанные, недостаточно обоснованные и заслуживающие критического отношения выводы и утверждения. В ряде работ авторы подменяют собственно юридическую составляющую исследования предмета социологическим пониманием категории дисфункции, что фактически приводит к некорректному переносу ее содержания без какой-либо адаптации в юридическую науку. Как следствие, такой путь становления понятийной конструкции «дисфункции» в правоведении не приводит к желаемым результатам по отысканию нового знания о государственно-правовых явлениях.

Приведем следующую обоснованную позицию по данному вопросу: «...практика социологической интерпретации дисфункции права ставит больше вопросов, чем дает ответов. Вместе с тем, ценность ее состоит в том, что она наглядно доказывает, что нельзя просто взять социологическое понятие дисфункции и механически «пересадить» на правовую почву. Это влечет конкуренцию с уже другими понятиями теории права, переносит фокус исследовательского внимания с права на общество и не дает сколько-

Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2 (16). С. 12-15; Шандыбина М.О. Функции и дисфункции светского государства в методологических координатах структурного функционализма Роберта Мертона // Право и управление. XXI век. 2015. № 1 (34). С. 79-85; Шилкина Е.Л., Тованчова Е.Н., Ковалев А.В. Дисфункции во взаимодействии ветвей власти в современной России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 5 (96). С. 119-123 и др.

нибудь осязаемого прироста научного знания о самом праве»¹. Понимание дисфункций правовых феноменов и процессов исключительно в виде социальных последствий их действия не ведет к получению нового знания, а лишь позволяет констатировать уже известные правоведению факты и закономерности. Одновременно в результате подобного подхода теряется сам методологический потенциал, заложенный в категории «дисфункции». Представляется необходимым совместное рассмотрение понятия «дисфункция» и категории «функция» в изучении проблем как юридической ответственности, так и иных правовых явлений.

При этом полагаем уместным подчеркнуть, что в юридической литературе нам не удалось найти работ, содержащих опыт использования понятия «дисфункции» в исследовании вопросов института юридической ответственности. Специалисты же в области экономической теории, уделяют проблемам дисфункции социальных институтов в экономике существенно большее внимание, выделяя и проблему дисфункции ответственности в виде институционализации безответственности регулятора², т.е. государства, в лице соответствующих органов, осуществляющих функции по регулированию определенных сфер экономической жизни общества. Отмеченный ракурс познания функциональной характеристики ответственности в правоведении остается по-прежнему на периферии научных изысканий, в «тени» рассмотрения позитивных направлений воздействия института юридической ответственности на общественные отношения.

На наш взгляд, функции и дисфункции ответственности в праве диалектически, неразрывно связаны, что предполагает их совместное тщательное исследование. В этой связи можно констатировать определенный

¹ Зяблова Т.Е., Комарова Я.Б., Мамчун В.В. Понятие дисфункции как инструмента функционального анализа права // Вопросы экономики и права. 2019. № 4(130). С. 21.

²См.: Байдуллин А.Э. Дисфункции института ответственности как институционализация безответственности регуляторов // Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности. Сборник научных трудов по итогам IV-й Международной научной конференции. 2017. С. 49-51.

дисбаланс в теоретическом осмыслении проблем юридической ответственности, поскольку лишь одна сторона, исключительно положительная, функционального действия данного явления получает проработку в многочисленных исследованиях. К примеру, нам удалось насчитать только по теории права не менее 6 специальных диссертационных исследований, посвященных за последние двадцать лет вопросам функций юридической ответственности¹. В итоге может сложиться обманчивое впечатление о том, что правоведы вовсе не замечают деструктивного действия института юридической ответственности, таких направлений его воздействия, которые сопряжены с дезорганизацией социальных связей, их нарушением, излишнем ограничением свободы действия участников социальной практики и др.

Безусловно, отдельные дефекты, коллизии, противоречия и иные негативные явления, характеризующие как саму ответственность по российскому законодательству, так и ее функциональную реализацию находят отражение в целом ряде трудов исследователей, но преимущественно в качестве второстепенного момента, не оказывающего существенного влияния на функционирование данного института в целом. Тем более не ставится проблема замещения, вытеснения основных функций юридической ответственности на определенных исторических этапах развития права и общества в целом рядом дисфункций как негативных направлений ее воздействия на состояние правопорядка и законности в обществе, на состояние преступности и иные социальные явления. По-видимому, аксиоматическое утверждение в отечественной юриспруденции о том, что юридическая ответственность является важнейшей гарантией

¹ См., например: *Мацкевич А.В.* Реализация функций юридической ответственности органами государственной власти: на примере прокуратуры: автореф. ...канд. юрид. наук. М., 2006; *Трофимова М.П.* Функции юридической ответственности: автореферат дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2000; *Катасонов А.В.* Превентивная функция юридической ответственности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Казань, 2010; *Кабанов П.А.* Карательная функция в системе юридической ответственности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Казань, 2005; *Соломеник Л.Н.* Восстановительная функция юридической ответственности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Казань, 2007.

законности и правопорядка в обществе не позволяет правоведам в полной мере рассмотреть обратную сторону ее действия в виде дисфункции и дисфункциональности.

В общей теории права перспективным видится учет отдельных методологических установок в отношении диалектически сложной функциональной природы правовых явлений и процессов, включая и юридическую ответственность, суть которых можно в кратком виде выразить следующим образом.

1. Функции правового явления (процесса) представляют собой внутренне неотделимые от него свойства по оказанию воздействия на общественные отношения и иные социальные явления.

2. Оказываемое правовыми явлениями (процессами) воздействие может соответствовать потребностям и интересам общества, а равно и целям самого права и его институтов, так и противоречить им, иметь иную направленность, отличную от заданной изначально общими целями, задачами и принципами права и правового регулирования. Подобное, порой скрытое (латентное) воздействие правовых феноменов, обладающее во многих случаях деструктивным, дезорганизирующим характером, возможно именовать их дисфункциональным действием.

3. Направления деструктивного, дисфункционального воздействия правовых явлений на общественные отношения следует трактовать в качестве их дисфункций, не допуская при этом отождествления негативных последствий, результатов дисфункционального воздействия с самими дисфункциями.

4. Дисфункции правовых явлений (процессов) имеют закономерный характер возникновения и осуществления, не являются неким случайным, приходящим итогом функционирования права, государства и иных государственно-правовых феноменов. Причины появления дисфункций имеют во многом объективный характер, что одновременно не исключает влияния ряда субъективных факторов на их возникновение ввиду того факта,

что право и порождаемые им феномены являются непосредственным результатом человеческой деятельности.

5. Наличие диалектической связи между функциями и дисфункциями правовых явлений. Фактически дисфункции представляет собой «антипод» соответствующей функции права, юридической ответственности и иных правовых явлений. В частности, примером в отношении права будет оппозиция его регулятивной функции и дисфункции по дезорганизации общественных отношений как антипода первой. Диалектика воздействия права на различные сферы общественной жизни не может быть сведена исключительно к положительным направлениям его действия и соответствующим ожидаемым позитивным результатам по упорядочиванию социальных связей. На определенных временных отрезках функционирования права вполне очевидно имманентно присущее праву свойство по оказанию и дезорганизующего воздействия на общество в силу различных причин и факторов, ведущим из которых является, на наш взгляд, дисбаланс внутри самой системы права.

Аналогично и юридическая ответственность, как важнейшая составляющая системы права, обладает функциональным и дисфункциональным действием в отношении общественных отношений, правопорядка и режима законности в обществе. При этом важно учитывать и то обстоятельство, что при существенном дисбалансе норм внутри института юридической ответственности и их внешней разбалансированности со сложившейся системой охраняемых правом общественных отношений возможно «пробуждение» к жизни феномена замещения его основных функций дисфункциями со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями вплоть до формирования состояния так называемой «юридической безответственности». Следовательно, нам представляется методологически оправданным выделение детерминационной цепочки в виде «дисбаланс системы юридической ответственности как межотраслевого комплексного института российского законодательства – дисфункция(и)

юридической ответственности – юридическая безответственность как негативное явление социально-правовой действительности».

Дополнение общего учения о юридической ответственности понятием «дисфункция» направлено на выявление неосновных, нетипичных, порой латентных и имеющих, как правило, негативный результат действия функций рассматриваемого института, обнаружение которых также связано с актуализацией проблемы выявления источников, причин их возникновения, измерения суммарного воздействия функций и дисфункций ответственности на общественные отношения в целях уточнения научно-практической модели определения ее эффективности.

В этой связи приведем справедливое, на наш взгляд утверждение, высказанное в юридической литературе в отношении перспектив разработки понятия «дисфункции» в юриспруденции с опорой на ее методологическую матрицу, изначально разработанную в социологии в области функционального анализа общественных институтов. Так, вполне обоснованно Т.Е. Зяблова, Я.Б. Комарова и В.В. Мамчун полагают ценными для правоведения идеи Р. Мертона о балансе функциональных последствий, изложенные им в рамках науки социологии. На отмеченной методологической основе, как верно подчеркивают исследователи, «...может быть разработана методика анализа оценки эффективности функций права и анализа процесса функционирования; о явных и латентных функциях, способная трансформироваться в теории права в понятия явных и латентных функциональных и дисфункциональных последствий, востребованных при исследовании правотворчества, а также в правотворческой деятельности в процессах правотворческого анализа, моделирования и прогнозирования»¹.

Однако, прежде чем обратиться непосредственно к вопросам понятия, характерных черт и содержания дисфункций правовой ответственности, необходимо определиться с пониманием ее функций и выделением их отдельных видов. Несмотря на обилие трудов по проблемам понятия и

¹ Зяблова Т.Е., Комарова Я.Б., Мамчун В.В. Указ. соч. С. 22.

функций юридической ответственности в общей теории права и в отраслевых правовых науках не найден консенсус и не выработана единая концепция по данным вопросам. Не претендуя на решение всех дискуссионных аспектов учения о функциях юридической ответственности, предпримем лишь попытку обобщения наличествующих взглядов в специальной литературе и определимся с наиболее приемлемым в целях настоящей работы вариантом понимания их сущности и видовым составом.

Наиболее распространенным определением функций юридической ответственности следует признать их понимание в качестве направлений ее воздействия на социальные отношения, а также на законность, правопорядок и состояние конституционности в обществе, в которых раскрывается ее основное содержание и социальное предназначение¹. В целом согласимся с подобной дефинитивной характеристикой функций юридической ответственности, поскольку представленное определение позволяет не допустить их отождествление, с одной стороны, с функциональностью ответственности, которая есть сам процесс реализации ее функций, а с другой - с результатами воздействия ответственности на общественные отношения.

Особой дискуссионностью отличается вопрос о конкретных функциях, выделяемых у юридической ответственности. В литературе можно обнаружить обоснование следующих функций у рассматриваемого института: регулятивной, охранительной, превентивной, профилактической, воспитательной, карательной, штрафной, восстановительной, стимулирующей, компенсационной, организующей, социального контроля и др. Одновременно встречаются работы, в которых обозначаются сдвоенные функции ответственности в виде восстановительно-компенсационной и карательно-штрафной².

¹ См.: *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Норма, 2009. С. 42.

² См., например: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности. С. 430 – 434.

Однако далеко не все исследователи поддерживают позицию о необходимости выделения восстановительной и регулятивной функции юридической ответственности. Так, В.Н. Кожевников приводит заслуживающие внимания доводы о нецелесообразности признания у юридической ответственности восстановительной функции, поскольку это противоречит идеи о дифференциации, отграничении мер ответственности от средств защиты права. Как, полагает исследователь, лишь последние могут характеризоваться наличием у них восстановительной функции, а юридическая ответственность, будучи по своей природе инструментом наказания виновного лица за совершенное правонарушение, не способна оказывать восстановительного воздействия. В итоге В.Н. Кожевников приходит к выводу о наличии у юридической ответственности исключительно трех функций - карательной (штрафной), превентивной и воспитательной¹.

Н.Л. Соломенник, напротив, отстаивает точку зрения, согласно которой восстановительная функция имманентно присуща ответственности, поскольку она реализуется посредством закрепления в охранительных нормах права обязанности лица, совершившего правонарушение, по восстановлению права, изначального состояния общественного отношения, а также благодаря закреплению в юридических предписаниях компетенции органов государственной власти по принуждению правонарушителя к исполнению обязанности по восстановлению нарушенного права². В данном понимании восстановительная функция у юридической ответственности трактуется весьма широко, что, на наш взгляд, позволяет все же признать обоснованным ее выделение у рассматриваемого института, поскольку автор восстановительную функцию не отождествляет с простой компенсацией вреда или возмещением ущерба, а определяет ее исходя из способности

¹ См. подробнее: *Кожевников В.Н.* Функции юридической ответственности: общетеоретические и отраслевые аспекты // Современное право. 2015. № 4. С. 5 – 14.

² См.: *Соломенник Н.Л.* Восстановительная функция юридической ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 7 – 8 и др.

восстанавливать общественные отношения в целом, обеспечивая тем самым достижение цели социальной справедливости.

М.П. Трофимова в своем специальном диссертационном исследовании, посвященном функциям юридической ответственности, в их числе называет пять: превентивную, регулятивную, карательную, восстановительную и воспитательную¹. По нашему мнению, наибольшие возражения вызывает выделение у ответственности именно регулятивной функции ввиду того обстоятельства, что данный институт имеет преимущественно охранительную направленность, содействуя реализации охранительной функции права в целом. В противном случае создаются условия для неоправданного отождествления регулятивной и охранительной функции права на примере функциональной характеристики юридической ответственности для нивелирования основного предназначения анализируемого инструмента.

Одновременно заслуживает критики позиция о признании за юридической ответственностью стимулирующей функции. Более точным нам видится выделение ограничительной функции ответственности, поскольку ее содержание напрямую связано с ограничением правонарушителя в правах, свободах, в претерпевании им имущественных, организационных и иных лишений. Стоит усомниться в возможности стимулирования правомерного поведения непосредственно через реализацию мер юридической ответственности. Так называемое «косвенное стимулирование» посредством угрозы наказания правомерного поведения составляет содержание иной функции юридической ответственности – превентивной, а, следовательно, закрепление за юридической ответственностью стимулирующей функции ведет к дублированию превентивной, а также к нелогичному отождествлению стимулирования и ограничения в праве.

¹ См.: Трофимова М.П. Функции юридической ответственности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2000. С. 9 – 10.

Представляется, что в юридической литературе характеристика функций юридической ответственности будет неполной в случае упущения из поля зрения ее гарантирующей функции. Весьма важной представляется роль ответственности в качестве ведущей специально-юридической гарантии установления режима законности и обеспечения правопорядка в обществе.

Кроме того, подвергнем критике идею, имеющую широкое признание в отечественном правоведении, о наличии у юридической ответственности карательной функции. Думается, что такое наименование функции через указание на термин «кара» является неудачным и влечет за собой признание у правового наказания цели кары, что не соответствует современным потребностям общества, которое не требует от ответственности возмездного характера и устрашения правонарушителя. Более точным и отвечающим потребностям общества нам представляется выделение у юридической ответственности ограничительной функции как важнейшего направления ее информационно-психологического действия.

С учетом изложенного, *юридическая ответственность как межотраслевой институт российского законодательства характеризуется, по нашему мнению, выполнением следующих функций: ограничительной, превентивной, гарантирующей, восстановительной и воспитательной.* Данный комплекс функционального воздействия ответственности в праве и надлежит сопоставлять с возможными ее дисфункциями. При этом дисфункции ответственности не представляют собой отдельные сбои в осуществлении обозначенных функций, а есть более сложный, закономерный феномен, имеющий своей причиной дисбаланс в системе нормативных правовых предписаний, предусматривающих основания и меры юридической ответственности. Важной отличительной чертой дисфункций ответственности выступают их негативная направленность, деструктивное начало.

Одновременно не следует отождествлять дисфункции с негативными последствиями функционирования системы юридической ответственности.

Важно в общей теории права определить конкретные дисфункции ответственности как антиподы ее функций. Например, подлежит выделению дисфункция в виде расширения сферы коррупции, когда система юридической ответственности в силу ее дисбаланса на системной основе не оказывает противодействия коррупции, а, напротив, создает нормативную основу для коррупционных проявлений, формируя одновременно и состояние юридической безответственности для государственных служащих. Наряду с коррупционной дисфункцией юридической ответственности возможно теоретическое признание декомпенсации вреда в качестве своеобразной ее дисфункции, поскольку зачастую вред в российской юридической практике остается возмещенным ни со стороны нарушителя, ни со стороны государства. Дисбаланс в сторону так называемой «карательной» функции ответственности в уголовном и административном праве в ущерб восстановительной не позволяет потерпевшим от правонарушений рассчитывать на полноценное возмещение вреда. В результате восстановительная функция вытесняется карательной, а точнее ограничительной, что и приводит к декомпенсационной дисфункции института юридической ответственности в целом.

Функция воспитательная у юридической ответственности также перерастает зачастую в дисфункцию, которая порождает рецидивную преступность, профессиональных преступников, что обусловлено ненадлежащей реализацией у института юридической ответственности функции по ресоциализации правонарушителей. Сами процедуры и режим отбывания наказания в виде лишения свободы ввиду их дисфункции порождают профессиональную преступную среду.

Отдельно отметим тот факт, что дисфункции – это системные явления, поэтому нецелесообразно и неточно их классифицировать в отношении юридической ответственности или иного правового явления на системные и несистемные, локальные и масштабные. Повторимся, что отдельные сбои в функционировании института ответственности не следует рассматривать в

качестве ее дисфункции. Они представляю собой локальные дефекты, которые обладают несколько иной природой ввиду их ограниченного действия и несущественного значения для функционирования института ответственности в целом. Однако их накопление может приводить к формированию дисфункции юридической ответственности. Основной же причиной дисфункции, на наш взгляд, выступает дисбаланс в системе юридической ответственности.

Под *дисфункциями юридической ответственности* следует понимать неосновные направления преимущественно негативного воздействия норм права, устанавливающих меры ответственности, на общественные отношения, на состояние законности и правопорядка в социуме, а также несогласующиеся с основными целями и принципами юридической ответственности, вызываемые к жизни дисбалансом в ее содержании и структуре, а также внешними противоречиями между предписаниями в сфере ответственности и насущными потребностями общества, государства и отдельной личности в обеспечении их безопасности.

Установление и применение современным государством меры юридической ответственности составляет существенную часть в деле реализации им функции охраны прав и свобод человека и гражданина и обеспечения правопорядка в обществе. Одновременно существует риск несбалансированного и несоразмерного использования данного инструмента в рамках правовой политики государства, эффект от реализации которой имеет порой отрицательное значение для цели охраны прав и свобод человека. Одним из важнейших критериев (пределов) действия ограничительной функции института юридической ответственности выступает требование-принцип о ее соразмерности.

Актуальность и научно-практическую значимость изучения проблем ограничительного воздействия права и юридической ответственности как его важнейшего охранительного института весьма точно характеризует Н.А. Власенко, обращая внимания на следующие моменты: «Ограничение и

право всегда были рядом; достаточно вспомнить о том, что право зародилось как ограничение, запрет. ... Право ограничивает действия личности даже в тех случаях, когда что-то предоставляет или наделяет правомочиями. Следует согласиться с тем, что в периоды тоталитаризма и диктатуры «ограничительный фактор» в праве возрастает. В то время как при либеральном и демократическом режимах ограничения в праве уменьшаются; общество тем самым более свободно. Проектируя юридические нормы, формируя тот или иной нормативный правовой акт, необходимо отчетливо представлять – насколько он будет ограничивать свободу»¹.

С учетом отмеченных обстоятельств представляется теоретически и практически значимым обращение на уровне общей теории права к вопросам соразмерности юридической ответственности в отношении ее ограничительной функции.

Категория «соразмерность» и соответствующий ей принцип по настоящий момент не получили обстоятельно рассмотрения на общетеоретическом уровне в отечественном правоведении. В отраслевой же юридической литературе принцип соразмерности достаточно часто выступает объектом специального исследования², в результате которых

¹ Власенко Н.А. Проблема достаточности и агрессивности правового регулирования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 42.

² См.: Гаджиева М.Г., Пирбудагова Д.Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина: реализация принципа соразмерности при ограничении прав и свобод // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 202-204; Зеленин С.Р. Критерием справедливости всегда была и остается соразмерность наказания содеянному // Судья. 2020. № 8 (116). С. 4-9; Лабутин М.А. Принцип соразмерности ограничения избирательных прав осужденных к лишению свободы: международное право и российское законодательство // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 203-214; Невирко Д.Д. Соразмерность наказания за коррупционные правонарушения в контексте унификаций подходов // Научный компонент. 2019. № 4 (4). С. 127-132; Никитина А.В. Принцип пропорциональности (соразмерности) конституционно-правовой ответственности // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 1. С. 33-43; Пестов Р.А. К вопросу о принципе справедливости и соразмерности в проекте нового КоАП РФ // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4 (7). С. 90-93; Плохова В.И. Оценка современных подходов к реализации уголовной ответственности с позиции соразмерности деяния и ответственности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. материалы XVI Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс,

накоплен вполне объемный и содержательный материал для последующего теоретического обобщения. Соразмерность раскрывается авторами в качестве правового понятия, общеправового принципа, требования по законодательному установлению и практическому применению мер ответственности.

Не меньший интерес вызывает проблема соразмерности ответственности и у представителей зарубежной юридической науки, которые, однако оперируют термином «пропорциональность» в своих работах по обозначенной тематике¹.

В отдельных зарубежных источниках можно обнаружить достаточно интересные утверждения о наличии сложно-структурированного содержания у принципа пропорциональности (соразмерности) юридической ответственности, представляющего собой единство следующих элементов: условия о легитимности цели запрета и наказания за его нарушение; требования по обеспечению баланса частных и публичных интересов; пригодности применяемых мер². Кроме того, иностранные специалисты справедливо трактуют общее начало о соразмерности (пропорциональности) ограничения прав и свобод человека и гражданина в качестве корректирующего, обеспечивающего баланс ряда иных законодательных требований в отношении системы юридической ответственности и права в целом. При этом принцип пропорциональности, применяемый в ходе

2019. С. 323-328; *Помогалова Ю.В., Давыдова А.И.* Критерии определения соразмерности подлежащей взысканию неустойки // *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика.* 2018. № 4 (18). С. 73-76; *Шаклеин С.Н.* Пенологические аспекты (факторы) при определении соразмерности административного наказания // *Право и государство: теория и практика.* 2018. № 3 (159). С. 134-137 и др.

¹ См., например: *Alexy R.* Human dignity and proportionality analysis // *Estacio Journal of Law.* 2015. Vol. 16. Iss. 3. P. 110 - 115; *Baker R.B.* Proportionality in the Criminal Law: The Differing American versus Canadian Approaches to Punishment // *Miami Inter-American Law Review.* 2008. № 39(3). P. 483–502; *Raymond M.* No Fellow in American Legislation: *Weems v. United States* and the Doctrine of Proportionality // *Vermont Law Review.* 2006. № 30(2). P. 251 – 301; *Romero L.M.* Punitive Damages, Criminal Punishment, and Proportionality: the Importance of Legislative Limits // *Connecticut Law Review.* 2008. № 41(1). P. 109–160 и др.

² См.: *Voßkuhle A.* Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit // *Juristische Schulung.* 2007. Bd. 47, H. 5. S. 429–431.

правоприменительной практики (прежде всего судебной) позволяет сбалансировать юридическую ответственность как межотраслевой институт законодательства посредством судебного контроля в целях недопущения чрезмерного ограничения прав и свобод со стороны правотворческих органов государственной власти. Особенно данный тезис справедлив в отношении установления пределов ограничительной функции правового наказания¹. Одновременно исследователи зачастую не ограничиваются исключительно позитивистской трактовкой сущности и содержания права и обращаются к социологическому подходу и структурно-функциональному анализу.

Последний из указанных методов представляется нам наиболее перспективным в изучении проблем соразмерности юридической ответственности, поскольку позволяет более тщательно проанализировать наложение данного принципа на процесс реализации той или иной конкретной ее функции. В рамках настоящей работы одной из задач исследования выступает обнаружение общих закономерностей реализации требований принципа соразмерности в отношении ограничительной функции юридической ответственности.

Под ограничительной функцией юридической ответственности предлагаем понимать относительно самостоятельное направление ее информационно-психологического и охранительного воздействия на субъекта правонарушения, реализуемое посредством ограничения личных, имущественных и иных прав, а также в результате использования мер организационно-ограничительного характера. При этом устанавливаемые ограничения в рамках института юридической ответственности не имеют своей целью кару, а, напротив, преследуют цели достижения социальной справедливости, восстановления права и предупреждения совершения правонарушений в будущем.

¹ См.: *Ristroph A. Proportionality as a Principle of Limited Government* // *Duke Law Journal*. 2005. Vol. 55. №. 2. P. 262 – 264.

Достижению обозначенных целевых установок способствует принцип соразмерности, являющийся общим отправным началом всей системы юридической ответственности в целом, распространяя свое действие на все ее виды.

Представляется, что активно применяемые в правовой политике государства средства в виде правового наказания и юридической ответственности в целом должны в максимальной степени соответствовать принципу соразмерности в целях недопущения произвольного и чрезмерного ограничения прав и свобод. В противном случае государственные служащие, наделенные достаточно широкими полномочиями в сфере государственно-правового принуждения, потенциально способны привести систему юридической ответственности к состоянию ее дисфункции и дисбаланса, одновременно превратив ее в орудие «чиновничьего произвола», коррупции и злоупотребления властью.

Конституционный принцип соразмерности пронизывает собой и межотраслевой институт юридической ответственности, в котором он конкретизируется в принцип соразмерности наказания совершенному виновному противоправному деянию. Отступление в законодательной и правоприменительной практике от данного принципа с неизбежностью вызывает дисбаланс в системе юридической ответственности, выражающийся в нарушении баланса частных и публичных интересов.

При этом следует отметить корреляцию таких общеправовых принципов как справедливость, равенство и соразмерность. Система российского законодательства, следуя общему началу справедливости, предусматривает правовые наказания таким образом, чтобы обеспечить тем самым возможность применения конкретной меры ответственности с учетом личности правонарушителя, характера виновного деяния, степени его вредности или опасности для общественных отношений, размера причиненного вреда. Применительно к институту ответственности в праве справедливость как интегрирующий принцип распадается на два

относительно самостоятельных требования (принципа), диалектически связанных между собой, - равенства и соразмерности¹.

Юридическое равенство как составляющая более общего начала справедливости в праве предполагает применение мер юридической ответственности исключительно таким образом, чтобы правонарушитель независимо от его социального и правового статуса был подвергнут правовому наказанию в соответствии с законом на равных основаниях.

Принцип соразмерности, в свою очередь, как условие реализации начала справедливости в системе юридической ответственности ориентирует нас на обеспечение должного сбалансированного соотношения конкурирующих правовых ценностей, в результате чего становится возможным достижение баланса частных и публичных интересов в праве. При этом следует отметить, что принцип соразмерности в российском праве является результатом рецепции общеевропейского принципа пропорциональности, который получил широкое применение в том числе в судебной практике Европейского сообщества. Содержание рассматриваемого принципа сводится к тому, что государство в лице своих органов и должностных лиц не вправе устанавливать в отношении граждан мер ответственности и иных ограничений, превышающих пределов необходимости и достаточности подобных инструментов исходя из общих публичных целей правового регулирования.

Соответствие мер юридической ответственности в деле ограничения прав и свобод публичным целям выступает достаточно четким критерием допустимости (пределом действия) ограничительной функции правового наказания, выходя за который оно должно оцениваться в качестве произвола государства и нарушения общих начал права. Думается, различного рода отклонения, отступления от действия принципа соразмерности юридической ответственности можно трактовать в теории в качестве одной из важнейших предпосылок формирования дисфункции и дисбаланса рассматриваемого

¹См.: *Максимова И.В.* Административные наказания. М.: Норма, 2009. С. 110 – 111.

института. Следовательно, применительно к институту юридической ответственности принцип соразмерности призван обеспечить надлежащую реализацию ее ограничительной функции, не допустив при этом ее превращения, трансформации в собственный антипод в виде своеобразной дисфункции по чрезмерному ограничению прав и свобод граждан, злоупотребления властью лицами, устанавливающими и применяющими меры юридической ответственности на практике.

2.4. Дисбаланс юридической ответственности и проблемы применения наказания в правоприменительной практике

Охранительные нормативные правовые предписания в системе российского законодательства, бесспорно, играют ведущую роль в соблюдении режима законности и обеспечении правопорядка в обществе. От качества и эффективности действия охранительных мер права во многом зависит как безопасность отдельной личности, так и всего государства в целом. При этом важнейшей качественной характеристикой и одновременно принципом-требованием к организации мер юридической ответственности выступает их системность. Напротив, несистемное закрепление охранительных предписаний права и содержащихся в них мер правового воздействия за совершение различного рода правонарушений существенно снижает эффективность подобных правовых средств либо вовсе делает их недейственными, неэффективными. Как следствие, для юридической науки и практики весьма актуальной представляется проблема дисбаланса юридической ответственности как различного рода системного нарушения в ее установлении и практической реализации.

Одной из наиболее распространенных форм проявления дисбаланса юридической ответственности выступает, на наш взгляд, дублирование наказаний. В правоприменительной практике нередки случаи возложения

двойной ответственности за совершение одного и того же правонарушения, что выступает прямым нарушением принципа, закрепленного в ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, согласно которому запрещается повторное наказание виновного за совершение одного и того же преступления. Одновременно следует подчеркнуть, что действие отмеченного отправного начала в организации системы юридической ответственности распространяется не только на меры уголовно-правового характера, но и на иные виды ответственности в праве. Думается, что охранительные нормы административного, трудового и иных отраслей российского законодательства должны опираться на соблюдение рассматриваемого требования. Виновное в совершении правонарушения лицо в соответствии с конституционно закрепленным принципом не может подвергаться повторному административному или же дисциплинарному наказанию. В противном случае возможно возникновение такого феномена как дисбаланс юридической ответственности.

В этой связи следует поддержать предложение А.С. Родионовой о необходимости более четкого формулирования данного принципа юридической ответственности и законодательного закрепления его не только в Уголовном кодексе РФ, но и в ряде иных нормативных правовых актов¹. В частности, полагаем целесообразным его прямое закрепление в Кодексе об административных правонарушениях РФ, в Трудовом кодексе РФ, в Налоговом кодексе и других законодательных актах, предусматривающих те или иные меры правовой ответственности за совершение правонарушений. Подобная конкретизация конституционного принципа позволит минимизировать случаи так называемой «двойной» ответственности, достаточно часто встречающиеся в российской юридической практике.

Так, нередко случаи одновременного возложения на виновное лицо мер административной и дисциплинарной ответственности за совершение одного

¹ См.: Родионова А.С. Система наказаний в российском праве (общетеоретический аспект). Дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 147.

и того же правонарушения. Подобные ситуации, как правило, возможны в отношении субъектов, обладающих специальным правовым статусом. «Удвоение» ответственности наблюдается, например, в отношении военнослужащих, отдельных категорий государственных служащих, лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы и др.

В отношении данных лиц законодательство предусматривает применение особых мер дисциплинарной ответственности за совершение ими правонарушений, которые по ряду своих черт схожи с административными и даже уголовными наказаниями, что существенно усложняет практику их применения ввиду нарушения системных связей между различными видами юридической ответственности. О сложности ситуации свидетельствует и тот факт, что законодатель в рамках Уголовно-исполнительного кодекса РФ в ст. 115 «Меры взыскания, применяемые к осужденным к лишению свободы» с натяжкой единожды именует их в качестве дисциплинарных, по-видимому, осознавая близость подобных мер ответственности к административным наказаниям. Ярким примером выступает применение к военнослужащим и лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, в качестве меры ответственности содержание под стражей в специализированном учреждении, что по своей природе весьма схоже с административным арестом. В этой связи в юридической литературе обращается внимание на проблему привлечения обозначенной категории субъектов сначала фактически к административной, а затем и к уголовной ответственности за совершение одного и того же противоправного деяния¹.

До недавнего времени порочная практика «двойного» наказания военнослужащего была детерминирована предписаниями Дисциплинарного устава Вооруженных сил РФ, а также Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ. В настоящий момент уголовное, уголовно-процессуальное и военное законодательство хотя и содержат ряд оговорок о

¹ Бубон К.В. Без вины виноватые // Адвокат. 2008. № 1. С. 12.

недопустимости возложения двух и более видов ответственности за одно противоправное деяние все же не смогли полностью исправить ситуацию.

Следует констатировать, что и в настоящий момент российское законодательство и правоприменительная практика характеризуются определенной несогласованностью в сфере юридической ответственности в отношении специальных субъектов права и по-прежнему допускает отдельные случаи дублирования правовой репрессии. В целях обнаружения рассматриваемых проблемных ситуаций можно руководствоваться практикой Европейского суда по правам человека, согласно которой дублирование ответственности имеет место при возбуждении по одному противоправному факту двух и более процессуальных производств.

Отметим, что ряд материальных и процессуальных охранительных норм были скорректированы в действующем российском законодательстве, что отчасти минимизировало случаи неоправданного привлечения лиц к «двойной» ответственности за совершение одного и того же правонарушения. Однако наряду с законодательными дефектами к повторной юридической ответственности нарушителя зачастую привлекаются и в силу ошибок правоохранительных органов, поскольку по настоящий момент не искоренена практика, ориентированная на численные показатели в оценки эффективности контрольно-надзорных органов государственной власти.

С учетом изложенного представляется необходимым и целесообразным специальное исследование проблем дисбаланса в системе юридической ответственности как на уровне общей теории права, так и в отраслевых правовых науках. Наряду с неоправданным дублированием мер юридической ответственности, возложением двух и более наказаний различной отраслевой направленности можно назвать и иные формы проявления дисбаланса юридической ответственности в правоприменительной практике:

- избыточность репрессивного действия мер юридической ответственности;

- рассогласование материальных и процессуальных норм в системе юридической ответственности;
- информационная избыточность нормативных правовых предписаний, устанавливающих меры ответственности;
- неоправданная подмена одного вида юридической ответственности другим в правотворческой практике;
- нарушения иерархической организации в «лестнице» правовых наказаний;
- дефекты дифференциации и индивидуализации мер ответственности;
- диспропорции наказания и правонарушения;
- межотраслевые коллизии в системе юридической ответственности и др.

Об актуальности исследования вопросов баланса и дисбаланса системы юридической ответственности свидетельствует и законодательная инициатива Верховного Суда РФ, которая вызвала неоднозначную оценку как у научного юридического сообщества, так и в структурах государственной власти.

Речь идет о принятии Пленумом Верховного Суда Постановления № 42 от 31 октября 2017 г. «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»»¹. В соответствии с данным актом был внесен законопроект в Государственную Думу РФ, но еще до внесения на него был

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Документ не был опубликован – доступ СПС «КонсультантПлюс».

представлен 24 июля 2018 года отрицательный отзыв Правительством РФ¹. С 20 декабря 2018 г. по октябрь 2020 года законопроект находился на рассмотрении нижней палаты парламента. Однако 13 октября 2020 года Верховным Судом РФ был внесен новый проект упомянутого федерального закона².

В обоснование необходимости законодательной инициативы по введению категории «уголовный проступок» Председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев приводит следующие аргументы:

- система уголовной ответственности должна быть приведена в соответствие с принципами справедливости и гуманизма, установленными в ст.ст. 6 и 7 Уголовного кодекса РФ, а также учитывать требование о соразмерности наказания и иных мер уголовно-правового воздействия характеру, степени общественной опасности преступного деяния и субъекту его совершившего;

- в настоящий момент меры уголовной ответственности за преступления, которые предлагается перевести в категорию уголовных проступков, не соответствует важнейшим отправным началам уголовного законодательства в виде идей справедливости и гуманизма;

- введение понятия «уголовный проступок» в уголовное законодательство является последовательным продолжением работы по либерализации системы уголовной ответственности, по дальнейшей дифференциации и индивидуализации уголовного наказания, по декриминализации деяний и сокращению числа случаев применения заключения под стражу в качестве меры пресечения;

- дифференциация уголовно наказуемых деяний на преступления и проступки проводится по степени общественной опасности, последние следует признавать более опасными чем административные правонарушения,

¹ См.: URL.: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/12/20/789933-ugolovnogo-prostupka> (дата обращения 1 ноября 2020 г.)

² См.: URL.: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/vs_151020_24.pdf (дата обращения 1 ноября 2020 г.)

но менее опасными по сравнению с преступлениями, что позволяет, учитывая совершение проступка впервые и отсутствие тяжких последствий такого деяния, осуществлять исправление виновного лица без применения традиционных мер уголовного наказания;

- установление конструкции «уголовный проступок» позволит смягчить последствия совершения таких деяний для лица ввиду отсутствия института судимости, который в обычном порядке предусматривает для осужденного около 80 правовых ограничений, включая ряд запретов в профессиональной деятельности, а также ограничения в избирательных и гражданских правах;

- именно наличие судимости за преступления небольшой тяжести создает существенные препятствия в дальнейшей социализации виновного лица, не способствует его трудоустройству и материальному благополучию, а реализация представленной законодательной инициативы потенциально будет способствовать молодым гражданам, впервые совершившим подобные деяния, в деле «безболезненного» прохождении этапов социализации и косвенно обеспечивать таким образом противодействие по их вовлечению в преступную среду¹.

В итоге совершая попытку совершенствования собственной первоначальной концепции уголовного проступка, Верховный Суд РФ предлагает перевести 112 составов преступлений в категорию уголовных проступков в целях гуманизации важнейшей подсистемы института юридической ответственности в России.

При этом фактически Верховный Суд РФ открыто признает дисбаланс системы уголовной ответственности в виде нарушения ранее упомянутых двух ее основополагающих принципов в отношении значительного числа

¹ «Осуждению не подлежит». Глава Верховного суда России Вячеслав Лебедев: Предлагаем внести в закон понятие "уголовный проступок" // Российская газета. Федеральный выпуск № 231(8285). 13 октября 2020 г. <https://rg.ru/2020/10/13/glava-verhovnogo-suda-predlagaem-vnesti-v-zakon-poniatie-ugolovnyj-prostupok.html> (дата обращения 14 октября 2020 г.)

составов преступных деяний. Вторгаясь в системные начала построения юридической ответственности как межотраслевого института, нам представляется важным и обязательным учет всех его структурных и функциональных связей. Анализируемые законодательные новеллы косвенно и прямо увязаны не только с перестройкой мер уголовно-правового воздействия, но и с инструментами административной ответственности. Неверные или не вполне проработанные шаги в данном направлении могут самым существенным образом негативно отразиться на всей системной организации юридической ответственности в российском законодательстве, не только не устранив уже наличествующие ее дефекты, но и добавив ряд новых, которые вкупе со «старыми болезнями» вполне способны привести к состоянию стойкого дисбаланса охранительной подсистемы права.

С учетом отмеченных обстоятельств, полагаем, что спешить с окончательным внедрением в действующее уголовное законодательство рассматриваемых новаций не стоит. Представляется весьма точной и заслуживающей пристального внимания оценка, даваемая Н.А. Лопашенко, согласно которой дифференциация преступных деяний ввиду законодательных предложений становится не вполне логичной и искусственно усложненной. Одновременно автор дает и более жесткую характеристику возможным негативным последствиям такой инициативы: «В связи с введением понятия уголовного проступка Верховный суд РФ предлагает изменить ряд норм Общей части, и многие из этих изменений, на мой взгляд, обрушивают остатки системности российского уголовного закона»¹.

В подтверждение своей достаточно резкой критики Н.А. Лопашенко указывает на ряд противоречий, содержащихся, по ее мнению, в новациях

¹ Лопашенко Н.А. Уголовный проступок в современной России: проекты, проблемы и прогнозы // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции / Под общей ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2019. С. 230.

законопроекта (отметим отдельно, что исследователь изложила свои замечания в отношении первоначального варианта законодательной инициативы Верховного Суда РФ, но они во многом справедливы и для последней версии законопроекта, поскольку существенных различий между обоими вариациями по опорным вопросам не наблюдается):

- в полной мере не продуманы критерии отграничения уголовных проступков от преступлений;

- избран излишне сложный способ градации преступных деяний, устанавливающий фактически их триаду в виде «преступные деяния небольшой и средней тяжести без наказания в виде лишения свободы (уголовные проступки) – те же деяния, но при других обстоятельствах, влекущие за собой применение лишения свободы – все иные преступления (тяжкие, особо тяжкие, средней и небольшой тяжести не попавшие в первую группу)»;

- не учтен позитивный опыт других стран (например, Казахстана) по введению конструкции «уголовный проступок» в систему уголовной ответственности, который предполагает иной вариант дифференциации по схеме «уголовное правонарушение делится по степени опасности на два вида – проступок и преступление» и не содержит «искусственного» третьего звена;

- условия и процедура освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших уголовный проступок, более сложны и менее выгодны для них в сравнении с порядком освобождения от уголовной ответственности граждан (имеется ввиду сопоставление с институтом освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием), виновных в совершении преступных деяний других категорий при выполнении ими более понятных требований, что вступает в противоречие с самой целью законодательной новации по гуманизации уголовного законодательства (речь идет о не полном освобождении от ответственности, а о замене на такие

меры, как судебный штраф, видоизмененные обязательные и исправительные работы)¹.

Анализируемый нами пример законодательного переустройства уголовной ответственности по ряду системных параметров свидетельствует об актуальности и научно-практической значимости продолжения общетеоретических изысканий по проблеме баланса и дисбаланса юридической ответственности в целом. Поскольку недооценка юридической наукой и следом за ней законодательной практикой необходимости выверенного и детально проработанного подхода в обеспечении равновесия прямо противоположных тенденций в развитии системы юридической ответственности может быть чревато такими негативными последствиями, как ее разбалансированность и утрата ею системного единства.

Принципиальным представляется учет в процессе законодательной трансформации института ответственности баланса между такими тенденциями, как: стабильность и изменчивость законодательства; унификация и специализация в нормативной регламентации юридической ответственности; гуманизация и ужесточение наказания за различного рода правонарушения; криминализация и декриминализация деяний; межотраслевая интеграция и отраслевая дифференциация мер охранительного воздействия.

Предлагаемая Верховным Судом РФ законодательная инициатива по введению уголовных проступков в систему уголовного законодательства сама по себе заслуживает положительной оценки, поскольку потенциально способна служить действенным инструментом по снижению репрессивного воздействия со стороны уголовного закона, по устранению диспропорции создаваемой административной преюдицией, по приведению уголовную ответственность в сбалансированное состояние. Однако столь системное преобразование важнейшего вида юридической ответственности требует

¹ См.: *Лопашенко Н.А.* Указ. соч. С. 230.

более тщательной проработки целого ряда фундаментальных вопросов, к числу которых следует отнести:

- определение четкого соотношения уголовного проступка и преступления, а также, что не менее важно, первого с административным правонарушением в целях недопущения межотраслевой разбалансированности института юридической ответственности;

- установление специфики наказания за уголовные проступки с одновременным выявлением пределов такого наказания;

- разрешение проблемы освобождения от уголовной ответственности за совершение уголовного проступка с определением оснований и видов данного освобождения;

- обязательное признание особой значимости факта отсутствия судимости в случае привлечения лица к ответственности за совершение уголовного проступка, в противном случае дисбаланс неизбежен.

В целях же практического недопущения и минимизации возможных случаев дисбаланса в системе юридической ответственности следует развивать теоретическое учение о ее системных параметрах, связях, основополагающих принципах. Важную роль в этом должна сыграть именно общая теория права, поскольку позволяет системно изучать и сопоставлять различные отраслевые виды юридической ответственности, рассматривать их в единстве и взаимодействии.

На наш взгляд, нарушение системных связей и основополагающих принципов юридической ответственности, как сложного межотраслевого и комплексного института российского права, выступает важнейшей причиной возникновения состояния ее дисбаланса. В связи с этим представляется важным рассмотрение в теории права вопроса о структурно-функциональных связях в системе юридической ответственности. Зачастую в отечественной юридической литературе данный вопрос ускользает от внимания исследователей, что не позволяет представить в полной мере юридическую ответственность в виде системного нормативного образования.

Представляется, что, как и всякая сложная система, юридическая ответственность характеризуется наличием трех основных типов связей в ее структуре и содержании:

- иерархические связи;
- генетические;
- координационные связи¹.

Из указанных трех типов связей наибольшее значение в процессе детерминации дисбаланса юридической ответственности играют иерархические связи, поскольку их нарушение дестабилизирует всю систему ответственности.

Кроме того, связи субординации или иерархические связи напрямую соприкасаются и с принципами организации системы юридической ответственности, что можно схематично представить в следующем виде.

1. В основе построения системы юридической ответственности располагаются общеправовые принципы, преимущественно закрепленные в Конституции РФ, – принципы законности, гуманизма, справедливости права, демократизма, федерализма и др.

2. Следующий уровень по иерархии в системе юридической ответственности образуют ее собственные специфические принципы, производные от общеправовых начал. В их числе можно выделить принцип неотвратимости наказания, принцип виновности, принцип соразмерности наказания и совершенного деяния, принцип справедливости возложения мер ответственности, принцип индивидуализации наказания и др.

3. Уровень общих норм, устанавливающих единые требования для отраслевых видов юридической ответственности, – уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной и иных.

4. В основании системы располагаются нормы, регламентирующие отдельно взятые меры юридической ответственности. Речь идет, например, о

¹ См., например: *Черданцев А.Ф.* Системообразующие связи права // Советское государство и право. 1974. №8. С. 12.

нормах института штрафа в административном или уголовном праве, о предписаниях, предусматривающих иные конкретные виды правового наказания.

Дублирование, «удвоение» мер юридической ответственности как форма проявления ее дисбаланса является следствием нарушения структурно-функциональных связей. В правотворческой и правоприменительной практике надлежит в обязательном порядке учитывать указанные функциональные зависимости. В данном случае можно сослаться на следующее весьма авторитетное суждение, высказанное в свое время Н.В. Витруком: «Применение конкретных норм института юридической ответственности не может противоречить ее принципам; оно должно наиболее полно воплощать их»¹. В противном случае дисбаланс юридической ответственности неизбежен.

Таким образом, функциональные связи (генетические, субординации и координации) обеспечивают единство и сбалансированность различных мер в единой системе юридической ответственности. Их нарушение является непосредственной причиной дисбаланса в институте юридической ответственности, одной из форм которого, в свою очередь, выступает дублирование, «удвоение» ответственности.

¹ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., исправленное и доп. М., 2009. С. 45.

ГЛАВА 3. СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ДИСБАЛАНСА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Процесс разрастания состояния разбалансированности института ответственности в российском законодательстве в последние годы не только не замедлился, но и, напротив, приобретает все более сложные формы, что объясняется отчасти все более частым обращением правотворческих органов государственной власти к данному инструменту, поспешностью во введении новых запретов и видов наказаний, несоразмерностью противоправного деяния и следующих за ним мер ответственности. Особой остроты проблеме добавляет и эпидемиологическая ситуация в стране и мире, ввиду очередной волны распространения COVID-19, поскольку государство порой стремится решить проблему излишне жесткими или несвоевременными ограничительными мерами, включая и средства юридической ответственности. Все это актуализирует в теоретическом и практическом планах исследования, направленные на совершенствование столь сложного комплексного межотраслевого института российского законодательства, которым является юридическая ответственность.

Важнейшим направлением правовой политики государства нам представляется деятельность органов государственной власти по предупреждению дисбаланса юридической ответственности, от которой следует отличать деятельность по преодолению подобного вида законодательного дисбаланса. Предотвращение (или предупреждение) состояния системного разбалансированности ответственности в праве возможно лишь на уровне правотворчества, поскольку сопряжено с устранением уже возникшего дисбаланса ее норм или же с профилактикой подобных кризисных состояний законодательства, благодаря повышению качества законодательной деятельности по установлению охранительных нормативных правовых предписаний. Преодоление дисбаланса ответственности в законодательстве возможно в определенных пределах на уровне правоинтерпретационной и правоприменительной практики, в ходе

которой устранение дисбаланса не осуществляется, но предпринимаются усилия по минимизации его негативных последствий в виде преодоления системных межотраслевых коллизий, руководящих разъяснений основополагающих принципов системы юридической ответственности и наиболее целесообразных вариантов их преломления в правоприменительной деятельности. Устранение дисбаланса института юридической ответственности в ходе правореализационной практики не представляется возможным, за исключением актов толкования Конституционного Суда РФ, который наделен правом так называемого «негативного» правотворчества.

В рамках данной главы нам видится целесообразным и оправданным рассмотрение в первую очередь способов и средств именно предотвращения дисбаланса юридической ответственности посредством соответствующей правотворческой деятельности, имеющей в своем арсенале столь значимые в этом деле способы совершенствования системы законодательства в виде его унификации и специализации. Однако в деле развития института ответственности указанные способы обладают определенной спецификой содержательного и технико-юридического плана, что требует более пристального внимания со стороны юридической науки.

В отечественной специальной литературе, к сожалению, практически не имеется работ комплексного общетеоретического характера, преследующих цель раскрытия общих закономерностей систематизации института юридической ответственности. Можно обнаружить лишь отдельные немногочисленные публикации в периодических изданиях, которые затрагивают отдельные аспекты подобной тематики¹.

¹ См., например: *Авдеенкова М.П.* Особенности систематизации правовых норм о юридической ответственности // *Право и политика.* 2008. № 3. С. 557-561; *Скребнева Н.А.* Систематизация юридической ответственности в медицинских отношениях // *Правозащитник.* 2015. № 4. С. 10; *Глинда А.И.* Связи единства института юридической ответственности: классификация и учет при систематизации законодательства // *Информационные технологии и право: Правовая информатизация - 2018. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции.* Под общей редакцией Е.И. Коваленко. 2018. С. 129-135.

В диссертационном исследовании Н.А. Скребневой, посвященном общетеоретическим вопросам юридической ответственности в публичном и частном праве, можно обнаружить параграф с достаточно интересным названием «Систематизация источников правового регулирования юридической ответственности в публичном и частном праве». Ознакомление с указанной работой в данной части демонстрирует увлеченность ее автора преимущественно проблемой систематизации юридической ответственности медицинских работников¹, что не решает целого ряда проблемных вопросов в отношении систематизации всего пласта норм института юридической ответственности в российском законодательстве.

В отдельных работах по теории права проблема унификации и специализации законодательства в области юридической ответственности затрагивается попутно, при раскрытии вопроса о ее понятии, системном строении, реализуемых функциях. Единой концептуальной теории унификации и специализации ответственности в общей теории права не разработано по настоящей момент.

На уровне теории государства и права предпринята попытка выдвижения идеи о принятии отдельного систематизированного акта в виде федерального конституционного закона «О юридической ответственности»², что нам представляется не вполне обоснованным и целесообразным по следующим причинам. Во-первых, принятие по каждому правовому средству, хотя бы и достаточно значимому, коим является ответственность в праве, приведет к чрезмерному увеличению числа законов. Во-вторых, действующая Конституция РФ вовсе не предусматривает возможно принятия федерального конституционного закона по данному вопросу, что делает идею подобного закона практически нереализуемой. В-третьих, проблему систематизации межотраслевого института юридической ответственности

¹ См. подробнее: *Скребнева Н.А.* Юридическая ответственность в публичном и частном праве (вопросы теории и практики). Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2018. С. 146.

² См.: *Прокопович Г.А.* Юридическая ответственность в российском праве (теоретический аспект): Монография. М.: НОУ ВПО МЭЛИ, 2007. С. 109.

невозможно решить принятием подобного закона, поскольку она требует более сложного подхода ввиду наличия целого ряда кодифицированных законов, содержащих в себе многочисленные нормы в отношении юридической ответственности, чего стоят только Уголовный кодекс РФ и КоАП РФ.

Думается, что решение рассматриваемой проблемы кроется прежде всего в развитии уже существующих законов, устанавливающих меры юридической ответственности за различного рода правонарушения. Разработка и принятие одного закона с громким названием «О юридической ответственности», по нашему мнению, напротив, может осложнить ситуацию разбалансированности института ответственности в российском законодательстве, создав избыточное число чрезмерно общих норм, не имеющих прямого регулятивного эффекта и осложнив одновременно практику применения уже имеющихся законов в сфере юридической ответственности.

В отраслевой юридической литературе вопросам систематизации института юридической ответственности уделяется существенно больше внимания. В частности, значительные усилия предприняты и продолжают предприниматься в направлении исследования таких вопросов, как систематизация отдельных видов ответственности - уголовной, административной, дисциплинарной, материальной и некоторых иных¹.

¹ См., например: *Гаврилова Л.В.* Систематизация законодательства субъектов Российской Федерации об административной ответственности: опыт и проблемы // Академический юридический журнал. 2008. № 4 (34). С. 34-41; *Другов Ян.А.* Кодекс субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях как результат систематизации законодательства об административной ответственности // Сибирский юридический вестник. 2016. № 1 (72). С. 37-42; *Другов Я.А.* Кодекс Иркутской области об административных правонарушениях: как возможный результат систематизации законодательства об административной ответственности // Право и политика. 2016. № 2. С. 204-208; *Кот М.К.* Вопросы систематизации принципов материальной ответственности в трудовом праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2015. № 4 (23). С. 20-22; *Куриленко А.В.* Вопросы систематизации ответственности Президента России как гаранта Конституции РФ // Современное право. 2011. № 12. С. 33-36; *Лихтер П.Л.* О систематизации принципов гражданско-правовой ответственности // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 12. С. 279-288; *Лунарев Е.Б., Енифанова Е.В.*

Однако наибольшей проработанностью в специально-отраслевых юридических науках отличаются вопросы унификации и дифференциации ответственности в праве. К примеру, исследователями рассматриваются проблемы понятия, видов, уровней, принципов, средств, технико-юридических особенностей и результатов унификации законодательства об ответственности в различных сферах общественной жизни¹. Еще более

проблемы формальной систематизации административной ответственности в сфере медицинской деятельности в Российской Федерации и экономическая подоплека вопроса // *Административное право и процесс*. 2019. № 11. С. 37-40; *Майоров В.И., Денисенко В.В.* К вопросу о систематизации норм, регулирующих административную деятельность за правонарушения в области дорожного движения // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2019. № 4 (46). С. 81-87; *Трофимова Г.А.* основания конституционно-правовой ответственности за нарушение избирательного законодательства: опыт систематизации // *Избирательное законодательство и практика*. 2019. № 4. С. 10-15; *Шилехин К.Е.* Отдельные проблемы систематизации законодательства об ответственности за правонарушения в области налогов и сборов // В сборнике: *Современные тенденции развития юридической науки. Сборник материалов III международной заочной научно-практической конференции*. Под общ. ред. Т.М. Пономарёвой. 2014. С. 211-215 и др.

¹ См.: *Аноприенко К.В.* Правовая ответственность за нарушение таможенного законодательства ЕАЭС: исторический опыт и вопросы унификации // *Судья*. 2016. № 3 (63). С. 57-61; *Белов С.В.* К вопросу об унификации административной ответственности за противодействие законным требованиям сотрудника полиции // *Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции*. Краснодарский университет МВД России. 2018. С. 177-181; *Бутакова Н.А.* Международная унификация ограничения ответственности судовладельцев // *Неделя науки Санкт-Петербургского государственного морского технического университета*. 2020. Т. 1. № 3-1. С. 42; *Гоголев А.М.* Унификация законодательных норм привлечения недобросовестных налогоплательщиков к ответственности // *Экономика. Налоги. Право*. 2013. № 4. С. 99-104; *Вятчин В.А.* Об унификации ответственности в национальном и международном частном праве // *Вестник Саратовской государственной академии права*. 2011. № 3 (79). С. 64-69; *Егорова Н.А.* О понятии дифференциации и унификации уголовной ответственности // *Российский ежегодник уголовного права*. 2008. № 2. С. 94-110; *Она же.* Принципы дифференциации и унификации уголовной ответственности за управленческие преступления // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2010. № 3 (14). С. 37-43; *Она же.* Виды и средства дифференциации и унификации уголовной ответственности // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2009. № 2 (9). С. 40-47; *Кашкина Е.В.* К вопросу о необходимости унификации норм административного законодательства, регламентирующих ответственность за потребление алкогольной продукции // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. 2018. № 18-1. С. 172-174; *Мельниченко Н.Н.* К вопросу об унификации терминологии уголовного закона в нормах, устанавливающих ответственность за посягательства на сохранность объектов археологического наследия // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 8. С. 90-95; *Рагозина И.Г.* Уголовная ответственность за налоговые преступления: вопросы унификации и дифференциации // *Юристъ-Правоведъ*. 2009. № 1 (32). С. 34-38; *Плиева М.Р.* Унификация частноправовых норм, регулирующих ответственность туристских

многочисленны труды правоведов, посвященные понятию, юридической природе, классификации, средствам юридической техники и способам дифференциации юридической ответственности¹. В рамках науки уголовного права в современный период написан не один десяток диссертаций по вопросам дифференциации уголовной ответственности².

организаций // Вестник Российской правовой академии. 2006. № 4. С. 49-51; *Санташов А.Л.* Вопросы унификации и дифференциации ответственности несовершеннолетних в уголовном праве // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2017. № 32. С. 70-72; *Чихрадзе А.М.* Унификация законодательства об ответственности за убийство с привилегированным составом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (64). С. 23-26.

¹ См.: *Волков В.Р.* К вопросу о системном представлении категории дифференциации уголовной ответственности // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 1. № 1 (1). С. 89-93; *Добробаба М.Б.* Дисциплинарная ответственность в трудовых и государственно-служебных правоотношениях: проблема дифференциации // Трудовое законодательство России и практика его применения в современных экономических условиях. Сборник научных трудов по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 44-48; *Забавко Р.А., Рогова Е.В.* Дифференциация уголовной ответственности за экологические преступления. Иркутск, 2019; *Кузьмин И.А.* К вопросу о дифференциации частноправовой ответственности за коррупционное поведение // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 39. С. 36-43; *Липинский Д.А.* Правовая политика в сфере дифференциации и индивидуализации эколого-правовой ответственности // Актуальные проблемы государственной экологической политики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Р.Х. Гиззатуллин. 2017. С. 168-172; *Маслов В.А.* Дифференциация уголовной ответственности: вопросы дефиниции и оснований // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 1 (46). С. 51-58; *Огнерубов Н.А.* Критерии дифференциации уголовной ответственности // Современное право. 2019. № 4. С. 120-126; *Поезжалов В.Б., Галимов Р.Р.* Вопросы конструирования в уголовном законе ряда квалифицирующих обстоятельств и дифференциация уголовной ответственности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2013. № 1 (59). С. 39-45; *Рогова Е.В.* Конституционные принципы дифференциации уголовной ответственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 62-67; *Санташов А.Л.* Вопросы законодательной техники при формулировании нормативных оснований дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2018. № 12 (127). С. 240-241; *Тенгизова Ж.А.* Некоторые вопросы возрастной дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних // Социально-политические науки. 2019. № 1. С. 104-106.

² См., например: *Бабурин В.В.* Риск как основание дифференциации уголовной ответственности. Дис. ...докт. юрид. наук. Омск, 2009; *Васильевский А.В.* Дифференциация уголовной ответственности и наказания в общей части уголовного права. Дис. ...канд. юрид. наук. Ярославль, 2000; *Верина Г.В.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности. Дис. ...докт. юрид. наук. Саратов, 2004; *Жилкин М.Г.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления

Таким образом, можно констатировать, что в отраслевых юридических науках накоплен весьма обширный материал в отношении унификации и специализации юридической ответственности. Общетеоретическое же исследование рассматриваемых процессов интеграции и дифференциации внутри системы юридической ответственности, специализации и унификации оформляющих ее нормативных правовых актов способствует более глубокому познанию общих закономерностей формирования, функционирования и совершенствования охранительной подсистемы российского права.

Социально обусловленная должная дифференциация средств юридической ответственности в системе законодательства, реализуемая в форме специализации предписаний соответствующих нормативных актов, выступает важнейшим способом предотвращения возникновения такого феномена как дисбаланс института юридической ответственности. Установление подлинных закономерностей процесса дифференциации норм института юридической ответственности, а также их учет в ходе в правотворческой деятельности составляет одно из основных правил юридической техники в области унификации и специализации предписаний данного института.

в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики. Дис. ...докт. юрид. наук. М., 2019; *Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. Дис. ...докт. юрид. наук. М., 1999; *Кротов С.Е.* Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание. Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2005; *Кулева Л.О.* Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в общей и особенной частях УК РФ. Дис. ...канд. юрид. наук. Самара, 2019; *Лапшин В.Ф.* Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления. Дис. ...докт. юрид. наук. Казань, 2016; *Малькова И.Ю.* Грабеж: вопросы квалификации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2009; *Рогова Е.В.* Учение о дифференциации уголовной ответственности. Дис. ...докт. юрид. наук. М., 2014; *Семенова Д.М.* Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений. Дис. ...канд. юрид. наук. Самара, 2011; *Скляров С.В.* Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Дис. ...докт. юрид. наук. М., 2004; *Хорошилов С.А.* Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности за налоговые преступления. Дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2007 и др.

Ввиду же фактического отсутствия наработок по данной проблематике в науке теории государства и права, прежде чем приступить к обобщению отраслевого знания, целесообразно кратко обратиться к общим вопросам унификации и специализации законодательства.

В литературе верно отмечается следующий момент в использовании понятия специализации в области гуманитарного знания: «Термин «специализация» в общественных науках используется при характеристике того или иного рода социальной деятельности, отражая специфику «разделения труда» в экономике, политике, образовании и т.д. Как особая форма социальных отношений, специализация представляет собой неразрывную связь двуединых факторов: ограничительного и мобилизационного. Это проявляется, с одной стороны, в сужении сферы человеческой деятельности, с другой – в концентрации, нацеленности ее усилий в строго определенном направлении»¹.

В отношении исследования проблем обеспечения сбалансированности системы юридической ответственности понятие «специализация» необходимо наиболее точно применять по отношению к процессу разделения «труда» в сфере правоохранительной деятельности.

Общей закономерностью развития современной юридической практики выступает тенденция по усилению ее специализации. Не является исключением в этом отношении и практика охраны правопорядка в обществе, что напрямую затрагивает и комплекс норм, составляющих содержание института юридической ответственности. Однако само разделение норм в рамках рассматриваемого правового института более точно следует именовать термином «дифференциация».

Что же касается специализации как терминологической оболочки в понятийных рядах общей теории государства и права, то ее использование видится в диалектической связи с категорией «унификация» по отношению

¹ Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. Дис. ...докт. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 171.

непосредственно к правотворческой деятельности, посредством которой и осуществляется в итоге дифференциация и интеграция правовых норм, в том числе составляющих содержание института юридической ответственности.

Полагаем оправданным и обоснованным использование И.Н. Сенякиным понятия «специализация» при изучении соответствующей юридически значимой деятельности, направленной на оптимизацию системы российского законодательства. По справедливому мнению И.Н. Сенякина, «специализация, как объективная тенденция российского законодательства, отражает идентичный прогрессивный процесс в различных социальных сферах нашего общества и направлена на учет особенностей, специфики и многогранности внутрифедеративных общественных отношений, урегулирование которых осуществляется определенным комплексом юридических предписаний и нормативных актов»¹.

С учетом приведенного авторитетного мнения полагаем, что основной задачей специализации в системе законодательства является достижение полноты и максимальной гибкости правового регулирования разнообразных общественных отношений, характеризующихся ускоряющимся темпом их изменения и развития. Одновременно обратим внимание на тот факт, что дифференциация норм права формально осуществляется благодаря правотворческой деятельности по надлежащей специализации системы законодательства. Обозначенные процессы диалектически взаимосвязаны и соотносятся между собой как содержание и форма.

Дифференциация норм института юридической ответственности реализуется посредством деятельности соответствующих правотворческих органов, направленной на специализацию предписаний нормативных правовых актов в сфере охраны права. Согласимся с позицией, согласно которой понятийная пара «интеграция – дифференциация» должна применяться в ходе раскрытия внутренней структуры права, образования в

¹ Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики. Монография. Саратов, 1993. С. 80.

них новых элементов и их объединений, но оформление и физическое воплощение данных процессов осуществляется посредством правотворческой деятельности по унификации и специализации нормативных предписаний.

Немаловажным полагаем и тот момент, что диалектика, с одной стороны, интеграции и дифференциации в праве, и унификации и специализации в системе законодательства, с другой стороны, не означает отсутствие существенных различий у данных парных правовых феноменов¹. Данный тезис в целом справедлив и для рассмотрения соотношения интеграции в праве и унификации в системе законодательства.

Следует критически оценивать утверждение, согласно которому дифференциация как теоретическая конструкция призвана отражать лишь различие в терминологической системе законодательства. Например, отдельные исследователи понятием дифференциация охватывают преимущественно нормативно-правовую терминологию², одновременно обозначая в качестве ее парной категории унификацию законодательной терминосистемы, что нам представляется несколько неточным и излишне узким пониманием исследуемой проблемы.

В данном случае процесс словообразования, который действительно составляет суть процесса дифференциации терминосистем, фактически отождествляется с процессом правотворчества, сопряженным с использованием разнообразной как общеупотребительной, так и специально-юридической терминологии, что составляет уже суть специализации законодательства. В этой связи считаем неоправданным отождествление данных тесно связанных, но все же несовпадающих видов деятельности.

¹ См. подробнее об этом: *Петров Д.Е.* Указ. соч. С. 174 – 175.

² См.: *Каргин К.В.* Унификация и дифференциация терминов «доказывание» и «аргументация» в процессуальных отраслях системы российского права // Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: сб. науч. ст. Материалы V ежегодной Международной научной конференции (19–22 апреля 2010 г.) / отв. ред. В.М. Сырых, С.А. Рубаник. М., 2011. С. 343–351.

В отечественной юридической литературе наличествует и чрезмерно широкий подход к пониманию процессов специализации в системе законодательства.

Например, встречается позиция о допустимости описания закономерностей деления системы права на структурные элементы и их объединения посредством понятия «специализация». Сторонником подобного подхода был С.С. Алексеев, который в качестве итога специализации определял внутреннюю структуру права, образуемую делением ее элементов в целях реализации отдельной специализированной функции. При этом автор полагал наиболее общим понятием именно специализацию по отношению к дифференциации, конкретизации и интеграции в системе¹.

Нам же импонирует иная позиция, в соответствии с которой дифференциация права имеет своим результатом формирование специальных норм и институтов права, что опосредуется определенной деятельностью законодателя. В данном случае следует отдать предпочтение точке зрения Д.Е. Петрова, согласно которой специализация как теоретическая конструкция призвана отражать процессы, связанные с совершенствованием законодательства, а в отношении трансформации системы права более уместно оперирование понятием дифференциации².

Зачастую в литературе допускается смешение столь диалектически связанных процессов, что и вызывает порой отождествление понятий «дифференциация права» и «специализация законодательства». Неоправданное смешение можно наблюдать в ходе изложения следующей точки зрения: «Дифференциация норм права на отрасли влечет за собой, как правило, интеграцию законодательства, а межотраслевая интеграция норм права зачастую — дифференциацию законодательства, возрастание

¹ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. С. 30, 52.

² См.: Петров Д.Е. Указ. соч. С. 176.

множественности актов»¹. Представляется, что проблема обусловленности специализации законодательства объективной потребностью в дифференциации системы права не до конца последовательно излагается в приведенном подходе, сопряжена с определенным противоречием в рассуждениях. Диалектическая связь противоположных процессов интеграции и дифференциации в праве, унификации и специализации в законодательстве не должна восприниматься как их полное совпадение.

В подтверждение отстаиваемого нами тезиса сошлемся на выводы, представленные И.Н. Сенякиным, который определяет ряд важных свойств процесса специализации законодательства, демонстрирующих ее функциональные возможности как комплексного способа предотвращения дисбаланса в системе нормативных правовых актов:

- 1) обеспечивает полноту и гибкость правового регулирования;
- 2) ограничивает и органично дополняет обратную тенденцию по унификации законодательства;
- 3) устраняет пробельность нормативных правовых предписаний;
- 4) способствует логически выверенному построению системы правовых актов;
- 5) нейтрализует непропорциональность в использовании правовых средств².

Именно указанные функциональные возможности деятельности по специализации законодательства иногда служат поводом для отождествления ее с процессами дифференциации системы права.

С учетом изложенных доводов представляется целесообразным предложить определять *специализацию института юридической ответственности в системе законодательства* как комплексный способ и

¹Курохтин Ю.А. Проблемы соотношения системы права и системы законодательства // Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: сб. науч. ст. Материалы V ежегодной Междунар. науч. конф. (19–22 апреля 2010 г.) / отв. ред. В.М. Сырых, С.А. Рубаник. М., 2011. С. 343–351.

² См.: Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. С. 33.

результат целенаправленной деятельности субъектов правотворчества, выражающейся в виде предметно-отраслевой и функциональной градации мер системы ответственности на специальные нормативные правовые предписания, подразделения структуры оформляющих их кодифицированных актов в сфере ответственности на общие и особенные части посредством применения специальных правил, способов и средств юридической техники в целях предупреждения дисбаланса юридической ответственности и обеспечения ее полноты правовой регламентации и системного единства.

В числе средств, составляющих основное содержание специализации в качестве способа предотвращения дисбаланса юридической ответственности, следует назвать:

- конкретизацию мер ответственности;
- детализацию нормативных правовых предписаний в сфере ответственности;
- специализацию терминологии;
- отсылки, оговорки и примечания;
- выделение особенной части в кодифицированных актах, регламентирующих институт ответственности;
- использование специальных и специализированных нормативных правовых предписаний, включая нормы-изъятия и нормы-исключения;
- квалифицированные и привилегированные признаки составов правонарушений;
- дифференциация санкций правовых норм, включая их вариативность;
- смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства;
- специальные основания освобождения от юридической ответственности;
- категоризация правонарушений и др.

Обращаясь к наработкам в сфере унификации законодательства, можно сделать вывод, о том, что она трактуется в качестве сознательного

приведения разнообразных юридических средств к единому стандарту, общей форме¹.

Изначально понятие «унификация» было введено в теорию международного права, в рамках которого оно стало отражать процессы приведения к единому знаменателю предписаний национальных законодательств, введения в действия для них общих и единообразных правил правовой регуляции.

В этом плане показательна позиция, согласно которой унификация предстает как «сотрудничество государств, направленное на создание, изменение или прекращение одинаковых (единообразных, унифицированных) правовых норм во внутреннем праве определенного круга государств»².

Несовпадение в правовой регламентации общественных отношений в рамках национальных правовых систем создает существенные трудности в международных отношениях, что вызывает к жизни такой феномен, как унификация. К примеру, Н.Г. Доронина обоснованно полагает, что суть унификации в международно-правовом аспекте сводится к тому, «чтобы снять препятствия на пути международного сотрудничества и связанного с ним развития регулируемых национальным правом отношений»³.

В отношении унификации системы законодательства отдельно взятого государства можно согласиться с тем, что она имеет в итоге своей целью как количественное уменьшение нормативных правовых предписаний, так и обеспечение их качественного единства. В этой связи унификация законодательства призвана выполнять следующие функции:

1) устранение излишней нормативно-правовой регламентации общественных отношений;

¹ См.: Магомедов С.К. Унификация терминологии нормативных правовых актов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 68.

² Международное частное право: учебник / под ред. Г.К. Дмитриевой. М., 2004. С. 101.

³ Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 59–60.

- 2) ограничение и дополнение процессов по специализации законодательства;
- 3) устранение противоречий и дублирования нормативных правовых предписаний;
- 4) обеспечение единообразия в терминосистеме законодательства и др.

Заслуживает внимания позиция И.Н. Сенякина в отношении понимания сущности рассматриваемого явления, согласно которой «в стремлении законодателя к унификации всегда лежат, по крайней мере, два основания: потребность в экономичном, единообразном урегулировании родственных общественных отношений, а также желание концентрации уже имеющейся множественности правового материала в одноимённой сфере, которая создает определенные трудности его применения на практике»¹.

Однако далеко не все исследователи придерживаются последовательного разграничения понятий «унификация законодательства» и «интеграция права», допуская одновременно их смешение. Так, встречаются утверждения о полной синонимичности данных терминов². Кроме того, высказывается мнение также о частичном наложении категорий. Вызывает интерес мнение С.В. Полениной, которая рассматривала унификацию законодательства как «установление единообразного регулирования в пределах одного правового института, распространение действия норм, ранее предназначавшихся для регламентации определенного круга отношений, на сходные отношения, равно как и выработка единообразных норм, учитывающих особенности однородных отношений»³. Думается, что в отмеченном определении допущено смешение унификации законодательства с внутренними процессами интеграции в системе права.

¹ Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. С. 180.

² См.: Бару М.И. Унификация и дифференциация норм трудового права // Сов. государство и право. 1971. № 10. С. 45.

³ Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М., 1979. С. 181.

Можно выделить позицию, согласно которой «унификация имеет двуетадийную направленность. Она представляет собой не только выработку общих предписаний по тем или иным сходным проблемам социального развития, но и грамотную технико-формализованную обработку уже принятых унификационных положений, т.е. систематизацию. Издание общих норм – часть этого процесса, составляющая юридическую основу унификации. Такие нормы могут носить многоплановый характер и быть дефинициями, декларациями, нормами-принципами, общими дозволениями, общими запретами и т.д.»¹. По нашему мнению, именно такое понимание проблемы задает правильный курс в исследовании различий между унификацией законодательства и интеграцией в системе права. Представляется, что сущностное содержание процессов интеграции в праве составляет образование общих норм и институтов права, а оформляются данные процессы посредством деятельности правотворческих органов по унификации системы законодательства. При этом процессы интеграции в праве первичны по отношению к соответствующей деятельности правотворческих органов.

Преимущественно в литературе доминирует позиция поглощения термином унификация процессов правовой интеграции, что вряд ли оправдано. Одновременно не получают должного описания действия законодателя по унификации нормативных правовых актов. Как результат в отечественном правоведении преобладает излишне широкая трактовка понятия «унификация законодательства». Например, можно привести определение Л.Е. Смирновой, считающей что, «унификация – это глубокий и многогранный процесс, неограниченный только пределами законодательства, и более правильно говорить об унификации в праве. Очевидно, что унификация распространяется на все формы правовой материи: правовые

¹ *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства. С. 97.

нормы и их структурные элементы, группы правовых норм, институты, отрасли права, нормативно-правовые акты и т.д.»¹.

При сравнительном анализе категорий унификации законодательства и интеграции в праве нам видится более обоснованной позиция Д.Е. Петрова, в соответствии с которой процесс внутреннего объединения норм и институтов в единые более сложные структурные образования права есть процесс его интеграции, который не следует отождествлять с унификацией законодательства².

Полагаем не вполне точным выделять в виде объектов унификации правовые нормы или институты права³, а также неверным понимание в качестве такового некий обобщенно – нормативный материал⁴.

Согласимся с утверждением о том, что объект унификации «относится к формальной стороне права, в то время как в содержании права проходят интеграционные процессы. Определить объект унификации нормативных правовых актов можно через совокупность его компонентов. Сообразно этому унификации подлежат нормативные правовые акты или их элементы (главы, разделы, части, статьи); отрасли законодательства; межотраслевые блоки (например, процессуальное законодательство); уровни законодательства (например, законодательство субъекта Федерации), вся система законодательства в отношении концептуальных основ правового регулирования»⁵.

Обобщая сказанное, сделаем вывод о необходимости понимания унификации законодательства в качестве сознательной волевой деятельности

¹ Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006. С. 15.

² См.: Петров Д.Е. Указ. соч. С. 307.

³ См.: Поленина С.В. Основы гражданского законодательства и гражданские кодексы. М., 1968. С. 82–83; Бару М.И. Унификация и дифференциация норм трудового права // Сов. государство и право. 1971. № 10. С. 45; Садиков О.Н. Дифференциация и унификация гражданского законодательства // Сов. государство и право. 1969. № 12. С. 38.

⁴ См.: Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. С. 99–100.

⁵ Петров Д.Е. Указ. соч. С. 235.

субъектов правотворчества по приведению нормативных правовых актов к состоянию единства, сбалансированности и системной стройности. Одновременно унификация законодательства не должна осуществляться в отрыве от естественных закономерностей интеграции в системе права. Следовательно, в ходе правотворческой деятельности не должны создаваться искусственные унифицированные формы и общие нормы, а подлежат учету объективные потребности в оформлении объективно сложившихся интеграционных тенденций в правовой регламентации общественных отношений.

Таким образом, унификация законодательства имеет вторичный характер по отношению к процессам интеграции права, выполняет фактически служебную технико-юридическую функцию по их формализации в системе нормативных правовых актов. Ярким примером служит создание единых кодифицированных актов, имеющих в своей структуре в качестве обязательного компонента общую часть.

На основании приведенных доводов полагаем целесообразным под унификацией законодательства понимать сознательную деятельность правотворческих органов и иных лиц по обеспечению единства и единообразия нормативных правовых предписаний, сопряженную с применением правил и средств юридической техники, содержание которой составляет формализация общих норм в законодательстве, приведение к единству его терминологии и нормативное оформление его общих институтов.

При таком подходе роль законодателя сводится к тому, что он, осознавая объективную потребность в интеграции правовой регламентации общественных отношений, осуществляет ее посредством соответствующей правотворческой деятельности, именуемой унификацией законодательства.

Следует поддержать позицию, согласно которой «интеграция права и унификация законодательства – взаимосвязанные, но не тождественные процессы. Их соотношение обусловлено взаимосвязью качественной и

количественной модернизацией структурных элементов содержания системы права (интеграция) и внешних форм их выражения (унификация)»¹.

Представляется обоснованным определять *унификацию законодательства в сфере юридической ответственности* в качестве комплексного способа правотворческой деятельности по формированию общих нормативных предписаний и принципов института ответственности, по приведению к единообразию его терминов, по сокращению избыточных запретов и чрезмерной дифференциации мер ответственности, а также по разработке типовых юридических конструкций в виде соответствующих составов правонарушений и общих запретов, по формированию единых кодифицированных актов в области юридической ответственности в целях предотвращения состояния дисбаланса последней и обеспечения ее системной целостности.

В числе средств унификации юридической ответственности и предотвращения ее дисбаланса следует выделить:

- выделение общей части в кодифицированных актах, регламентирующих юридическую ответственность;
- выработку общих принципов института юридической ответственности и иных общих нормативных правовых предписаний;
- обеспечение смысловой однозначности используемой терминологии в сфере ответственности;
- разработка общих составов правонарушений и общих правовых запретов;
- объединение субинститов юридической ответственности;
- устранение избыточной дифференциации запретов и мер юридической ответственности за их нарушение;
- формирование общих начал назначения наказания и определения выбора иных мер юридической ответственности и др.

¹ Петров Д.Е. Указ. соч. С. 318.

Наряду с выше обозначенными инструментами можно выделить и иные средства совершенствования института ответственности в российском законодательстве. В частности, следует согласиться с позицией И.Н. Сенякина, согласно которой значимым средством устранения дисбаланса юридической ответственности в отношении ее структурной организации выступают *юридические конструкции*. Их использование в деле предотвращения дисбаланса ответственности должно опираться на три группы правил:

- языковые требования, к формированию юридических конструкций в системе юридической ответственности, сводимые к ясности, точности и по возможности лаконичности изложения охранительных нормативных правовых предписаний;
- гносеологические правила, определяющие порядок и саму необходимость установления мер ответственности за определенные варианты социально вредного или общественно-опасного поведения;
- правила логического построения конструкций, связанные с логической структурой нормы права, определения структуры и элементов составов правонарушений, выбора форм вины в отношении отдельных видов правонарушений, четкого отражения в нормативном предписании запрета благодаря его типовой юридической конструкции и др.¹

При этом следует отметить, что в деле предотвращения дисбаланса юридической ответственности особое место, на наш взгляд, должно отводиться *трем юридическим конструкциям: структура нормы права, состав правонарушения, структурно-организованная модель правового запрета*. Если первые две юридические конструкции достаточно обстоятельно изучены в отечественной юридической литературе, не смотря имеющиеся дискуссии в отношении их понимания и структурного состава, то последняя в виде логической модели запрета в праве представляет собой

¹ См. подробнее: *Сенякин И.Н. Дисбаланс юридической ответственности (технико-культурная детерминация и причины)* // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 280 – 281.

менее проработанную теоретико-практическую проблему и требует к себе, на наш взгляд, большего внимания.

На общетеоретическом уровне вопрос о запрете в качестве отдельного вида юридической конструкции затрагивается в работе В.В. Толмачева, который предлагает с позиции юридической техники оптимизировать деятельность законодателя по фиксации запретов в нормативных правовых актах посредством четкого выделения их типовой структуры, включая определение масштаба и цели охранительного воздействия. В этой связи исследователем на основе обобщения данных отраслевых юридических наук выдвигается *структура правового запрета*, состоящая из таких элементов, как:

- субъект (ы) запрета;
- объект запрещаемого деяния;
- предмет охраны;
- цель установления правового запрета¹.

Схожую модель запрета в качестве юридической конструкции описывают и представители теории конституционного², административного³ и уголовного права⁴. Следование данной модели запрета в правотворческой практике позволяет предотвращать такие формы проявления дисбаланса юридической ответственности, как избыточность правовых запретов, их дублирование и необоснованное введение в содержание права.

Далее кратко охарактеризуем каждый элемент запрета в качестве целостной юридической конструкции.

¹ См. подробнее об этом: Толмачев В.В. Техничко-юридические средства установления и реализации запретов в российском праве. Дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2014.

² См.: Куликова С.А. Теоретико-правовая модель конституционного запрета цензуры // Право: история, теория, практика. Материалы международной заочной научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2011 года). СПб., 2011. С. 56-60.

³ См.: Слепченко Ю.Н. Запреты в административном праве: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 10 – 12 и др.

⁴ См.: Авдеева М.В. Уголовно-правовая норма и уголовно-правовой запрет // Законодательство и экономика. 2012. № 6. С. 42 – 49.

Субъектами запрета выступают лица, в отношении которых он содержит предписание о воздержании от совершения определенных противоправных действий.

Объект запрета представляет собой противоправное поведение субъектов, которое подразумевает соответствующую негативную реакцию со стороны общества и государства, в первую очередь посредством установления и применения соответствующих мер ответственности.

Предмет охраны правового запрета составляют сами общественные отношения, которые потенциально могут подвергаться разрушительному воздействию со стороны противоправного и запрещаемого варианта поведения субъектов.

Цель запрета зачастую прямо не устанавливается в нормативном правовом акте, а выводится из его общего смысла или подразумевается. В большинстве случаев целью запретов в праве выступает охрана и защита прав человека, обеспечение режима законности и установление правопорядка в обществе.

Дискуссионным моментом выступает вопрос о включении в конструкцию запрета еще одного элемента в виде юридической ответственности или санкции¹. По данной проблеме следует согласиться с позицией В.В. Толмачева, согласно которой юридическая ответственность не может составлять структурный элемент запрета, поскольку представляет собой достаточно масштабное правовое средство: «При конструировании и законодательном закреплении правовых запретов, конечно же, следует предусматривать конкретные меры юридической ответственности за их нарушение. Однако, это не является причиной, по которой мы должны включать юридическую ответственность в структуру самого запрета»². На наш взгляд, напротив, институт ответственности в праве включает в себя запрещающие нормативные предписания. Следовательно, запреты есть часть

¹ См.: Куликова С.А. Указ. соч. С. 58.

² Толмачев В.В. Указ. соч. С. 165.

межотраслевого института юридической ответственности. Именно поэтому тщательная технико-юридическая проработка формально-юридического закрепления запретов в нормативных правовых актах составляет важнейшее средство профилактики состояния дисбаланса юридической ответственности.

При установлении новых запретов в системе юридической ответственности необходимо соблюдать ряд правил (требований) с учетом ранее рассмотренной их типовой модели (юридической конструкции запрета). В их числе выделим следующие:

- объект запрета в праве надлежит определять четко и однозначно в содержании нормативного правового акта;
- полнота изложения правового запрета требует формулирования всего комплекса признаков противоправного деяния;
- использование оценочных категорий в формировании запрещающих нормативных предписаний допускается лишь в качестве исключения при надлежащем обосновании;
- не допускается дублирование запретов в отношении одного и того же объекта;
- установление запретов только в целях охраны общественных отношений, объективно включенных в поле правового регулирования, с учетом наличия реальной или потенциальной угрозы для их нормального функционирования и возможности фиксации нарушения таких запретов посредством имеющихся материальных и процессуальных правовых средств;
- должна быть определена точная характеристика субъекта запрета, включая возраст, наличие особого правового статуса и др.

В качестве перспективных направлений совершенствования института юридической ответственности в российском законодательстве и предупреждения состояния его дисбаланса следует назвать:

- систематизацию и дальнейшую дифференциацию норм об ответственности государственных служащих с перспективой выделения в

качестве самостоятельного вида юридической ответственности наряду с дисциплинарной;

- гармонизацию института ответственности медицинских работников по российскому законодательству;

- развитие института экологической ответственности в праве;

- внедрение в понятийный аппарат российского законодательства категории «система наказаний в праве»;

- расширение использования инструментов ответственности и защиты от нарушений в сфере использования электронно-цифровых технологий в правосудии и иных сферах юридической практики;

- устранение излишних запретов и чрезмерно «жестких» мер ответственности в области политической деятельности;

- снижение избыточного ограничительного и карательного воздействия со стороны права в сфере предпринимательской деятельности и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение проблем дисбаланса юридической ответственности позволяет сделать вывод об особом значении данного феномена для функционирования всего механизма правового регулирования, поскольку разбалансированность охранительных норм российского права снижает эффективность его действия в целом, вызывает такие масштабные негативные явления в правовой жизни, как дисфункции права, состояния юридической безответственности, чрезмерное ограничение правом развития и функционирования общественных отношений, снижение социально-полезной активности личности, разрастание коррупции в системе государственного управления, разрушение правопорядка и подрыв режима законности.

В настоящий момент тенденция качественного разрастания дисбаланса в системе норм, предусматривающих меры юридической ответственности в различных сферах правового регулирования, набирает обороты благодаря появлению новых видов ответственности, существенному увеличению числа запрещающих предписаний в содержании российского права, чрезмерного ужесточения ответственности по ряду направлений, а также ввиду недостаточной проработанности комплекса мер юридической ответственности государственных служащих.

В работе были обнаружены определенные противоречия в подходе отечественного законодателя к практике формально-юридического закрепления запретов в праве и мер ответственности за их нарушение. Тщательный анализ конституционной, уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной и иных видов юридической ответственности продемонстрировал наличие системных противоречий между ними, сопряженных с нарушением таких основополагающих принципов права как, справедливость, гуманизм, соразмерность противоправного деяния и наказания, сочетания публичных и частных интересов и ряда других.

В российской правотворческой практике нередки случаи неоправданного отождествления, смешения мер карательной и восстановительной ответственности, что чревато дублированием наказания, ущемлением интересов потерпевших от противоправных деяний, невниманием к проблеме восстановления нарушенного права. В целом же в ходе исследования были выявлены и проанализированы следующие наиболее типичные формы проявления дисбаланса ответственности в российском законодательстве:

- дисбаланс между юридической ответственностью личности с одной стороны, и ответственность государства перед личностью с другой;
- рассогласование общих и специальных норм в содержании института юридической ответственности;
- несоразмерность правонарушений и установленных мер ответственности в праве за их совершение;
- избыточность правовых запретов;
- межотраслевые коллизии в институте юридической ответственности, разрушающие его системное единство;
- разбалансированность материальных норм института ответственности и процессуальных нормативных предписаний, обеспечивающих их реализацию;
- дублирование правовых наказаний, поскольку это нарушает основополагающие принципы юридической ответственности.

Изучение проблем дисбаланса юридической ответственности позволяет констатировать необходимость выделения и разработки отдельного направления в рамках правовой политики государства в виде унификации и специализации института юридической ответственности. Требуется специальная подготовка специалистов для работы в правотворческих органах государственной власти по отмеченному направлению. Для этой цели можно рекомендовать внедрение специальных курсов для подготовки бакалавров, специалистов и магистров в области юриспруденции с названиями

«Актуальные проблемы дисбаланса юридической ответственности в российском законодательстве», «Унификация и специализация юридической ответственности».

Думается, что одной из перспективных проблем дальнейшего исследования проблем разбалансированности в системе юридической ответственности выступит вопрос о преодолении дисбаланса данного института посредством правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности. В этом плане заслуживает особого внимания динамическая сторона дисбаланса юридической ответственности, которая проявляет себя в механизме ее реализации. Одновременно следует отметить, что в целом на уровне теории государства и права в настоящий момент не уделяется должного внимания вопросам систематизации норм об ответственности в российском праве, отсутствуют комплексные исследования по отмеченной тематике.

Небезынтересным представляется продолжение исследований в области гарантий реализации мер юридической ответственности ввиду того, что одним из негативных последствий дисбаланса ответственности в праве выступает феномен юридической безответственности, выражающийся в состояниях ухода от ответственности как посредством легальных, так и теневых инструментов в правовой действительности, что фактически сводит на нет действие значительно числа норм российского законодательства в сфере ответственности за коррупционные правонарушения, в сфере нелегального предпринимательства, в отношении домашнего насилия и др.

В отраслевых юридических науках, в частности теории уголовного и административного права, накоплен богатый материал по вопросам унификации и дифференциации соответствующих отраслевых институтов ответственности, что требует надлежащего обобщения на уровне теории права и государства и проведения целого ряда комплексных исследований по данным проблемным вопросам. Расширение и дополнение общетеоретического знания по указанным проблемным вопросам

способствует дальнейшему развитию учения о юридической ответственности, привносит в него новое системное видение и увязать его с насущными проблемами юридической техники в сфере унификации и специализации российского законодательства.

Определенным научно-эвристическим потенциалом обладает рассмотрение в будущем проблемы развития института ответственности государства перед личностью посредством развития, в том числе и такого субинститута, как ответственность государственных служащих и государства по возмещению вреда, причиненного деятельностью в рамках государственного управления.

Помимо вышеуказанных направлений исследования по рассматриваемой проблематике следует обозначить и ряд иных не менее значимых вопросов, заслуживающих в будущем более пристального внимания со стороны теоретиков права:

- дисбаланс федерального и регионального законодательства в сфере юридической ответственности;
- соотношение и взаимосвязь процессов интеграции и дифференциации норм института юридической ответственности с деятельностью по специализации и унификации российского законодательства;
- индивидуализация наказания и ее взаимосвязь с дифференциацией юридической ответственности;
- дисбаланс между ответственностью, устанавливаемой участниками договорной практики, и законодательными нормами в сфере юридической ответственности;
- места и роли актов судебного толкования в деле преодоления дисбаланса юридической ответственности;
- юридической безответственности как составляющей теневой жизни права;

- противодействие закону, содержащему меры юридической ответственности со стороны как самих граждан, так и должностных лиц, применяющих право;

- избыточность запретов в праве;

- оптимизация системы наказаний в праве на межотраслевом уровне как средство предупреждения дисбаланса юридической ответственности;

- пределы ограничительной функции юридической ответственности;

- дисфункции юридической ответственности и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2021. № 29. Ст. 5751.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 8 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2021. № 29. Ст. 5120.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2021. № 27 (ч.1). Ст. 5751.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 15 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; 2021. № 30. Ст. 5884.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 2 марта 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2021. № 11. Ст. 1881.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 1 сентября 2020 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; 2020. № 37. Ст. 5712.
8. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147; 2021. № 27. Ст. 5130.

9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 28 июня 2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5048.

10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 2001. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5114.

11. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5110.

12. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; 2021. № 18. Ст. 3059.

13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5071.

14. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5177.

15. Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» // СЗ РФ. 1996. № 21. Ст. 2468.

16. Указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 (ред. от 12 июля 2021 г.) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации" (вместе с "Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации", "Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации", "Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации")» // СЗ РФ. 2007. № 47 (1 ч.). Ст. 5749; 2021. № 29. Ст. 5633.

Материалы правоприменительной практики

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйслена» // СЗ РФ. 2014. № 44. Ст. 6128.

18. Определение Конституционного Суда РФ от 04 октября 2006 года № 441-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Андреева Юрия Сергеевича, Камышанова Павла Владимировича и Писаревой Елены Николаевны на нарушение их конституционных прав положениями части первой статьи 54, части третьей статьи 56 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан и пункта 1 статьи 7 Федерального закона "О лицензировании отдельных видов деятельности» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. 2006. 20 дек.

20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Российская газета. 2008 26 дек.

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Документ не был опубликован – доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Письмо Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 1936-5/общ. «О разъяснении отдельных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, связанных с применением административного приостановления деятельности как вида административного наказания» // Документ опубликован не был - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Постановление Верховного Суда РФ от 15 августа 2014 г. № 60-АД14-16 // Документ опубликован не был - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная литература

26. *Баймаханов М.Т.* Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. Алма-Ата, 1972. 358 с.

27. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е доп. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. 544 с.

28. *Брайнин Я.М.* Уголовный закон и его применение. М.: Юрид. Лит., 1967. 240 с.

29. *Вейль Г.* Симметрия / Пер. с англ./ Под ред. Б.А. Розенфельда. М., 1968. 192 с.

30. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности: Монография. М.: Изд-во РАП, 2008. 304 с.

31. *Власенко Н.А.* Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. 100 с.
32. *Габов А.В., Гасников К.Д., Емельянцев В.П.* Юридические лица в российском гражданском праве: Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц: в 3 т. /под общ. Ред. А.В. Габова. С.: Инфра-М, 2015. 280 с.
33. *Галаган И.А.* Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. 198 с.
34. *Галлиган Д., Полянский В.В., Стариков Ю.Н.* Административное право: история развития и основные современные концепции. М., 2002. 410 с.
35. *Диденко А.Г.* Оценочные понятия в гражданском законодательстве. Избранное (постсоветский период). Алматы: Казахстан, 2004.
36. *Доронина О.В.* Депутатский иммунитет: некоторые вопросы теории и практики. Калуга: Изд-во научной литературы, 2009. 384 с.
37. Законодательный дисбаланс / Под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: СГАП, 2013. 720 с.
38. *Игнатенко В.В.* Правовое качество законов об административных правонарушениях. Иркутск, 1998. 310 с.
39. *Илларионова Т.И.* Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск, 1982. 168 с.
40. *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. 310 с.
41. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. 381 с.
42. *Кулагин М.И.* Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд. М.: Статут, 2004. 363 с.
43. *Кругликов Л.Л., Василевский А.В.* Дифференциация ответственности в уголовном праве СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 298 с.

44. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М.: Изд-во «Юрид. лит-ра», 1962. 237 с.
45. *Липинский Д.А.* Проблемы юридической ответственности / Под ред. Р.Л.Хачатурова. 2-е изд., перераб. И доп. СПб.: Юрид.центр «Пресс», 2004. 409 с.
46. *Максимов И.В.* Административные наказания. М.: Норма, 2009. 464 с.
47. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов: Сарат. Гос. Акад. Права, 2003. 512 с.
48. *Могунова М.А.* Государственное право Швеции. М.: Инфра-М, 2009. 384 с.
49. *Нусратуллин В.К.* Неравновесная экономика. 2-е, изд. доп. М., 2006. 481 с.
50. *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций: аксиологические аспекты. Л., 1976. 135 с.
51. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / Дагель П.С., Злобин Г.А., Келина С.Г., Кригер Г.Л., Кудрявцев В.Н., Минаева Т.И., Яковлев А.М., отв. ред.: Кудрявцев В.Н., Яковлев А.М. М., 1982. 303 с.
52. *Поленина С.В.* Основы гражданского законодательства и гражданские кодексы. М., 1968. 192 с.
53. *Поленина С.В.* Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993. 56 с.
54. *Поленина С.В.* Теоретические проблемы системы советского законодательства. М., 1979.
55. *Прокопович Г.А.* Юридическая ответственность в российском праве (теоретический аспект): Монография. М.: НОУ ВПО МЭЛИ, 2007. 183 с.

56. *Рипинский С.Ю.* Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 227 с.

57. *Сенякин И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики. Саратов, 1993. 194 с.

58. *Сенякин И.Н.* Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. 504 с.

59. *Серков П.П.* Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: Монография. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 480 с.

60. *Соколова М.А.* Дефекты юридических документов: Монография. М.: Юриспруденция, 2016. 160 с.

61. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С. М. Иншакова. М., 2011. 839 с.

Учебные издания

62. *Алексеев С.С.* Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.

63. *Керимов Д.А.* Законодательная техника: научно-методическое и учебное пособие. М., 1997. 125 с.

64. *Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И.* Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014. 536 с.

65. Международное частное право: учебник / Под ред. Г.К. Дмитриевой. М., 2004. 656 с.

Статьи в периодических изданиях, материалах конференций,

сборниках научных трудов

66. *Авдеенкова М.П.* Особенности систематизации правовых норм о юридической ответственности // Право и политика. 2008. № 3. С. 557-561.

67. *Авдеева М.В.* Уголовно-правовая норма и уголовно-правовой запрет // Законодательство и экономика. 2012. № 6. С. 42 – 49.

68. *Адушкин Ю.С.* Система административных наказаний // Актуальные проблемы административного законодательства: Материалы научно-практической конференции. Тамбов: ТГУ, 2003. С. 40 – 42.
69. *Александров А.А.* Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 1. С. 54–57.
70. *Аноприенко К.В.* Правовая ответственность за нарушение таможенного законодательства ЕАЭС: исторический опыт и вопросы унификации // Судья. 2016. № 3 (63). С. 57-61.
71. *Байдуллин А.Э.* Дисфункции института ответственности как институционализация безответственности регуляторов // Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности. Сборник научных трудов по итогам IV-й Международной научной конференции. 2017. С. 49-51.
72. *Бару М.И.* Унификация и дифференциация норм трудового права // Сов. государство и право. 1971. № 10. С. 40-45.
73. *Бачило И.Л.* Проблемы гармонизации в законодательстве // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 90 – 95.
74. *Белов С.В.* К вопросу об унификации административной ответственности за противодействие законным требованиям сотрудника полиции // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2018. С. 177-181.
75. *Борков В.Н.* Закономерности формирования и дисбаланс системы уголовно-правовых запретов на совершение должностных преступлений // Административное и муниципальное право. 2008. № 3. С. 9-15.
76. *Бочегуров А.И.* Системные дисфункции государственной службы // Наука и современность. 2010. № 3-3. С. 181-184.
77. *Бубон К.В.* Без вины виноватые // Адвокат. 2008. № 1. С. 4-12.

78. *Буравлев Ю.М.* Юридическая ответственность государственных служащих, обусловленная оценкой эффективности служебной деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 4. С. 32-35.

79. *Бутакова Н.А.* Международная унификация ограничения ответственности судовладельцев // Неделя науки Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. 2020. Т. 1. № 3-1. С. 42-44.

80. *Верецагин А.Н., Каранетов А.Г., Тай Ю.В.* Пути совершенствования правотворческой деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ // Вестник ВАС РФ. 2013. № 6. С. 4-81.

81. *Вильнянский С.И.* Применение норм советского права // Учен. Зап. Харьк. Юрид. Ин-та. Харьков: Изд-во Харьк. Ун-та, 1956. Вып. 7. С. 4-20.

82. *Власенко Н.А.* Логико-структурные дефекты системы советского права // Правоведение. 1991. № 3. С. 21 – 26.

83. *Власенко Н.А.* Проблема достаточности и агрессивности правового регулирования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 41 – 47.

84. *Волеводз А.Г.* Уголовная политика: многообразие проблем, требующих решения // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 2. С. 7-8.

85. *Волеводз А.Г.* Уголовно-правовые препятствия международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 2. С. 164-172.

86. *Волков В.Р.* К вопросу о системном представлении категории дифференциации уголовной ответственности // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 1. № 1 (1). С. 89-93.

87. *Вятчин В.А.* Об унификации ответственности в национальном и международном частном праве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 3 (79). С. 64-69.

88. *Гаврилова Л.В.* Систематизация законодательства субъектов Российской Федерации об административной ответственности: опыт и проблемы // Академический юридический журнал. 2008. № 4 (34). С. 34-41.

89. *Гаджиева М.Г., Пирбудагова Д.Ш.* Ограничения прав и свобод человека и гражданина: реализация принципа соразмерности при ограничении прав и свобод // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 202-204.

90. *Глазырин В.* Дисбаланс публичных и частных интересов // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 22-23.

91. *Глинда А.И.* Связи единства института юридической ответственности: классификация и учет при систематизации законодательства // Информационные технологии и право: Правовая информатизация - 2018. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Е.И. Коваленко. 2018. С. 129-135.

92. *Гоголев А.М.* Унификация законодательных норм привлечения недобросовестных налогоплательщиков к ответственности // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 4. С. 99-104.

93. *Горбаль М.Н.* Коррупция как дисфункция органов государственного управления: криминологические предпосылки // Новая наука: от идеи к результату. 2017. Т. 1. № 2. С. 221-225.

94. *Дамирли М.А.* Правовая дисфункция: понятие, вид, проявления, причины и пути преодоления. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 2 (19). С. 14–17.

95. *Дементьев И.Д.* К вопросу о понятии уголовно-процессуальных иммунитетов // Российский следователь. 2008. № 10. С. 11-14.

96. *Дзиконская С.Г.* К вопросу о соблюдении принципа равенства в условиях системы уголовно-правовых норм гендерной асимметрии // Уголовное судопроизводство. 2009. № 3. С. 7-10.

97. *Добробаба М.Б.* Дисциплинарная ответственность в трудовых и государственно-служебных правоотношениях: проблема дифференциации // Трудовое законодательство России и практика его применения в современных экономических условиях. Сборник научных трудов по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 44-48.

98. *Доронина Н.Г.* Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 59-60.

99. *Другов Я.А.* Кодекс субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях как результат систематизации законодательства об административной ответственности // Сибирский юридический вестник. 2016. № 1 (72). С. 37-42.

100. *Другов Я.А.* Кодекс Иркутской области об административных правонарушениях: как возможный результат систематизации законодательства об административной ответственности // Право и политика. 2016. № 2. С. 204-208.

101. *Егорова Н.А.* О понятии дифференциации и унификации уголовной ответственности // Российский ежегодник уголовного права. 2008. № 2. С. 94-110.

102. *Егорова Н.А.* Принципы дифференциации и унификации уголовной ответственности за управленческие преступления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 3 (14). С. 37-43.

103. *Егорова Н.А.* Виды и средства дифференциации и унификации уголовной ответственности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 2 (9). С. 40-47.

104. *Забавко Р.А., Рогова Е.В.* Дифференциация уголовной ответственности за экологические преступления. Иркутск, 2019. С. 36-43.

105. *Кузьмин И.А.* К вопросу о дифференциации частноправовой ответственности за коррупционное поведение // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 39. С. 36-43.

106. *Зеленин С.Р.* Критерием справедливости всегда была и остается соразмерность наказания содеянному // Судья. 2020. № 8 (116). С. 4-9.

107. *Зорькин В.Д.* Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 1-5.

108. *Зорькин В.Д.* Конституционно-правовые аспекты налогового права России и практика Конституционного Суда // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. №3. С. 98-106.

109. *Зражевская Т.Д.* Ответственность по советскому государственному праву // Правоведение. 1975. № 3. С. 80 – 86.

110. *Зяблова Т.Е., Комарова Я.Б., Мамчун В.В.* Понятие дисфункции как инструмента функционального анализа права // Вопросы экономики и права. 2019. № 4 (130). С. 18 – 23.

111. *Каргин К.В.* Унификация и дифференциация терминов «доказывание» и «аргументация» в процессуальных отраслях системы российского права // Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: сб. науч. ст. Материалы V ежегодной Международной научной конференции / отв. ред. В.М. Сырых, С.А. Рубаник. М., 2011. С. 343–351.

112. *Карнаушенко Л.В.* Дисфункции правовой идеологии: факторы, особенности, последствия // Юридический факультет Кубанского государственного университета: 60 лет служения науке и практике. Материалы Международной научно-практической конференции. 2018. С. 118-125.

113. *Карнаушенко Л.В.* Правовой нигилизм как дисфункция соционормативной системы трансформирующегося российского общества // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 197-200.
114. *Кашкина Е.В.* К вопросу о необходимости унификации норм административного законодательства, регламентирующих ответственность за потребление алкогольной продукции // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18-1. С. 172-174.
115. *Клименко А.И.* Дисфункции правовой идеологии и их причины // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 139-147.
116. *Клименко А.И.* Представление о функции и дисфункции правового государства в контексте современной правовой идеологии // Закон и право. 2009. № 8. С. 18-21.
117. *Клименко А.И.* Функции и дисфункции юридического права и формы правового регулирования общественных отношений // Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики. М., 2019. С. 18-27.
118. *Кипарисов Ф.Г.* Бланкетные юридические нормы в ракурсе принципа правовой экономии // Юридическая наука и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4(28). С. 251–255.
119. *Кожевников В.Н.* Функции юридической ответственности: общетеоретические и отраслевые аспекты // Современное право. 2015. № 4. С. 5-14.
120. *Комарова Я.Б.* Правовая дисфункция: к постановке проблемы // Синергия Наук. 2018. № 28. С. 798-803.
121. *Лактев С.А. Перижочина Ю.Д.* Дуализм административной ответственности за налоговые правонарушения // Административное право и процесс». 2016. № 9. С. 52-55.
122. *Кот М.К.* Вопросы систематизации принципов материальной ответственности в трудовом праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2015. № 4 (23). С. 20-22.

123. *Кузнецова Л.В.* Спорные вопросы деликтной ответственности // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: сб. ст. М.: Статут, 2010. С. 334-373.

124. *Куликов Е.А.* Принцип правовой экономии как одно из ведущих проявлений категории «мера» в правовой системе общества // Правовая система общества: преемственность и модернизация: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 2013. С. 24-27.

125. *Куликова С.А.* Теоретико-правовая модель конституционного запрета цензуры // Право: история, теория, практика. Материалы международной заочной научной конференции. СПб., 2011. С. 56-60.

126. *Куриленко А.В.* Вопросы систематизации ответственности Президента России как гаранта Конституции РФ // Современное право. 2011. № 12. С. 33-36.

127. *Курохтин Ю.А.* Проблемы соотношения системы права и системы законодательства // Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: сб. науч. ст. Материалы V ежегодной Междунар. науч. конф. / отв. ред. В.М. Сырых, С.А. Рубаник. М., 2011. С. 343-351.

128. *Лабутин М.А.* Принцип соразмерности ограничения избирательных прав осужденных к лишению свободы: международное право и российское законодательство // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 203-214.

129. *Лильеберг Р.Э.* Регулятивная дисфункция системы международного права в XXI веке – причины и последствия // Научные труды Института непрерывного профессионального образования. 2016. № 6 (6). С. 93-100.

130. *Липинский Д.А.* О функциональных связях института юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 1. С. 38- 41.

131. *Липинский Д.А.* Макроуровень института юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. №1. С. 25-44.

132. *Липинский Д.А.* Правовая политика в сфере дифференциации и индивидуализации эколого-правовой ответственности // Актуальные проблемы государственной экологической политики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Р.Х. Гиззатуллин. 2017. С. 168-172.

133. *Липинский Д.А.* Несогласованность Кодекса об административных правонарушениях // Юрист. 2003. № 7. С. 30-34.

134. *Лихтер П.Л.* О систематизации принципов гражданско-правовой ответственности // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 12. С. 279-288.

135. *Лопашенко Н.А.* Уголовный проступок в современной России: проекты, проблемы и прогнозы // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции / Под общей ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2019. С. 229-232.

136. *Лунарев Е.Б., Епифанова Е.В.* проблемы формальной систематизации административной ответственности в сфере медицинской деятельности в Российской Федерации и экономическая подоплека вопроса // Административное право и процесс. 2019. № 11. С. 37-40.

137. *Майоров В.И., Денисенко В.В.* К вопросу о систематизации норм, регулирующих административную деятельность за правонарушения в области дорожного движения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 4 (46). С. 81-87.

138. *Малько А.В.* О необходимости теории запретов в праве // Запреты в праве и правовой политике: общетеоретический и отраслевой аспекты: монография / Под ред. А.В. Малько. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2018. С. 5-19.

139. *Малько А.В., Маркунин Р.С.* Ответственность Президента Российской Федерации в системе юридической ответственности органов публичной власти. Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 2 (29). С. 47-50.

140. *Маслов В.А.* Дифференциация уголовной ответственности: вопросы дефиниции и оснований // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 1 (46). С. 51-58.

141. *Маркунин Р.С.* Субъект как элемент системы ответственности органов публичной власти. Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 2 (29). С. 51-54.

142. *Мельниченко Н.Н.* К вопросу об унификации терминологии уголовного закона в нормах, устанавливающих ответственность за посягательства на сохранность объектов археологического наследия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 8. С. 90-95.

143. *Невирко Д.Д.* Соразмерность наказания за коррупционные правонарушения в контексте унификаций подходов // Научный компонент. 2019. № 4 (4). С. 127-132.

144. *Никитина А.В.* Принцип пропорциональности (соразмерности) конституционно-правовой ответственности // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 1. С. 33-43.

145. *Носов С.И.* О некоторых проблемах законотворчества в Российской Федерации // Юрист. 2016. № 21. С.36-40.

146. *Огнерубов Н.А.* Критерии дифференциации уголовной ответственности // Современное право. 2019. № 4. С. 120-126.

147. *Панченко П.Н.* Динамика российского уголовного законодательства в XXI веке в контексте задач экономического и социального развития страны // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. №17. С.213-218.

148. *Пестов Р.А.* К вопросу о принципе справедливости и соразмерности в проекте нового КоАП РФ // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4 (7). С. 90-93.

149. *Петрова Я.Л.* Дисфункции юридической антикультуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4-3 (10). С. 128-130.

150. *Плиева М.Р.* Унификация частноправовых норм, регулирующих ответственность туристских организаций // Вестник Российской правовой академии. 2006. № 4. С. 49-51.

151. *Плотников В.В.* Проблема деструкции и дисфункции механизмов социальной регуляции в условиях развертывания чрезвычайных (экстремальных ситуаций) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4 (34). С. 149-152.

152. *Плохова В.И.* Оценка современных подходов к реализации уголовной ответственности с позиции соразмерности деяния и ответственности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. материалы XVI Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 323-328.

153. *Поезжалов В.Б., Галимов Р.Р.* Вопросы конструирования в уголовном законе ряда квалифицирующих обстоятельств и дифференциация уголовной ответственности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2013. № 1 (59). С. 39-45.

154. *Помогалова Ю.В., Давыдова А.И.* Критерии определения соразмерности подлежащей взысканию неустойки // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2018. № 4 (18). С. 73-76.

155. *Проценко С.В.* О противоречии действующего института освобождения от уголовной ответственности основным положениям Конституции РФ // Российский следователь. 2010. № 19. С. 22-26.

156. *Рагозина И.Г.* Уголовная ответственность за налоговые преступления: вопросы унификации и дифференциации // Юристъ-Правоведъ. 2009. № 1 (32). С. 34-38.

157. *Рогова Е.В.* Конституционные принципы дифференциации уголовной ответственности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 62-67.

158. *Рыженков А.* Правовая природа антимонопольной ответственности // Конкуренция и право. 2015. № 5. С. 53-58.

159. *Рябинина Т.К., Козявин А.А.* Системные противоречия процессуальной формы предварительного расследования и пути их разрешения // Российский следователь. 2009. № 21. С. 10-13.

160. *Садиков О.Н.* Дифференциация и унификация гражданского законодательства // Сов. государство и право. 1969. № 12. С. 31-39.

161. *Санташов А.Л.* Вопросы унификации и дифференциации ответственности несовершеннолетних в уголовном праве // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2017. № 32. С. 70-72.

162. *Санташов А.Л.* Вопросы законодательной техники при формулировании нормативных оснований дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2018. № 12 (127). С. 240-241.

163. *Селезнев В.А.* Спорные вопросы законодательства об административной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 121-130.

164. *Сенякин И.Н.* Дисбаланс юридической ответственности в российском законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). С. 127-138.

165. *Сенякин И.Н.* Дисбаланс юридической ответственности (технокультурная детерминация и причины) // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 274-281.

166. *Скребнева Н.А.* Систематизация юридической ответственности в медицинских отношениях // Правозащитник. 2015. № 4. С. 5-11.
167. *Смирнов Д.А.* Оценочные понятия и принципы налогового права: вопросы соотношения и правоприменения // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2. С. 85-101.
168. *Спенсер Г.* Грех законодателей // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 130-139.
169. *Суслова Н.В.* Дефекты в российском праве: постановка проблемы, научные подходы, понятие // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 31-37.
170. *Тасалов Ф.А.* УК гуманизируется, дисбаланс остается // ЭЖ-Юрист. 2011. № 26. С. 1-3.
171. *Тенгизова Ж.А.* Некоторые вопросы возрастной дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних // Социально-политические науки. 2019. № 1. С. 104-106.
172. *Трофимова Г.А.* основания конституционно-правовой ответственности за нарушение избирательного законодательства: опыт систематизации // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 4. С. 10-15.
173. *Уваров И.А.* Преступность осужденных как проявление социальной дисфункции пенитенциарной профилактики // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2 (16). С. 12-15.
174. *Черданцев А.Ф.* Системообразующие связи права // Советское государство и право. 1974. №8. С. 5-15.
175. *Черногор Н.Н.* О Теоретических проблемах юридической ответственности // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 105-109.
176. *Чихрадзе А.М.* Унификация законодательства об ответственности за убийство с привилегированным составом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (64). С. 23-26.

177. *Шаклеин С.Н.* Пенологические аспекты (факторы) при определении соразмерности административного наказания // *Право и государство: теория и практика*. 2018. № 3 (159). С. 134-137.

178. *Шандыбина М.О.* Функции и дисфункции светского государства в методологических координатах структурного функционализма Роберта Мертона // *Право и управление. XXI век*. 2015. № 1 (34). С. 79-85.

179. *Шилехин К.Е.* Отдельные проблемы систематизации законодательства об ответственности за правонарушения в области налогов и сборов // В сборнике: *Современные тенденции развития юридической науки. Сборник материалов III международной заочной научно-практической конференции*. Под общ. ред. Т.М. Пономарёвой. 2014. С. 211-215.

180. *Шилкина Е.Л., Тованцова Е.Н., Ковалев А.В.* Дисфункции во взаимодействии ветвей власти в современной России // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2018. № 5 (96). С. 119-123.

181. *Широков В.А.* Противоречие законов как серьезное препятствие в борьбе со взяточничеством // *Современное право*. 2005. № 4. С. 39-41.

182. *Шишов М.А.* Актуальные вопросы лицензирования отдельных видов деятельности // *Административное право и процесс*. 2013. № 8. С. 57-61.

183. *Шугуров М.В.* Баланс и дисбаланс как категории правовой реальности: системно-синергетический подход // *Российский журнал правовых исследований*. 2016. № 1(6). С. 87-98.

Справочные издания

184. *Аганов А.Б.* Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (расширенный, с использованием материалов судебной практики). 4-е издание, испр. и доп. М.: Статус, 2011. 437 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

185. *Аношина А.А.* Приостановление производства по гражданским делам в судах общей юрисдикции: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 26 с.
186. *Антонов А.Д.* Теоретические основы криминализации и декриминализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.
187. *Бабурин В.В.* Риск как основание дифференциации уголовной ответственности. Дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 423 с.
188. *Белоусов С.А.* законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика). Дис. д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 499 с.
189. *Бородушко Е.С.* Дисбалансы экономических систем как угроза экономической безопасности государства: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2012. 21 с.
190. *Васильевский А.В.* Дифференциация уголовной ответственности и наказания в общей части уголовного права. Дис. ...канд. юрид. наук. Ярославль, 2000. 221 с.
191. *Верина Г.В.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности. Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. 510 с.
192. *Даньков А.А.* Обеспечение баланса публичных и частных интересов в сфере правосудия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 34 с.
193. *Жилкин М.Г.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 402 с.
194. *Игнатенко В.В.* Правовое качество законов об административных правонарушениях: Теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 343 с.
195. *Кабанов П.А.* Карательная функция в системе юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 23 с.

196. *Катасонов А.В.* Превентивная функция юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. 26 с.
197. *Кашианина Т.В.* Оценочные понятия в советском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1974. 185 с.
198. *Кондратьева С.Л.* Юридическая ответственность: соотношение норм материального и процессуального права: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1998. 28 с.
199. *Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 493 с.
200. *Кротов С.Е.* Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 176 с.
201. *Кулева Л.О.* Категоризация преступлений как средство дифференциации ответственности в общей и особенной частях УК РФ. Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019. 244 с.
202. *Куликов Е.А.* Категория меры в праве: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 26 с.
203. *Лаврентьев А.Р.* Коллизии института юридической ответственности в России. Дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 200 с.
204. *Лапшин В.Ф.* Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления. Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2016. 446 с.
205. *Магомедов С.К.* Унификация терминологии нормативных правовых актов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 27 с.
206. *Малькова И.Ю.* Грабеж: вопросы квалификации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 186 с.

207. *Маркунин Р.С.* Юридическая ответственность депутатов и органов представительной власти: общетеоретический аспект: автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 29 с.

208. *Мацкевич А.В.* Реализация функций юридической ответственности органами государственной власти: на примере прокуратуры: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 25 с.

209. *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 505 с.

210. *Пьянкова А.Ф.* Баланс интересов в гражданском праве России и его обеспечение в договорных отношениях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 229 с.

211. *Рогова Е.В.* Учение о дифференциации уголовной ответственности. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 596 с.

212. *Родионова А.С.* Система наказаний в российском праве (общетеоретический аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 187 с.

213. *Семенова Д.М.* Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений. Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. 260 с.

214. *Скляр С.В.* Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 495 с.

215. *Скребнева Н.А.* Юридическая ответственность в публичном и частном праве (вопросы теории и практики). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 189 с.

216. *Слепченко Ю.Н.* Запреты в административном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. 24 с.

217. *Смирнова Л.Е.* Унификация в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006. 22 с.

218. *Соломеник Л.Н.* Восстановительная функция юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 30 с.

219. *Толмачев В.В.* Техничко-юридические средства установления и реализации запретов в российском праве. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 173 с.

220. *Трофимова М.П.* Функции юридической ответственности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 25 с.

221. *Хорошилов С.А.* Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности за налоговые преступления. Дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 251 с.

222. *Хусаинова О.В.* Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009. 161 с.

223. *Чермит К.Д.* Гармоническая пара «симметрия – асимметрия» в организме человека как фундаментальная основа адаптации: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Краснодар, 2004. 53 с.

Иностранная литература

224. Alexy R. Human dignity and proportionality analysis // *Estacio Journal of Law*. 2015. Vol. 16. Iss. 3. P. 110-115.

225. Baker R.B. Proportionality in the Criminal Law: The Differing American versus Canadian Approaches to Punishment // *Miami Inter-American Law Review*. 2008. № 39(3). P. 483-502.

226. Raymond M. No Fellow in American Legislation: *Weems v. United States* and the Doctrine of Proportionality // *Vermont Law Review*. 2006. № 30(2). P. 251-301.

227. Ristroph A. Proportionality as a Principle of Limited Government // *Duke Law Journal*. 2005. Vol. 55. №. 2. P. 262-264;

228. Romero L.M. Punitive Damages, Criminal Punishment, and Proportionality: the Importance of Legislative Limits // Connecticut Law Review. 2008. № 41(1). P. 109-160.

229. Voßkuhle A. Der Grundsatz der Verhältnismäßigkeit // Juristische Schulung. 2007. Bd. 47, H. 5. S. 429-431.